

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

- Концепция правовой политики
- Приоритеты правовой политики
- Правовая жизнь общества
- Право и политика в их взаимосвязи
- Федеральная и региональная правовая политика

САРАТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

САРАТОВСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ

АССОЦИАЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ
ВУЗОВ
(г. МОСКВА)

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

*Журнал включен ВАК Минобрнауки России
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук*

4 (57) • 2014

САРАТОВ • МОСКВА

Редакционная коллегия:

А.В. Малько (главный редактор), д.ю.н., профессор; В.В. Ныркв (зам. главного редактора), к.ю.н., доцент; О.Л. Солдаткина (ответственный секретарь), к.ю.н.; В.А. Абалдуев, к.ю.н., доцент; С.Ф. Афанасьев, д.ю.н., профессор; Е.В. Вавилин, д.ю.н., профессор; С.В. Ворошилова, д.ю.н., доцент; Н.А. Власенко, д.ю.н., профессор; О.С. Вырлеева-Балаева, к.ю.н.; А.В. Голикова, к.ю.н., доцент; М.В. Данилов, к.п.н., доцент; А.Н. Иванов, к.ю.н., доцент; К.Е. Игнатенкова, к.ю.н.; Н.В. Исаков, д.ю.н., профессор; Е.В. Кобзева, к.ю.н., доцент; Н.Н. Ковалева, к.ю.н., доцент; А.В. Колесников, к.ю.н., доцент; Е.В. Колесников, д.ю.н., профессор; Г.Н. Комкова, д.ю.н., профессор; И.Н. Коновалов, д.и.н., профессор; Д.А. Липинский, д.ю.н., профессор; В.В. Ныркв, к.ю.н., доцент; В.А. Пономаренков, к.ю.н., доцент; В.В. Попов, д.ю.н., доцент; В.А. Рудковский, д.ю.н., профессор; А.Ю. Саломатин, д.ю.н., д.и.н., профессор; А.Ю. Соколов, д.ю.н., доцент; В.В. Субочев, д.ю.н., доцент; Н.С. Судоргин, к.ю.н., доцент; Н.И. Сухова, к.ю.н., доцент; Л.А. Тимофеев, д.ю.н., профессор; В.Д. Холоденко, к.ю.н., доцент; Е.Ю. Чмыхало, к.ю.н., доцент; Р.З. Юсупов, к.ю.н., доцент; Е.А. Игнатенков (зав. редакцией).

Редакционный совет:

Н.И. Матузов (председатель), д.ю.н., профессор; С.А. Белоусов, к.ю.н., доцент; А.И. Демидов, д.ф.н., профессор; И.А. Иванников, д.ю.н., профессор; С.А. Комаров, д.ю.н., профессор; А.Г. Лисицын-Светланов, д.ю.н., профессор, академик РАН; Н.И. Михайлов, д.ю.н., профессор; С.Б. Суоров, д.с.н., профессор; С.Н. Туманов, к.ю.н., доцент; Ю.Л. Шульженко, д.ю.н., профессор; Р.С. Байниязов, д.ю.н., профессор; Ю.А. Волошин, д.ю.н., профессор (Украина); Г.А. Василевич, д.ю.н., профессор (Республика Беларусь); Г. Робберс, доктор наук, профессор (Германия); Я. Зелински, доктор наук, профессор (Польша); С. Лю, д.ю.н., профессор (Китай).

Editorial board:

A.V. Malko (editor-in-chief), Doctor of Law, Professor; V.V. Nyrkov (deputy of editor-in-chief), Candidate of Law, Associate Professor; O.L. Soldatkina (executive secretary), Candidate of Law; V.A. Abalduiev, Candidate of Law, Associate Professor; S.F. Afanasiev, Doctor of Law, Professor; E.V. Vavilin, Doctor of Law, Professor; N.A. Vlasenko, Doctor of Law, Professor; S.V. Voroshilova, Doctor of Law, Associate Professor; O.S. Vyrleeva-Balaeva, Candidate of Law, Associate Professor; A.V. Golikova, Candidate of Law, Associate Professor; M.V. Danilov, Candidate of Political Science, Associate Professor; A.N. Ivanov, Candidate of Law, Associate Professor; K.E. Ignatenkova, Candidate of Law, N.V. Isakov, Doctor of Law, Professor; E.V. Kobzeva, Candidate of Law, Associate Professor; N.N. Kovaleva, Candidate of Law, Associate Professor; A.V. Kolesnikov, Candidate of Law, Associate Professor; E.V. Kolesnikov, Doctor of Law, Professor; G.N. Komkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; I.N. Konoalov, Doctor of History, Professor; D.A. Lipinskiy, Doctor of Law, Professor; V.A. Ponomarenkov, Candidate of Law, Associate Professor; V.V. Popov, Doctor of Law, Associate Professor; V.A. Rudkovskiy, Doctor of Law, Associate Professor; A.Y. Salomatin, Doctor of Law, Doctor of History, Professor; A.Ju. Sokolov, Doctor of Law, Associate Professor; V.V. Subochev, Doctor of Law, Associate Professor; N.S. Sudorogin, Candidate of Law, Associate Professor; N.I. Sukhova, Candidate of Law, Associate Professor; L.A. Timofeev, Doctor of Law, Professor; V.D. Holodenko, Candidate of Law, Associate Professor; E.Y. Chmyhalo, Candidate of Law, Associate Professor; R.Z. Yusupov, Candidate of Law, Associate Professor; E.A. Ignatenkov (chief of editorial office).

Editorial council:

N.I. Matuzov (chief), Doctor of Law, Professor; S.A. Belousov, Candidate of Law, Associate Professor; A.I. Demidov, Doctor of Philosophy, Professor; I.A. Ivannikov, Doctor of Law, Professor; S.A. Komarov, Doctor of Law, Professor; A.G. Lisitsin-Svetlanov, Doctor of Law, Professor; N.A. Mihajlov, Doctor of Law, Professor; Y.A. Starilov, Doctor of Law, Professor; S.B. Surovov, Doctor of Sociology, Professor; S.N. Tumanov, Candidate of Law, Associate Professor; Ju.L. Shul'zhenko, Doctor of Law, Professor; R.S. Bayniyazov, Doctor of Law, Professor; Y.A. Volishin, Doctor of Law, Professor (Ukraine); G.A. Vasilevich, Doctor of Law, Professor (The Republic of Belarus); G. Robbers, DR, Professor (Germany); J. Zielinski, Dr hab, Professor (Poland); S. Lyu, Doctor of Law, Professor (China).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

- Малько А.В. (г. Саратов), Трофимов В.В. (г. Тамбов)*
«Правовая жизнь» в категориальном строе юриспруденции:
проблемы введения и некоторые методологические
аспекты исследования 8
- Маллакурбанов А.А., Шафиев М.М., Бабошина Е.В. (г. Кизляр)*
Федерализм и федерация в исторической ретроспективе
и современное видение перспективы 18

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА: ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Шмелёва М.В. (г. Саратов)*
Роль международно-правовой политики в области обеспечения
глобальной экологической безопасности 24
- Красиков Д.В., Липкина Н.Н. (г. Саратов)*
Методологическая модель разрешения коллизий международно-правовых
и внутригосударственных норм о правах человека 28
- Диноршоев А.М. (Душанбе, Республика Таджикистан)*
Формирование института прав человека в политической
и правовой истории таджикского народа 33

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ – ВЛАДИМИРСКИЙ ФИЛИАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФАКУЛЬТЕТ ПРАВА

- Картухин В.Ю.*
Владимирский филиал РАНХиГС при Президенте РФ:
состояние и перспективы юридического образования 37
- Чирикун В.А.*
Духовные ценности государственности 39
- Кудрявцев А.В.*
О месте оперативно-розыскной деятельности
в структуре уголовной политики государства 43
- Аверин А.В.*
Прагматическое правопонимание
как фактор социальной стабильности в обществе 48
- Наумов А.М.*
Взгляды дореволюционных российских исследователей
на уголовное преследование 54
- Ашин А.А.*
Формальное основание применения условно-досрочного освобождения
от отбывания наказания 58
-

<i>Рузевич О.Р.</i>	Понятие способа совершения преступления в уголовном праве России	64
<i>Жамбровский В.М., Ушаков С.Н.</i>	Муниципальные органы охраны общественного порядка в современной России	68
<i>Лачина Е.А., Лачин А.А.</i>	Особенности правового режима памятников природы: современное состояние проблемы	73

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н.П. ОГАРЁВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

<i>Уздимаева Н.И.</i>	Механизм реализации права на самозащиту	78
<i>Сушкова Ю.Н.</i>	Зарубежный опыт развития юридической антропологии	87
<i>Баринев В.В.</i>	Место и роль волостной юстиции в условиях ликвидации мирового суда	94

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

<i>Смирнов Д.А., Струсь К.А.</i>	Образовательное законодательство в современной России: общая характеристика новаций	102
<i>Захарова М.А.</i>	Организационно-правовые вопросы построения системы территориальных органов федеральных органов исполнительной власти	109
<i>Трофимов М.С.</i>	Дискуссионность закрепления обязательности решений, принятых на публичных слушаниях и на основании опросов населения муниципального образования	116
<i>Иванов С.А.</i>	Обязанность суда по учету смягчающих и отягчающих обстоятельств при назначении наказания как коррупциогенный фактор уголовного закона	125
<i>Нечаева Н.Б.</i>	Видеонаблюдение как инновационный инструментарий субъекта расследования в криминалистическом комплексе	132
<i>Шлюндт Н.Ю.</i>	Конкордат в механизме международно-правового регулирования	137
<i>Жуков А.П.</i>	К вопросу о системе законодательства об административной ответственности за правонарушения в сфере образования	144

Трибуна молодого ученого

- Мун В.А. (г. Волгоград)*
Государственно-правовая политика России
во второй половине XIX века в области трудового права 151
- Петрунина А.А. (г. Саратов)*
Единство судебной практики как принцип законодательства 156

CONTENT

LEGAL AND POLITICAL LIFE OF SOCIETY

- Malko A.V. (Saratov), Trofimov V.V. (Tambov)*
«Legal life» in the categorial apparatus of legal science:
problems of introduction and some methodological aspects of research 8
- Mallakurbanov M.M., Shafiev M.M., Baboshina E.V. (Kizlyar)*
Federalism and Federation in the historical retrospective
modern vision 18

LEGAL POLICY: INTERSTATE AND INTERNATIONAL PROBLEMS

- Shmeleva M.V. (Saratov)*
The role of international-legal policy
in the area of ensuring global environmental security 24
- Krasikov D.V., Lipkina N.N. (Saratov)*
Methodological model of overcoming of the conflicts
of international and domestic norms in the sphere of human rights 28
- Dinorshoev A.M. (Dushanbe, Republic of Tajikistan)*
Formation Institute of Human Rights in the political
and legal history of the Tajik people 33

PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION – VLADIMIR BRANCH OF THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION LAW FACULTY

- Kartuhin V.Y.*
Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration:
state and prospects of legal education 37
- Chirikin V.A.*
Spiritual values of statehood 39
- Kudryavtsev A.V.*
About a place of operational search activity
in structure of criminal policy of the state 43
- Averin A.V.*
Pragmatic legal consciousness as a factor of social stability of the society . . . 48
-

<i>Naumov A.M.</i>	Views of Russian pre-revolutionary lawyers for the criminal investigation	54
<i>Ashin A.A.</i>	Formal grounds of conditional early relief's from punishment application	58
<i>Ruzevich O.R.</i>	Concept of modus operandi in Russian criminal law	64
<i>Zhambrovsky V.M., Ushakov S.N.</i>	Protection of the public order by municipal authorities in modern Russia	68
<i>Lachina E.A., Lachin A.A.</i>	Particular features of natural monuments' legal protection in the present time	73

**PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF
THE RUSSIAN FEDERATION –
MORDOVIAN STATE UNIVERSITY NAMED AFTER N.P. OGAREV
LAW FACULTY**

<i>Uzdimaeva N.I.</i>	The mechanism of realization of the right to self-defense	78
<i>Sushkova Iu.N.</i>	Foreign experience of the development of legal anthropology	87
<i>Barinov V.V.</i>	Place and role of volost justice in the conditions of elimination of magistrate court	94

**PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION —
LAW FACULTY
OF THE NORTH CAUCASIAN FEDERAL UNIVERSITY**

<i>Smirnov D.A., Strus K.A.</i>	The educational legislation in modern Russia: general characteristic of innovations	102
<i>Zaharova M.A.</i>	Organizational and legal issues of building a system of territorial bodies of federal executive bodies	109
<i>Trofimov M.S.</i>	Debatable fixing binding decision adopted at the public hearings and surveys of the population of the municipality	116
<i>Ivanov S.A.</i>	The duty of the account by the court when sentencing extenuating and aggravating circumstances as a corruption-generating factor of the criminal law	125
<i>Nechaeva N.B.</i>	Video surveillance as an innovative tool in the forensic investigation of the subject complex	132
<i>Shlyundt N.Y.</i>	The concordat in the mechanism international legal regulation	137

Zhukov A.P.

On the question of the system of legislation
on administrative responsibility for offenses
in the sphere of education 144

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

Mun V.A. (Volgograd)

State legal policy of Russia in the second half of the nineteenth century
in labour law 151

Petrunina A.A. (Saratov)

Unity of jurisprudence as a principle of law 156

• ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА •

А.В. Малько,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации,
директор Саратовского филиала
Института государства и права
Российской академии наук

В.В. Трофимов,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права,
Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина

A.V. Malko,

Doctor of Law, Professor, Honored
Scientist of the Russian Federation,
Director of the Saratov branch of the
Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences,
igp@sgap.ru

V.V. Trofimov,

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor, Department of civil law,
Tambov State University
named after GR Derzhavin
iptgutv@mail.ru

«Правовая жизнь» в категориальном строе юриспруденции: проблемы введения и некоторые методологические аспекты исследования

***Аннотация:** в статье рассматриваются проблемные аспекты, связанные с введением понятия «правовая жизнь» в категориальный строй юриспруденции. Отмечаются преимущества, отражающие процесс обновления категориального аппарата юридической науки в данном направлении. Выявляется теоретико-методологический потенциал, присущий категории «правовая жизнь», рассматриваются некоторые методологические подходы к ее исследованию. Особое внимание уделяется отдельным перспективным направлениям государственно-правовых исследований в рамках предлагаемой концепции. Актуальность статьи обусловлена различными, иногда противоречивыми процессами, определяющими развитие юридической науки, например, неоднозначным процессом «наращивания» категориального аппарата науки права. В статье обосновывается тезис о том, что искомой научной новизной и соответствующим эвристическим потенциалом обладает понятие «правовая жизнь»; устанавливаются преимущества от введения категории «правовая жизнь» в категориальный строй теоретической юриспруденции, выявляются методологические возможности применения данной категориальной матрицы для анализа правовых проблем; обосновывается тот факт, что именно «правовая жизнь» может служить тем объектом правовой науки, который предлагает богатейший материал для научных исследований.*

***Ключевые слова:** правовая жизнь, юриспруденция, категория правовой науки, право, общество, методология, синергетика.*

Legal life in the categorial apparatus of legal science: problems of introduction and some methodological aspects of research

***Abstract:** This paper deals with the problematic aspects associated with the introduction of the concept of «legal life» in a categorial system of jurisprudence. The advantages, reflecting the process of updating the categorial apparatus of jurisprudence in this area. Revealed theoretical and methodological potential inherent category «Legal Life» discusses some methodological approaches to its study. Emphasis on selected promising areas of state-legal studies of the proposed concept. Relevance of articles due to various, sometimes conflicting processes that determine the development of legal science, for example, the controversial process of «building»*

categorical apparatus of jurisprudence. The article substantiates the idea that the required scientific novelty and appropriate heuristic potential has the concept of «legal life»; established benefits from the introduction of the category of «legal life» in a categorical system theoretical jurisprudence, identified methodological possibilities of the application of the categorical matrix for analyzing legal problems; substantiates the fact that it is «legal life» may serve as an object of legal science, which offers a wealth of material for research.

Keywords: legal life, law, legal category of science, law, society, methodology, synergy.

Развитие юридической науки в настоящее время сопряжено не только с появлением новых теоретико-правовых знаний и расширением сферы прикладных разработок, но и с усложнением аппарата и методов научного исследования. Этот процесс для науки права является закономерным и в то же время сложным и противоречивым. Стремление освоить все новые и новые области права (раздвинуть рамки предмета исследования) не всегда дополняется методологическими возможностями (наличием адекватных подходов и методов изучения). Вместе с тем привлечение новых методов (в частности, из других гуманитарных или естественных наук) не всегда означает высокий коэффициент полезного действия от их применения в силу специфики предметного поля юриспруденции.

Одновременно с этим противоречивым и неоднозначным является и процесс «наращивания» категориального аппарата науки права, особенно, если это касается так называемых всеобщих правовых категорий. С одной стороны, юриспруденция испытывает «дефицит» целостных и в некоторой степени претендующих на «универсальность» теоретико-методологических моделей познания мира правовых явлений (чтобы охватить, в том числе, такие несистемные явления, как «теневое право», инфраправо, «множественность нормативных систем» и пр.). С другой стороны, этот «дефицит» имеет парадоксальный характер, поскольку даже процесс введения и освоения нового категориального аппарата либо не приводит к желаемому эффекту, либо «заглушается» теми критериями рациональности, «научности» традиционной методологии, которые сформировались в рамках общей теории права. Хотя, если говорить о мировоззренческих, философских основаниях, то предпосылки смены таковых (к новым типам рациональности) стали ощущаться как необходимые и «назревшие» в отечественной философии с конца 1980-х гг. [1, с. 5–13].

С научной точки зрения искомой научной новизной и соответствующим эвристическим потенциалом обладает понятие «правовая жизнь». Есть достаточно веские основания придать этому понятию особый категориальный статус [2], что является принципиально значимым для построения соответствующей системы знаний, имеет методологическое значение для изучения всей проблемы как в плане детерминации логики ее теоретического осмысления, так и выбора адекватных средств и способов познания, определения места в категориальном строе общей теории права.

Будучи новой (или относительно новой [3, с. 91]) категорией, «правовая жизнь» испытывает на себе все указанные выше противоречия. С одной стороны, она старается выполнять функцию замещения известного дефицита методологически содержательных категорий, отражающих весь спектр правовых явлений (тем более с учетом характеристик постклассиче-

ского этапа научной рациональности). С другой стороны, именно к ней применяются мерки традиционного (классического) типа научного мышления, по сути, перекрывая тем самым процесс развертывания присущего категории «правовая жизнь» методологического потенциала (при этом не просто теоретически умозрительного характера, а ориентированного на практику жизни).

В целом, конечно, этот вопрос носит дискуссионный характер [4, с. 48; 5, с. 20–21; 6; 7; 8; 9 и др.]. Вместе с тем уже сам факт внимания к данной проблеме может означать, что требуется ее более детальное рассмотрение [10–18 и др.]. Во-первых, необходимо установить, в чем заключаются преимущества от введения категории «правовая жизнь» в категориальный строй теоретической юриспруденции. Во-вторых, следует выявить методологические возможности применения данной категориальной матрицы для анализа правовых проблем. И, в-третьих, обосновать факт того, что именно «правовая жизнь» может служить тем объектом правовой науки, который не только предлагает богатейший материал для научных исследований, но и приводит фактически всю правовую методологию в состояние «готовности», поскольку только при условии надлежащего «предмета» поисков «методы» имеют смысл.

Если отвечать на первый из поставленных в рамках данной статьи вопросов, то следует отметить, что обособление юридической науки в плане использования так называемой «жизненной стратегии» познания мира правовых явлений от иных областей гуманитарного знания представляется само по себе неоправданным. В политологии, экономике уже давно приобрели соответствующий категориальный статус понятия «политическая жизнь», «экономическая жизнь» и т. п. [19–22 и др.]. Эти сложные и многоаспектные понятия отражают соответствующие сложные явления в области политики и экономики. Следует полагать, приход данных научных сфер к необходимости использования искомым понятиям не был искусственным или в чем-то надуманным; вполне очевидно, это стало результатом определенных объективных процессов развития научного знания, тенденций его перехода на новые уровни (типы) рациональности [23].

А если это так, то почему правовая наука не принимает эти вполне простые данности и не становится на эти линии (тенденции) развития научного знания? Ведь вполне очевидны эвристические преимущества подобного рода новаций. Эта новая категориальная матрица, каковой является понятие «правовая жизнь», нисколько не размывает предмет юридического знания, а, напротив, придает ему не только технический (юридико-догматический), а истинно социальный (социально-правовой) характер (такой и должна быть правовая наука в своем предназначении). И в этом случае, если «берется за основание предмета общей теории права организация *правовой жизни общества* (курсив наш. — А. М., В. Т.)... то концептуальные выводы и положения общей теории права будут теориями функционирования правовых требований не в правовой системе, а в системе социальной жизни общества» [24, с. 16]. Так называемая «чистая» юриспруденция даже не пытается увидеть эти очевидные истины, но так или иначе вынуждена будет их признать, когда жизнь заставит это сделать.

Во многом дискуссионный фон вокруг научного статуса правовой жизни общества возник потому, что данное понятие стало претендовать, на то, на что претендовало до недавнего времени понятие «правовая система» — стать

предельно широкой категорией, охватывающей все юридические явления. Н.И. Матузов в связи с этим отмечает, что «в последнее время некоторые правоведы предлагают наряду с устоявшейся и общепринятой у нас и за рубежом категорией “правовая система” (предельно широкой, собирательной, многоэлементной) ввести в юридический лексикон как бы параллельное, но еще более объемное, по их мнению, понятие — “правовая жизнь”» [13, с. 11].

Однако очевидно, что данные категории не следует рассматривать как параллельные или однопорядковые. Думается, мало кто готов включать в рамки правовой системы несистемные явления, которые могут иметь признак «правового», поскольку прямо относятся к праву, но противоречат ему — правовой вакуум, правовой (законодательный) хаос, правовое отчуждение и пр., т. е. все то, что выпадает из системных связей, нарушает эти связи, но не исчезает из самой жизни общества. Будет ли готова категория «правовая система» охватить все эти несистемные явления, даже если усиленно расширять ее теоретические и методологические рамки (поскольку, следует признать, последовательно проводимый системный подход не исключает в том числе и негативные явления, и явление «энтропии» в системе как некие проявления системности и системных механизмов) [25, с. 235–236]? Воспримет ли доктрина (теория) правовой системы эти аспекты, это тоже вопрос, да и необходимо ли это?

Понятие правовой жизни, включая в себя понятие правовой системы, олицетворяет собой не только статические, но, прежде всего, динамические процессы, осуществляемые в юридической сфере, содержит не только системные, но и несистемные сегменты. Верно подмечено, что «правовая жизнь является процессом, действительностью в ее динамике, всегда завершающейся, рано или поздно, кристаллизацией правоотношений или их разрушением, ... в противоположность понятию правовой жизни понятие правовой системы характеризует общество с точки зрения одной из его структур как продукта кристаллизации общественных процессов» [26, с. 76].

Категория правовой жизни в отличие от категории правовой системы несет несколько иную смысловую нагрузку и выполняет иные методологические задачи более объемного рассмотрения правовых явлений (и здесь мы переходим к краткому ответу на второй из поставленных в статье вопросов). Правовая жизнь может быть рассмотрена как то всеобщее, что обуславливает и объединяет все прочие правовые феномены в единый комплекс (использование термина «комплекс» предполагает также и применение «стоящего» за ним «комплексного подхода», дополняющего «системный подход») [26, с. 330–331].

Закладывая в фундамент познания мира правовых явлений категорию жизни или жизненного мира (феноменологическая традиция), окажется возможным осуществить попытку построения целостного видения этого мира, в основе которого находится жизнь (правовая жизнь). При помощи категории «правовая жизнь» сам процесс познания права приобретет комплексный характер, позволит охватить весь спектр первоначальных и производных, статических и динамических, нормативных и ненормативных, положительных и отрицательных, организованных и неорганизованных, материальных и духовных правовых явлений, объединить их в единый комплекс, показать их как «сумму» правовой жизни.

Будучи комплексной предельно обобщающей категорией, в методологическом плане она обеспечит в рамках правовой науки, на наш взгляд, раскрытие потенциала метасистемного подхода, объединяющего различные виды знания: во-первых, предметное или конкретно-эмпирическое, где за начало берется «непосредственное, внешнее, единичное» в праве [28, с. 11]; во-вторых, системное, где происходит выведение анализа права на более широкую орбиту и предполагается рассмотрение права на различных уровнях (право в системе общества; правовая система как целостность социальных правовых явлений; система объективного права) [28, с. 19] и, в-третьих, комплексное, которое формируется на основе многоаспектного или многомерного представления и моделирования объектов познания, как системных, так и несистемных [27, с. 324].

Правовую жизнь следует рассматривать как интегрированный объект общей теории права, как «правовую метасистему» (т. е. более чем систему). Соответственно, введение понятия правовой жизни в терминологию правовой науки и придание ей научного статуса преобразует многие исследовательские параметры, позволит учитывать не только «внешнюю часть» (положительное, формальное, рациональное, контролируемое), но и глубинную часть правовой жизни, которая нередко ускользает от исследовательского взора (отрицательное, неформальное, иррациональное, неконтролируемое). За счет этой особой теоретико-методологической конструкции можно будет охватить совокупность всех форм социально-правовой организации общества, а также внутренних качеств права, или правовых качеств [29, с. 45].

Заключенный в данной конструкции методологический прием позволит объединить формальную и содержательную стороны права, показать процессы возникновения, развития и исчезновения правовых форм в параллели с самой правовой «жизнью — источником формообразования» (Г. Зиммель). Это даст возможность увидеть не только эффект мононаправленности права на достижение закрепленного в норме результата (правовой цели), но и процесс реагирования правовой формы на перманентно меняющиеся условия социальной среды. В развитии правовых форм «мы познаем параллель жизни и права. Право в любом смысле этого слова, есть не что иное, как совместная воля; в этом смысле, как естественное право, оно есть форма или попросту сам дух тех отношений, материей которых выступает совместная жизнь или, в наиболее универсальном выражении, переплетение волевых сфер...» [30, с. 295].

Именно правовая жизнь, на наш взгляд, как феномен социальной реальности, самодостаточный в силу своей автономности от субъективных факторов, саморазвивающийся в силу внутренних причин, преобразующих позитивное право в эффективный инструмент правового воздействия, устанавливает необходимые коммуникационные связи между самими социальными субъектами, а также между социальными субъектами и правовой нормой. Правовая жизнь, заключая в себе объективные предпосылки комплексного взаимодействия (субъект — объект) субъектного характера, обеспечивает диалог естественного права и права как элемента ноосферы, которые, взаимопроникая друг в друга, представляют собой условия существования социальной жизни на основах права.

Такое видение объекта правовых исследований, безусловно, потребует активизации самих методологических ресурсов, что, собственно, само по себе

является положительным моментом для права и правовой науки. При таком понимании того, что требуется изучать (при понимании всего правового многообразия и глубины правовых явлений) будет уже недостаточно юридико-технического (включая логический, лингвистический и пр.) инструментария. Здесь в предметном плане не только (или не столько) правовые тексты и формы их изложения, а вся стихия жизни права, поэтому методология должна выстраиваться по всем уровням (от высшего — философского до низшего — эмпирического, от общенаучного до специально-юридического). Причем наряду с традиционными (классическими), в том числе — диалектическим, системным и т. п., существенную роль могут сыграть новые (постклассические) подходы и методы (синергетический, комплексный, коммуникативный и пр.).

В частности, вполне перспективным представляется использование потенциала синергетического подхода, который по своему предназначению направлен на исследование феномена «сложности», что для правовой жизни характерно как ни для какого иного правового явления. Как справедливо отмечается в работе К.В. Шундикова, посвященной обоснованию потенциала синергетического подхода в правовой науке, требуется сосредоточивать первоначальное внимание именно на феномене «сложности» изучаемого объекта (права) и соответственно формировать научный подход, способный понять и объяснить это свойство права. Только в этом случае можно ожидать, что будут выработаны наиболее оптимальные схемы формализации и регламентации процессов развития правовой сферы общественной жизни [31, с. 37].

Важным представляется и замечание автора о том, что синергетический подход способен изменить не столько традиционное представление о формально-структурных характеристиках права (внутренний аспект проблемы), «сколько видение целостной картины его функционирования и взаимодействия в этом процессе с иными факторами социальной среды, обуславливающими в совокупном своем влиянии наличные состояния социально-правового порядка» [31, с. 41]. Таким образом, подчеркивается внешний по отношению к позитивному праву аспект, как правило, позиционируемый в рамках социологического типа правопознания, и синергетика в этом плане предстает как предпосылка обновления и углубления понимания социальной сущности права и закономерностей правовой жизни в целом.

Одним из тезисов, который проводят оппоненты внедрения категории «правовая жизнь» в юридическую теорию, является то, что она не соответствует пониманию права как некой области «должного», положительно-правового. Так, Е.Н. Черных отмечает, что «стремление объять в одной категории весь известный мир права как специфическую форму жизни общества приводит к смещению познавательных стратегий и инструментов и, как следствие — к конструктивной и элементной несогласованности. Уже в самом названии категории “правовая жизнь”, которая является синтезом Сущего — “жизнь” и Должного — “правовая”, проявляется эклектичность ее конструкции, в виде проблемы соединения двух онтологически разных и обычно противопоставляемых сфер: действительности фактической и области идеальной, нормативно-ценностной, что является результатом комбинации разных познавательных стратегий: социологической и нормативно-ценностной» [9, с. 9].

Однако кто сказал, что правовая жизнь может выражать только «должное», и кто скажет, что само «должное» не выражает некое «сущее», выступающее его жизненно-бытийной основой, и что «должное» не способно проникать в материю жизни, становясь частью «сущего», в чем-то меняя его, в чем-то меняясь вместе с ним? Это «эkleктика», определяемая реальностью. Думается, не следует в полной мере придерживаться кантовской критики теоретического разума, с которой связано отрицание (невозможность обнаружения) в «сущем» стандартов «должного» [32], причем не только в вопросах рассуждения о правовой жизни как категории социолого-правового порядка (и в этом смысле составляющей понятийный аппарат общей теории права), но и о праве как нормативно-ценностной субстанции, тем не менее не утрачивающей свой социальный характер.

Мысленно полемизируя со сторонниками подобного одномерного (упрощенного) взгляда на правовую реальность, которая может складываться лишь из положительных, правомерных, правовых явлений, К.В. Шундилов в своей книге убедительно парирует, что рассматривать систему правового регулирования подобным образом — «значит не понимать его сложной природы и намеренно упрощать гносеологические и методологические задачи правовой науки, ведь целый ряд проблем (в частности, проблему формирования и функционирования права) невозможно ни поставить, ни исследовать, не выходя за рамки “строго правового” поля» [31, с. 44].

С такой научной позицией нельзя не согласиться. С.С. Алексеев, немало сделавший для обоснования и развития так называемой объективной концепции права, отмечает: «Право, все части механизма правового регулирования существуют объективно, представляют собой реальные явления социальной жизни» [33, с. 199].

Право есть социальная реальность, и только в ней оно находит свою реализацию: «система права реальна не сама по себе, в силу того, что она воплощена в материальные формы, а в силу того, что, управляя деятельностью индивидов, она тем самым включается в реальный процесс жизнедеятельности, становясь элементом существующих объективных общественных связей» [34, с. 79–80].

В ряду комплекса правовых проблем, которые могут быть рассмотрены с необходимой глубиной и достоверностью именно с позиции того же синергетического подхода, являются различные динамические (положительные и отрицательные) процессы правовой жизни (стабильность и неустойчивость, кооперация и конкуренция параметров правового порядка; прогресс и регресс, цикличность правового развития; закономерное и случайное в правовой жизни). В рамках такого подхода не исключена модернизация «концепции правопорядка» как системной составляющей правовой жизни, а также создание основы для выработки новой концепции юридического прогнозирования (учитывающей все возможные кризисы и отклонения) и пр. Все это говорит о тех исследовательских перспективах (вполне осязаемых и востребованных), которые могут сопутствовать движению науки права и которые будут обусловлены применением синергетического подхода [35, 36].

Таким образом, введение правовой жизни в категориальный строй юриспруденции (сегодня, правда, уместнее говорить не о введении, а об упрочении своего места в системе категорий, поскольку теория правовой жизни так или иначе привлекла внимание юридической науки, нашла своих не только критиков,

но и сторонников) имеет достаточно преимуществ. Во-первых, это расширяет горизонты рассмотрения правовых проблем; во-вторых, преобразует исследовательские параметры, предлагая возможность учитывать то, что ранее выпадало из научно-юридического контекста; и, в-третьих, эта стратегия познания правовых явлений в комплексе открывает ресурсы правовой методологии, делает ее более востребованной и работоспособной. Все это в целом позволяет науке права продвигаться вперед, решая присущие научному знанию функциональные задачи.

Список литературы:

1. Лекторский, В.А. Современное научное познание и развитие теоретико-познавательных исследований // Диалектика, познание, наука / отв. ред. В.А. Лекторский, В.С. Тютин. — М. : Наука, 1988. — 285 с.
2. Малько, А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. — 2001. — № 5. — С. 5–13.
3. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. — М.: Юрид. лит., 1981. — 361 с.
4. Брызгалов, А.И. Юридическая наука сегодня: теоретико-методологические проблемы, которые ждут решения // Журнал российского права. — 2001. — № 6. — С. 44–50.
5. Брызгалов, А.И. О некоторых теоретико-методологических проблемах юридической науки на современном этапе // Государство и право. — 2004. — № 4. — С. 17–22.
6. Асланян, Н.П. Понятие гражданско-правовой реальности: постановка проблемы // Общество, политика, экономика, право. — 2010. — № 1. — С. 69–76.
7. Асланян, Н.П. Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 5. — С. 100–108.
8. Личман, Б.В. Многоконцептуальность методологии российской юриспруденции // Вестник Уральского института экономики, управления и права. — 2013. — № 2. — С. 60–67.
9. Черных, Е.Н. Категория «правовая жизнь»: вопросы методологии // Правовая политика и правовая жизнь. — 2014. — № 3. — С. 8–15.
10. Малько, А.В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы : учеб. пособие / А.В. Малько. — М. : Юрист, 2000. — 256 с.
11. Политическая и правовая жизнь: федеральные и региональные проблемы / под ред. А.В. Малько, А.Ю. Саломатина. — Пенза: Пенз. гос. ун-т, 2001. — 142 с.
12. Михайлов, А.Е. Правовая жизнь современной России: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2004. — 32 с.
13. Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — Саратов : изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. — 469 с.
14. Затонский, В.А. Категория «правовая жизнь»: опыт теоретического осмысления / В.А. Затонский, А.В. Малько // Правоведение. — 2006. — № 4. — С. 4–17.
15. Малько, А.В. Правовая жизнь общества : учеб. пособие / А.В. Малько, А.Е. Михайлов. — Саратов : Изд-во Саратовской государственной академии права, 2007. — 164 с.
16. Шиянов, В.А. Правовая система и правовая жизнь общества: теоретический аспект взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 26 с.
17. Малько, А.В. Теоретико-методологическое значение концепции «правовой жизни» / А.В. Малько, В.В. Трофимов // Государство и право. — 2010. — № 7. — С. 5–13.
18. Ноздрин, А.Н. Правовая жизнь как категория современной юридической науки : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Мариуполь, 2013. — 24 с.
19. Лузан, А.А. Политическая жизнь общества: вопросы теории / А.А. Лузан. — Киев : Вища шк., 1989. — 149 с.
20. Борисенков, А.А. Политическая жизнь общества // Социально-политические науки. — 1991. — № 7. — С. 141–167.

21. Чудинова, И.М. Политическая жизнь // Социально-политический журнал. — 1994. — № 11–12. — С. 75–84.
22. Краснов, Б.И. Политическая жизнь общества и ее демократические параметры // Социально-политический журнал. — 1995. — № 4. — С. 90–100.
23. Степин, В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. — 2003. — № 8. — С. 5–17.
24. Зиманов, С.З. Место общей теории права в советском правоведении // Советское государство и право. — 1984. — № 4. — С. 11–18.
25. Системный подход в современной науке. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 560 с.
26. Малахов, В.П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории / В.П. Малахов, Н.Д. Эриашвили. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. — 431 с.
27. Резник, Ю.М. Введение в социальную теорию: Социальная системология / Ю. М. Резник. — М.: Наука, 2003. — 525 с.
28. Тиунова, Л.Б. Системные связи правовой действительности /Л.Б. Тиунова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. — 136 с.
29. Закомлистов, А.Ф. Юридическая философия / А. Ф. Закомлистов. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 546 с.
30. Тённис, Ф. Общность и общество / Ф. Теннис; пер. с нем. Д.В. Складнева. — СПб.: Владимир Даль, 2002. — 452 с.
31. Шундииков, К. В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения / Шундииков К.В. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 256 с.
32. Новгородцев, П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве / П.И. Новгородцев; [авт. предисл. А.П. Альбов]. — СПб.: Алетейя, 2000. — 355 с.
33. Алексеев, С.С. Общая теория социалистического права: Нормы права и правоотношения. Курс лекций: учеб. пособие. Вып. 2 / С.С. Алексеев; ред. Г.И. Петрищева. — Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1964. — 226 с.
34. Галкин, Б.А. Право как социальная реальность // Вопросы философии. — 1978. — № 8. — С. 74–80.
35. Шундииков, К.В. Устойчивость и нестабильность в правовой жизни общества // Современное право. — 2008. — № 1. — С. 33–38.
36. Шундииков, К.В. Порядок отношений в системе правовой жизни общества: синергетический подход // Ленинградский юридический журнал. — 2010. — № 2. — С. 22–36.

References:

1. Lektorskij, V.A. *Sovremennoe nauchnoe poznanie i razvitie teoretiko-poznavatel'nyh issledovanij // Dialektika, poznanie, nauka / otv. red. V.A. Lektorskij, V.S. Tjuhtin.* — М.: Наука, 1988. — 285 с.
2. Mal'ko, A.V. *Kategorija «pravovaja zhizn'»: problemy stanovlenija // Gosudarstvo i pravo.* — 2001. — № 5. — С. 5–13.
3. Alekseev, S.S. *Obshhaja teorija prava: v 2 t. / S.S. Alekseev.* — М.: Jurid. lit., 1981. — 361 с.
4. Bryzgalov, A.I. *Juridicheskaja nauka segodnja: teoretiko-metodologicheskie problemy, kotorye zhdut reshenija // Zhurnal rossijskogo prava.* — 2001. — № 6. — С. 44–50.
5. Bryzgalov, A.I. *O nekotoryh teoretiko-metodologicheskix problemah juridicheskoi nauki na sovremennom jetape // Gosudarstvo i pravo.* — 2004. — № 4. — С. 17–22.
6. Aslanjan, N.P. *Ponjatje grazhdansko-pravovoj real'nosti: postanovka problemy // Obshhestvo, politika, jekonomika, pravo.* — 2010. — № 1. — С. 69–76.
7. Aslanjan, N.P. *Ponjatje pravovoj real'nosti: postanovka civilisticheskoi problemy // Izvestija Irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoi akademii.* — 2012. — № 5. — С. 100–108.
8. Lichman, B.V. *Mnogokonceptual'nost' metodologii rossijskoj jurisprudencii // Vestnik Ural'skogo instituta jekonomiki, upravlenija i prava.* — 2013. — № 2. — С. 60–67.
9. Chernyh, E.N. *Kategorija «pravovaja zhizn'»: voprosy metodologii // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'.* — 2014. — № 3. — С. 8–15.

-
10. Mal'ko, A.V. Politicheskaja i pravovaja zhizn' Rossii: aktual'nye problemy : ucheb. posobie / A.V. Mal'ko. — M. : Jurist#, 2000. — 256 s.
 11. Politicheskaja i pravovaja zhizn': federal'nye i regional'nye problemy / pod red. A.V. Mal'ko, A.Ju. Salomatina. — Penza: Penz. gos. un-t, 2001. — 142 s.
 12. Mihajlov, A.E. Pravovaja zhizn' sovremennoj Rossii: problemy teorii i praktiki : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Saratov, 2004. — 32 s.
 13. Pravovaja zhizn' v sovremennoj Rossii: teoretiko-metodologicheskij aspekt / pod red. N.I. Matuzova, A.V. Mal'ko. — Saratov : izd-vo GOU VPO «Saratovskaja gosudarstvennaja akademija prava», 2005. — 469 s.
 14. Zatonckij, V.A. Kategorija «pravovaja zhizn'»: opyt teoreticheskogo osmyslenija / V.A. Zatonckij, A.V. Mal'ko // Pravovedenie. — 2006. — № 4. — S. 4–17.
 15. Mal'ko, A.V. Pravovaja zhizn' obshhestva : ucheb. posobie / A.V. Mal'ko, A.E. Mihajlov. — Saratov : Izd-vo Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava, 2007. — 164 s.
 16. Shijanov, V.A. Pravovaja sistema i pravovaja zhizn' obshhestva: teoreticheskij aspekt vzaimodejstvija : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Moskva, 2008. — 26 s.
 17. Mal'ko, A.V., Trofimov, V.V. Teoretiko-metodologicheskoe znachenie koncepcii «pravovoj zhizni» // Gosudarstvo i pravo. — 2010. — № 7. — S. 5–13.
 18. Nozdrin, A.N. Pravovaja zhizn' kak kategorija sovremennoj juridicheskoj nauki : avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. — Mariupol', 2013. — 24 s.
 19. Luzan, A.A. Politicheskaja zhizn' obshhestva: voprosy teorii / A.A. Luzan. — Kiev : Vishha shk., 1989. — 149 s.
 20. Borisenkov, A.A. Politicheskaja zhizn' obshhestva // Social'no-politicheskie nauki. — 1991. — № 7. — С. 141–167.
 21. Chudinova, I.M. Politicheskaja zhizn' // Social'no-politicheskij zhurnal. — 1994. — № 11–12. — S. 75–84.
 22. Krasnov, B.I. Politicheskaja zhizn' obshhestva i ee demokraticheskie parametry // Social'no-politicheskij zhurnal. — 1995. — № 4. — S. 90–100.
 23. Stepin, V.S. Samorazvivajushhiesja sistemy i postneklassicheskaja racional'nost' // Voprosy filosofii. — 2003. — № 8. — S. 5–17.
 24. Zimanov, S.Z. Mesto obshhej teorii prava v sovetskom pravovedenii // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1984. — № 4. — S. 11–18.
 25. Sistemnyj podhod v sovremennoj nauke. — M.: Progress-Tradicija, 2004. — 560s.
 26. Malahov, V.P. Metodologicheskie i mirovozzrencheskie problemy sovremennoj juridicheskoj teorii / V.P. Malahov, N.D. Jeriashvili. — M.: JuNITI-DANA, 2011. — 431 s.
 27. Reznik, Ju.M. Vvedenie v social'nuju teoriju: Social'naja sistemologija / Ju. M. Reznik. — M.: Nauka, 2003. — 525 s.
 28. Tiunova, L.B. Sistemnye svjazi pravovoj dejstvitel'nosti. /L.B. Tiunova. — SPb :Izd-vo SPbGU, 1991. — 136 s.
 29. Zakomlistov, A.F. Juridicheskaja filosofija / A. F. Zakomlistov. — SPb. : Juridicheskij centr Press, 2003. — 546 s.
 30. Tennis, F. Obshhnost' i obshhestvo / F. Tennis; per. s nem. D.V. Skljadneva. — SPb.: Vladimir Dal', 2002. — 452 s.
 31. Shundikov, K. V. Sinergeticheskij podhod v pravovedenii. Problemy metodologii i opyt teoreticheskogo primenenija / Shundikov K.V. — M.: Jurlitinform, 2013. — 256 s.
 32. Novgorodcev, P.I. Kant i Gegel' v ih uchenijah o prave i gosudarstve / P.I. Novgorodcev ; [avt. predisl. A.P. Al'bov]. — SPb. : Aletejja, 2000. — 355 s.
 33. Alekseev, S.S. Obshhaja teorija socialisticheskogo prava: Normy prava i pravootnoshenija. Kurs lekcij : ucheb. posobie. Vyp. 2 / S.S. Alekseev; red. G.I. Petrishheva. — Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1964. — 226 c.
 34. Galkin, B.A. Pravo kak social'naja real'nost' // Voprosy filosofii. — 1978. — № 8. — S. 74–80.
-

35. Shundikov, K.V. Ustojchivost' i nestabil'nost' v pravovoj zhizni obshhestva // *Sovremennoe pravo*. — 2008. — № 1. — S. 33–38.

36. Shundikov, K.V. Porjadok otnoshenij v sisteme pravovoj zhizni obshhestva: sinergeticheskij podhod // *Leningradskij juridicheskij zhurnal*. — 2010. — № 2. — S. 22–36.

А.А. Маллакурбанов,
кандидат политических наук,
филиал Дагестанского государственного
университета в г. Кизляре,
Республика Дагестан

М.М. Шафиев,
кандидат юридических наук,
филиал Дагестанского государственного
университета в г. Кизляре,
Республика Дагестан

Е.В. Бабошина
кандидат юридических наук, доцент,
филиал Дагестанского государственного
университета в г. Кизляре,
Республика Дагестан

M.M. Mallakurbanov
Candidate of political science,
branch of the Dagestan state university in
Kizlyar of Republic of Dagestan
abdullahmallakurbanov@mail.ru

M.M. Shafiev
Candidate of Law, branch of the Dagestan
state university in Kizlyar of Republic of
Dagestan
shafiev111@mail.ru

E.V. Baboshina
Candidate of Law, Associate Professor,
branch of the Dagestan state university in
Kizlyar of Republic of Dagestan
baboshina.80@mail.ru

Федерализм и федерация в исторической ретроспективе и современное видение перспективы

***Аннотация:** проблематика федерализма является одной из основополагающих в истории современных государств. Актуальность темы в том, что создание «империй» и чрезмерная концентрация власти в «центре» часто приводили к их распаду — как и заигрывание в «автономии» и «парады суверенитетов». Федерализм во многих странах — базовая модель организации государства и, как следствие, исследования в областях федерализма и федеративных отношений всегда будут востребованы в теории и практике государственного строительства и слаженной работы всех ветвей и институтов власти. К тому же, вопрос о сегодняшнем состоянии федерализма — это есть вопрос и о государстве. Цель исследования состоит в политико-правовом анализе российского федерализма с учетом его исторических составляющих, выявлении особенностей его развития в России. Методология включила в себя совокупность общенаучных и специально-научных методов. В общенаучном плане применены исторический и неинституциональный подходы. На уровне специального научного метода применен сравнительный правовой анализ. По результатам исследования авторы приходят к выводам, как минимум, об «уточнении» исторического контекста и реалий современного состояния российского федерализма.*

***Ключевые слова:** федерализм, федерация, централизация, унитаризм, самобытность.*

Federalism and Federation in the historical retrospective modern vision

***Abstract:** The perspective of federalism is one of fundamental in the history of the modern states. Relevance of a subject that “empires” and excessive concentration of the power in “center” often came to an end with their disintegration — as well as advances in “autonomies” and “parades of sovereignties”. Federalism in many countries is a basic model of organization of the state and, consequently, research in the areas of federalism and Federal relations will always be in demand in the theory and practice of state construction and well-coordinated work of all branches and institutions of power. Moreover, in the context of the question about the current condition of federalism is the question about the state. Its goal is to help political and legal analysis of Russian federalism considering its historical components, identifying features of its development in Russia for*

the last time. The methodology included a set of General scientific and specifically-scientific methods. In the General terms of applied historical and neo-institutional approaches. At the level of the specifically scientific method applied comparative legal analysis. By results of research the authors come to the conclusion, at least, about the "refinement" of the historical context and realities of the modern state of Russian federalism.

Keywords: federalism, federation, centralization, unitarizm, originality

Государственно-территориальное устройство Российской Федерации основывается на конституционном принципе федерализма (ст. 1 Конституции РФ). Этот принцип подразумевает, что благодаря федерализму обеспечивается как децентрализация государственной власти, так и единство всей страны, равноправие входящих в ее состав народов, самоопределение этнических и территориальных общностей, а также учет культурологических, исторических и социально-экономических особенностей развития субъектов России. Федерализм предполагает и согласие составных «частей» страны с «центром» и на этой основе — единство всей Федерации. Однако многое из того, что указано выше, в той или иной мере присуще и унитаристской форме государственной власти.

Российские политики, политологи, правоведы и ученые полны оптимизма в плане того, что в современной России, в отличие от примеров Союза ССР или СФРЮ — Социалистической Югославии — федерация может привести к успеху — единству страны и ее гармоничному развитию. Для пессимизма, вроде бы, нет видимых и сколь-нибудь значимых оснований. Считается, что федерация лучше, чем унитарное государство, способна противостоять тенденциям диктата, свойственным центральным органам власти государства. В федерации органы власти, имеющие право принимать решения, больше зависят от воли населения, чем идентичные органы унитарного государства. Тем не менее в процессе развития государственности происходит определенное сближение положительных черт федеративного и унитарного устройства. Концептуально понятие «федерализм» применимо лишь к состоявшемуся федеративному государству с присущими ему принципами, особенностями и ограничениями; а потому — вряд ли возможна жизнеспособность «федерации» без «федерализма». Данный вопрос обретает и контент историзма, а, как мыслил советский логик Э.В.Ильенков, исторический подход является наиболее перспективным способом решения любой научной проблемы [1, с. 12]. Стоит отметить, что эволюция федерализма имеет многовековую историю, а конституционное установление ее принципов насчитывает около двух столетий. Но все это имело место в истории немногих зарубежных стран, а не России.

Из истории нашего Отечества известно, что в Союзе ССР федерация создавалась прежде всего для решения национального вопроса. Однако наряду с безусловными успехами не до конца решенными остались многие вопросы межнациональных отношений, которые впоследствии и «дали трещину». С этих позиций, в истории России, где имело место идеи (принципы) самоуправления княжеств, ханств, земель, царств, губерний в составе государства, содержащего элементы федеративного устройства, известны и планы его унитаризации, с неприемлемостью федеративных отношений. Так, один из руководителей декабристов, П.И. Пестель, полагал, что «области России говорят на разных языках, нередко имеют различное законодательство, и это может привести к

постепенному отторжению ее территорий»; а поэтому — «всякая мысль о федеративном устройстве Российского государства отвергается совершенно как пагубнейший вред и величайшее зло» [2, с. 23]. В начале XX в. русский ученый А.С. Ященко также пришел к аналогичным выводам. Его мысли и сегодня остаются актуальными: «Форма федеративная вся построена на соглашениях, на взаимных уступках, очень хрупка, неустойчива и слаба, — пишет он. — Но даже у народов, наиболее способных к подчинению закону... мы видим неизбежную диктацию к образованию унитарного государства. Такова же тенденция политического развития человеческого общества. Мы не думаем, что есть основание изменить этот общий взгляд на федерализм специально для России» [3, с. 786].

В программных документах российских социал-демократов также можно встретить концепции унитаризма в государственном устройстве России; они вытекали из теоретических воззрений мыслителей западной социал-демократии. С радикальными требованиями в сфере государственного устройства выступала и РСДРП, унаследовавшая идеи марксизма с открыто негативным отношением к федерализму как «порождению капитализма». Исходя из экономической детерминированности политсистемы и нравов общественной жизни, основную роль в ломке «старого общества» марксизм отводил и такому государству, как «диктатура пролетариата». При этом марксизм исходил из необходимости развития централизованного государства, идеально подходящего объединению трудовых слоев населения в борьбе за социалистические преобразования.

Большевиками идеи федеративного государства тоже воспринимались нелегко. Еще в 1903 г. на II съезде РСДРП В.И. Ленин говорил: «Федерация вредна, федерация противоречит принципам социал-демократии, в применении ... к русской действительности. Федерация вредна, ибо она узаконивает особенность и отчужденность и возводит их в принцип, в закон» [4, с. 31]. В ряде статей он отстаивал идею неприятия федерации для России как негодную, выступал против федеративного государства вплоть до 1917 г. В то же время В.И. Ленин исходил не из абстрактных положений, а из реалий жизни и политики, которые после октября 1917 г. были весьма сложными для задач сохранения единства страны на огромных просторах «империи». Понимая всю серьезность положения и опасность распада единого государства, Ленин вынужден был вернуться к идее федеративного устройства России, по крайней мере, на ближайшую перспективу. Стоит подчеркнуть, что решающую роль в той интеграции сыграли характер и терпимость русского народа к «иностранцам». В СССР национальная политика стала рычагом укрепления единства государства, хотя многие ее стороны носили формальный характер.

Конституция РФ 1993 г., сохранив в себе черты советского федерализма, внесла в свой контент и определенную новизну. Однако суть вопроса от этого не изменилась, а власть существенно нового в содержание территориального устройства так и не внесла. Можно даже сказать, наоборот — создав семь федеральных округов во главе с полпредами, укрепила унитарные начала. Такой вектор развития государственности представляется более чем оправданным, ибо то, к чему вело развитие федерализма по образцу 1995-1996 гг., вызывало у всего населения откровенные опасения. Граждане России привыкли (так сложилось исторически) оценивать «себя» и «других» в категориях единого государства и «единых правил» идентичности.

Как полагает исследователь в области федеративных отношений Р. Абдулатипов, «федерализм — это система согласования интересов, их реализация, объединение усилий в налаживании обоюдовыгодных отношений между разными уровнями власти и гражданскими сообществами», а «духовно-политическое содержание федерализма предполагает действовать по принципу «максимум согласия — минимум принуждения» [5, с. 19]. Главным признаком федерализма автор признает «разграничение предметов ведения, полномочий и ответственности между уровнями властей по вертикали», «их сотрудничество, кооперацию усилий и возможностей» и «учет возможностей реализации самобытного многообразия» [5, с. 104]. В своих анализах он ссылается и на труды дореволюционного российского ученого Н. Костомарова, полагавшего, что история Руси удельного уклада есть как постепенное развитие федеративных начал, так и борьба с началом самодержавия [6, с. 53].

В условиях набирающей обороты глобализации и ожидания новой волны мирового экономического кризиса общество и руководство страны не вправе игнорировать проблемы развития регионов России, исходя из общей стратегии единства страны и незыблемости ее границ. Общую ситуацию в российских регионах относительно их единства, унификации и более тесных связей можно охарактеризовать по-разному. К тому же, сегодня о федерализме много говорят и политики, и маститые профессора, и молодые ученые. Типичными стали утверждения о том, что эффективной моделью для развития субъектов России являются «гражданские институты» и «правовой плюрализм», которые якобы более «успешно существуют» во многих странах мира, чем «единое правовое пространство» [7, с. 168]. И все же утверждения аналитиков о том, что федерализм является наиболее эффективной формой и принципом территориального устройства России, в наибольшей степени отвечающим современным нуждам и долгосрочным интересам [8], не представляются столь безупречными. В частности, их адепты не поясняют, что есть общего между ними и Россией, что нам так желанны их политические практики и все, что с ними связано.

Исторически «Российская империя» сложилась как единое унитарное государство. На словах можно говорить о чем угодно и что угодно, однако фактическое, реальное положение вещей — несколько иное и отрицать это невозможно. К тому же, косвенные признаки принимаемых «центральной властью» решений указывают на то, что в реалиях жизни мы имеем дело с реалиями унитарного государства. Иначе, как понять отмену требования об указании в наших паспортах национальности и всем известной «прописки», свободное движение и перемещение по всей территории страны товаров, капиталов и рабочей силы? Как понять такой «федерализм», когда С. Шойгу в недавнем прошлом на самолете МЧС вез батареи обогрева «независимо» замерзшему региону Сибири? Или когда руководители северокавказских республик «выписывали» из Москвы «команды» омовцев и аудиторов для борьбы с экстремизмом и наведения порядка в сферах народного хозяйства в этих республиках? И таких примеров — сотни и тысячи, и в анализах их невозможно не замечать. Иначе это будут не анализы, а лишь идеологизированные «обоснования» властных решений.

Поэтому в этих и других схожих вопросах во многом можно согласиться с мнением историка А.Н. Вдовина о том, что трагедия СССР случилась как итог

«отчуждения между государством и русским народом», равнодушия наиболее многочисленного народа к судьбе так и не понятой им «великой державы» [9, с. 3]. Это «величье» и по сей день остается предметом острых споров. Ученый прав, утверждая, что, прояви И.В. Сталин большую настойчивость в вопросах национально-государственного устройства Союза ССР (взгляды В.И. Ленина и И.В. Сталина на перспективы федерализма были различными: первый был более терпим к федерализму, второй требовал объединения республик в составе РСФСР; неодинаковым было и видение проблем «автономизации»), возможно, устои государства были бы значительно крепче и надежнее [9, с. 242]. В определенной мере, даже известная гордость Сталина действиями «русских царей, сколотивших империю» во многом говорит о реалиях унитарных начал в государственном устройстве России под руководством государствообразующего русского народа. Это большой вопрос национальной политики СССР, так и не решенный хотя бы до «приемлемого уровня», а в свое время просто «убитый интернационалистами» типа М. Сулова под «юбилейные речи» о «единстве и дружбе советского народа» и «торжестве ленинской национальной политики».

Сегодня равным образом трудно понять как административно-территориальное деление страны в «привязке» с небольшими городами в 300–400 тыс. населения, так и по национально-этническим признакам, игнорируя исторические, политические, экономические факторы образования «империи». В этом плане, даже опыт царской России в административно-территориальном делении страны по крупным губерниям и экономически «спаянным» регионам и сегодня представляется более чем оправданным как для экономических интересов, так и для духовного единства и государственной целостности России. Как частный вывод: крайне недопустимо, чтобы «гносеология» опиралась на «идеологию»; иначе не только выводы, но и последствия таких анализов могут стать весьма плачевными.

Таким образом, в политических процессах, происходящих сегодня в постсоветских национальных образованиях, в первую очередь, речь должна идти об установлении, усилении и введении российской государственности и российской идентичности на российской же территории — по сути, следует вернуться к исторически оправдавшим себя традиционным и естественным для России началам унитаризма. Ведь добрыми призывами и пожеланиями развития федерализма и демократии, связанными с ними радужными иллюзиями субъекты Федерации вряд ли можно укрепить, а ситуацию на том же Северном Кавказе — в корне изменить и поставить на твердую государственную опору. Многое из того, что уже предлагается, чаще имеет культурологическую, а не институциональную основу, в виде таких конкретно императивных парадигмов, как «право», «государственность», «законность» и пр. В том числе и по этим причинам, ключевой проблемой российской внутренней политики в отношении субъектов Федерации, особенно на Северном Кавказе, остается дальнейшее развитие государственности и укрепление структур власти. В связи с этим стоит заметить, на Северном Кавказе население более всего страдает не от бандитов и террористов, а от отсутствия должного государственного порядка и «единого правового поля», которое «свободолюбивые» праведы и науковеды не очень любят.

В подтверждение сказанному, по данным различных социологических опросов, главными причинами «межэтнической напряженности» на Северном Кавказе остаются, как и можно было предположить, не мифические, а вполне «заземленные» вещи — плачевная экономическая ситуация, высокий уровень коррупции в структурах власти, «старые» просчеты национальной политики, вмешательство международных врагов России в его внутренние дела. И как результат — нестабильная социальная обстановка. При этом межэтнические проблемы стоят не на первом месте и «на местах» обычно мало значимы.

В качестве общего вывода можно сказать, что, несмотря на формально работающие институты власти и принятые властные решения, проблематика федерализма и унитаризма еще не снята с политической повестки, и адекватное решение этой важнейшей исторической задачи еще потребует напряженных поисков верных и справедливых путей во имя будущего России.

Список литературы:

1. Ильенков, Э.В. Диалектическая логика / Э.В. Ильенков. — М.: Политиздат, 1984. — 320 с.
2. Пестель, Н.И. Русская правда / Н.И. Пестель. — СПб.: Книгоиздательство «Культура», 1906. — 245 с.
3. Яценко, А.С. Теория федерации: опыт синтетической теории права и государства / А.С. Яценко. — Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. — 852 с.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 14 т. — 8-е изд., доп. и испр. — М.: Политиздат, 1970–1984. — Т. 2. — 552 с.
5. Абдулатипов, Р.А. Федерология / Р.А. Абдулатипов. — СПб.: Питер, 2004. — 214 с.
6. Костомаров Н.И. Мысль о федеративном начале Древней Руси // Отечественные записки. — 1861. — Кн. 2. — С. 53–66.
7. Тлебуз, А.Д. Зарубежный опыт региональной политики // Региональная политика в России на современном этапе: материалы научно-практической конференции: Майкоп, 23–25 сентября 2010 г. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2010. — С. 167–172.
8. Захарченко, Ю.М. Становление и развитие федерализма на Северном Кавказе. URL: www.balkaria.info (дата обращения: 25.08.2014).
9. Вдовин, А.И. Русские в XX веке / А.И. Вдовин. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. — 448 с.

References:

1. Il'enkov, Je.V. Dialekticheskaja logika / Je.V. Il'enkov. — M.: Politizdat, 1984. — 320 s.
2. Pestel', N.I. Russkaja pravda / N.I. Pestel'. — SPb.: Knigoizdatel'stvo «Kul'tura», 1906. — 245 s.
3. Jashhenko, A.S. Teorija federacii: opyt sinteticheskoi teorii prava i gosudarstva / A.S. Jashhenko. — Jur'ev: Tip. K. Mattisena, 1912. — 852 s.
4. Kommunisticheskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK: v 14 t. — 8-e izd., dop. i ispr. — M.: Politizdat, 1970–1984. — T. 2. — 552 s.
5. Abdulatipov, R.A. Federologija / R.A. Abdulatipov. SPb.: «Piter», 2004. — 214 s.
6. Kostomarov N.I. Mysl' o federativnom nachale Drevnej Rusi // Otechestvennye zapiski. 1861. — Kn. 2. — S. 53-66.
7. Tlebz, A.D. Zarubezhnyj opyt regional'noj politiki // Regional'naja politika v Rossii na sovremennom jetape: materialy nauchno-prakticheskoi konferencii: Majkop, 23–25 sentjabrja 2010 g. Majkop: : Izd-vo Magarin O.G., 2010. S. 167–172.
8. Zaharchenko Ju.M. Stanovlenie i razvitie federalizma na Severnom Kavkaze. URL: www.balkaria.info (data obrashhenija: 25.08.2014).
9. Vdovin, A.I. Russkie v XX veke / A.I. Vdovin. — M.: OLMA-PRESS, 2004. — 448 s.

• ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА: ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ •

М.В. Шмелёва,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель,
научный сотрудник
научно-образовательного центра
фундаментальных исследований,
Саратовская государственная
юридическая академия

M.V. Shmeleva,
Candidate of Law,
Senior lecturer,
research worker of the scientific-
educational center of fundamental
research,
Saratov State Law Academy
civil2012@mail.ru

Роль международно-правовой политики в области обеспечения глобальной экологической безопасности*

***Аннотация:** в статье рассматривается важность обеспечения экологической безопасности в мире. Цель статьи — найти пути решения глобальных экологических проблем посредством обеспечения сотрудничества между государствами в области экологической безопасности на основе продуманной и ясной международно-правовой политики. Автор приходит к выводу, что состояние окружающей среды во многом является следствием нерациональной государственной политики, особенно в таких отраслях, как промышленность, переработка отходов, транспорт и энергетика. В статье подчеркивается, что международно-правовая политика, стимулирующая государства к решению экологических проблем, охраняет не только общество в целом, но и экологические права личности, т. е. выполняет определенную правозащитную функцию. Таким образом, выделение экологической безопасности как самостоятельной задачи международно-правовой политики является потребностью современного общества, поскольку такая безопасность влияет на общую мировую безопасность и может быть достигнута только совместными усилиями государств.*

***Ключевые слова:** международно-правовая политика, экологическая безопасность, субъекты международных правоотношений, охрана окружающей среды.*

The role of international-legal policy in the area of ensuring global environmental security

***Annotation:** the author of this article considers the importance of ensuring environmental security in the world. The goal of the article is to find solutions to global environmental problems by ensuring close cooperation between States in the field of environmental safety based on sound and clear international law policy. In the article the author comes to the conclusion that the environment is largely a consequence of irrational public policy, especially in such sectors as industry, waste management, transport and energy. The article also emphasizes that international law policy of encouraging States to address environmental problems, protects not only the society, but also environmental and individual rights, that is, performs a specific human rights function. Such environmental rights primarily include the right to a healthy environment, the right to an environmentally safe conditions of labour. Thus, the allocation of environmental security as an independent tasks of international law policy is the need of the modern society, since this affects the overall global security and can be solved only by joint efforts of the States.*

** Работа выполнена при финансовой поддержке Саратовской государственной юридической академии, проект «Проблемы международно-правовой политики и их влияние на национальное законодательство» в рамках задания № 2014/205 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.*

Keywords: international law policy, environmental security, the subjects of international relations, environmental protection.

Значение международно-правовой политики для международных отношений особенно возросло с конца XX в., когда началось формирование единого взаимозависимого мира. Такой мир стал следствием глобализации, под которой в первую очередь понимается размывание границ между государствами.

Одним из последствий глобализации стало увеличение числа экологических проблем. Во многом это связано с тем, что даже самая эффективная природоохранная деятельность на внутригосударственном уровне в настоящее время не позволяет решить проблемы обеспечения охраны окружающей среды в мировых масштабах. Вне пределов национальной юрисдикции каждого государства находятся общие природные ресурсы космоса, Мирового океана и Антарктики, которые ежедневно подвергаются интенсивной эксплуатации мирового сообщества.

В настоящее время самым крупным в мире экологическим риском является загрязнение воздуха. Так, директор Департамента ВОЗ по общественному здравоохранению, экологическим и социальным детерминантам здоровья отметил, что «сегодня лишь немногие риски оказывают большее воздействие на глобальное здравоохранение, чем загрязнение воздуха; данные говорят о необходимости совместных действий для очистки воздуха, которым мы все дышим» [1].

Такое состояние окружающей среды во многом является следствием не-национальной государственной политики, особенно в таких отраслях, как тяжелая промышленность, переработка отходов, транспорт и энергетика.

С учетом сказанного считаем, что выделение экологической безопасности как самостоятельной задачи международно-правовой политики составляет потребность современного общества, поскольку такая безопасность влияет на общую мировую безопасность и может быть достигнута только совместными усилиями государств. По справедливому утверждению В.П. Кириленко, «важнейшим условием обеспечения безопасного существования и дальнейшего прогресса человечества является спасение природы, сохранение основ человеческого бытия» [2, с. 50]. Он указывает на прямую связь между охраной окружающей среды и международной безопасностью.

В большинстве международных документов также подчеркивается важность обеспечения экологической безопасности в мире. Так, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 7 декабря 1987 г. № 42/93 «О всеобъемлющей системе международного мира и безопасности» [3] предусмотрено, что взаимодействие в экологической области должно стать неотъемлемой частью всеобъемлющей международной безопасности.

Действующие международные нормативные правовые акты определяют понятие экологической безопасности и основные угрозы такой безопасности. Так, согласно ст. 1 рекомендательного законодательного акта Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О принципах экологической безопасности в государствах содружества» [4] экологическая безопасность представляет собой состояние защищенности личности, общества и государства от последствий антропогенного воздействия на окружающую среду, а также стихийных бедствий и катастроф.

При этом Межпарламентской Ассамблеей особо отмечается то обстоятельство, что в современном мире постоянно присутствуют угрозы такой безопасности. Эти угрозы могут заключаться в деятельности физических и юридических лиц, государств, связанной с преднамеренным или непреднамеренным воздействием на окружающую природную среду, со стихийными природными процессами и явлениями.

В связи с этим государствам, на наш взгляд, необходимо разработать и единую политику, позволяющую снизить влияние угроз экологической безопасности.

К осуществлению единой глобальной политики призывает и Конференция Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. В п. 7 Декларации Конференции [5] содержится обращение ко всем правительствам и народам с просьбой *приложить совместные усилия* в целях охраны и улучшения окружающей человека среды на благо всех народов и ради их процветания.

В Декларации также особо отмечено, что все возрастающее число проблем, связанных с окружающей средой, потребует расширения сотрудничества между государствами и принятия соответствующих мер со стороны международных организаций в общих интересах.

Можно сказать, что международно-правовая политика, стимулирующая государства к решению экологических проблем, охраняет не только общество в целом, но и экологические права личности, т. е. выполняет определенную правозащитную функцию. К таким экологическим правам, прежде всего, относятся: право на благоприятную окружающую среду, право на экологически безопасные условия трудовой деятельности, право на потребление экологически чистых продуктов и право на получение достоверной информации об окружающей действительности.

В целях обеспечения гарантии реализации этих прав им должны корреспондировать определенные обязанности государств, физических и юридических лиц по бережному отношению к окружающей среде, которые, в свою очередь, должны быть закреплены на внутригосударственном и международном уровнях.

Помимо правозащитной функции, политика, решающая экологические проблемы, выполняет и экономическую функцию. Данный вывод основан на практическом опыте многих государств, который показал, что в долгосрочной перспективе такая политика оказывается не только безопасной, но и экономически выгодной за счет сокращения расходов на поддержание здоровья населения.

Мы можем сказать, что наступил такой момент в истории человечества, когда мы должны регулировать свою деятельность, проявляя при этом более тщательную осмотрительность и заботу в отношении ее последствий для окружающей среды во всем мире. Из-за незнания или безразличного отношения мы можем нанести непоправимый ущерб окружающей природе, от которой зависят наша жизнь и наше благополучие. И наоборот, разумный подход и слаженные действия мирового сообщества помогут обеспечить наиболее благоприятные условия жизни для будущих поколений.

Большую роль в этом вопросе играют международные организации, в первую очередь, Всемирная организация здравоохранения. С точки координатора ВОЗ по вопросам общественного здравоохранения, экологических и социальных детерминантов здоровья доктора Карлоса Дора (Carlos Dora), «ВОЗ и секторы здравоохранения играют уникальную роль в том, что касается воплощения научных

данных о загрязнении воздуха в политику, которая может принести действенные результаты и усовершенствования, способные сохранить жизни людей» [1].

Резюмируя изложенное, можно сказать, что международно-правовая политика должна предусматривать такое состояние международных отношений, при котором гарантируется рациональное использование, восстановление и сохранение окружающей среды. Любая деятельность субъектов международных правоотношений в разных уголках нашей планеты, Мировом океане, на Луне и в космическом пространстве должна предусматривать бережное отношение к окружающей природе. Направленность международно-правовой политики на решение экологических проблем должна быть в первую очередь связана с поиском оптимальной альтернативы во взаимоотношении мирового сообщества и природы в условиях научно-технического прогресса. Поскольку суть экологической проблемы заключается в противоречии между производительной деятельностью человека и ограниченными возможностями биосферы.

На сегодняшний день большим шагом вперед в деле признания участниками мирового сообщества важности выработки единой глобальной политики по улучшению качества окружающей среды, на наш взгляд, будет являться публикация данных об экологических нарушениях и мерах, принятых для их устранения.

Список литературы:

1. Всемирная организация здравоохранения : сайт. — URL: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2014/air-pollution/ru> (дата обращения: 15.07.2014).
2. Кириленко, В.П. Принцип экологической безопасности в современном международном праве // Правоведение. — 1989. — № 3. — С. 49–53.
3. Организация Объединенных Наций : сайт. — URL: <http://www.un.org/ru/documents/General%20Assembly/41/docs/41res.sh> (дата обращения: 15.07.2014).
4. О рекомендательном законодательном акте Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств «О принципах экологической безопасности в государствах Содружества» : постановление ГД ФС РФ от 20 апреля 1994 г. № 96-1 ГД // Ведомости ФС РФ. — 1994. — № 4, ст. 206.
5. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. Стокгольм, 1972 г. // Организация Объединенных Наций : сайт. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 15.07.2014).

References:

1. Vsemirnaja organizacija zdravoohraneniya : sajt. — URL: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2014/air-pollution/ru> (data obrashheniya: 15.07.2014).
2. Kirilenko, V.P. Princip jekologicheskoj bezopasnosti v sovremennom mezhdunarodnom prave // Pravovedenie. — 1989. — № 3. — S. 49–53.
3. Organizacija Ob#edinennyh nacij : sajt. — URL: <http://www.un.org/ru/documents/General'naja%20Assambleja/41/docs/41res.sh> (data obrashheniya: 15.07.2014).
4. O rekomendatel'nom zakonodatel'nom akte Mezhpaplamentskoj Assamblei Gosudarstv—uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv «O principah jekologicheskoj bezopasnosti v gosudarstvah Sodruzhestva» : Postanovlenie GD FS RF ot 20 aprelja 1994 g. № 96-1 GD // Vedomosti FS RF. — 1994. — № 4, st. 206.
5. Deklaracija Konferencii Organizacii Ob#edinennyh Nacij po problemam okružhajushhej cheloveka sredy. Stokgol'm, 1972 g. // Organizacija Ob#edinennyh nacij : sajt. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (data obrashheniya: 15.07.2014).

Д.В. Красиков,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой европейского
права и сравнительного правоведения,
Саратовская государственная
юридическая академия

Н.Н. Липкина,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра европейского права и
сравнительного правоведения,
Саратовская государственная
юридическая академия

D.V. Krasikov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Saratov State Law Academy

eurolaw@sgap.ru

N.N. Lipkina,
Candidate of Law, Associate Professor,
Saratov State Law Academy

eurolaw@sgap.ru

Методологическая модель разрешения коллизий международно-правовых и внутригосударственных норм о правах человека*

Аннотация: актуальность статьи обусловлена тем, что ввиду особой роли, которую играет внутригосударственное право в процессе реализации государством своих международных обязательств в сфере прав человека, выработка методологии преодоления практических проблем взаимодействия международного и внутригосударственного права в сфере прав человека и, в частности, проблемы разрешения коллизий международно-правовых и внутригосударственных норм в сфере прав человека, имеет существенное научное и практическое значение. Цель статьи — выявить и проанализировать основные стадии разрешения коллизий международно-правовых и внутригосударственных норм в сфере прав человека, систему способов и средств разрешения таких коллизий. Поставленные задачи были реализованы при помощи общенаучных (диалектический, системный, метод анализа и синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Авторы делают выводы о возможности существования несогласованностей (коллизий) в правовом регулировании сферы прав человека на международном и внутригосударственном уровнях, что не противоречит ни одному из существующих в настоящее время теоретических подходов к взаимодействию международного и внутригосударственного права. При этом процесс разрешения таких коллизий состоит из трех основных стадий: 1) установление наличия коллизий, 2) выбор способа разрешения коллизий, 3) разрешение выявленной коллизии. Особое внимание в статье уделяется анализу основных, в том числе, выработанных в практике международных органов по правам человека, правовых критериев и условий применения средств и способов разрешения коллизий.

Ключевые слова: коллизии, международное право, внутригосударственное право, права человека, взаимодействие международного и внутригосударственного права, разрешение коллизий, международные обязательства в сфере прав человека.

Methodological model of overcoming of the conflicts of international and domestic norms in the sphere of human rights

Abstract: relevance of the article bases on the fact that due to the special role played by national law in the implementation of the State's international obligations in the field of human rights, the development of methodology to overcome practical problems of interaction between international and domestic law in the field of human rights, and in particular the problem of resolving of collisions of international and internal norms in the field of human rights, is of a significant scientific and practical importance. The purpose of the article — to identify and research both the main stages of resolution of collisions of international and national norms in the field of human rights, and the system of ways and means of resolving such collisions.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-03-00102 «Соотношение международного и внутригосударственного права в сфере прав человека в контексте принципа субсидиарности: международно-правовой и сравнительно-правовой аспекты».

Tasks were implemented using general scientific (dialectical, system, method of analysis and synthesis) and special scientific methods (legal, comparative). The authors conclude that the existence of inconsistencies (conflicts) in the sphere of legal regulation of human rights at the international and national levels is possible, that does not contradict with any of the main existing theoretical approaches to the interaction of international and domestic law. The process of resolving such collisions consists of three main stages: 1) determination of the existence of collisions, 2) selection of a means of resolving collisions, and 3) resolution of the identified collisions. Particular attention in the article is paid to the analysis of the main legal criteria and conditions (including those developed in the case-law of the international human rights bodies) for the use of means and ways to resolve the collisions,

Key words: collisions, international law, national law, human rights, interaction of international law and national law; resolving of collisions; international obligation in the field of human rights

Реализация международно-правовых норм в сфере прав человека неразрывно и тесно связана с реализацией норм внутригосударственного права. Именно внутригосударственное право является одним из важнейших инструментов, обеспечивающих соблюдение государством его международных обязательств. Этим объясняется актуальность выработки методологии преодоления такой практической проблемы взаимодействия международного и внутригосударственного права, как проблема разрешения коллизий международных и внутригосударственных норм в сфере прав человека.

Вместе с тем даже постановка этой проблемы вызывает немало вопросов с точки зрения теории международного права. Совершенно очевидно, что неизбежным является вопрос о самой возможности возникновения коллизий между нормами международного и внутригосударственного права. Так, в теории права коллизия традиционно определяется как «отношение между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения» [1, с. 23]. Таким образом, ключевым условием возникновения коллизии выступает наличие норм, регулирующих *одно и то же общественное отношение*. В контексте данного условия и может возникнуть вопрос о том, могут ли существовать коллизии международных и внутригосударственных норм, учитывая различия в подходах к определению предмета регулирования международного права и его соотношения с предметом регулирования права внутригосударственного. Несмотря на то что терминологически можно говорить о коллизиях «в процессе реализации международно-правовых актов» [2, 347–366]; коллизиях «норм международного права и норм отраслей российского права» [3, с. 22]; конфликтах двух самостоятельных правовых систем [4, с. 10], это подтверждает тот факт, что возможность существования несогласованностей в правовом регулировании сферы прав человека на международном и внутригосударственном уровнях не противоречит ни одному из подходов. Как отмечает, например, И.И. Лукашук, даже сторонники концепции дуализма ищут способы преодоления коллизий [5, с. 256–257]. «Принципиальную возможность конфликта двух самостоятельных правовых систем» предлагает признавать в своем автореферате и М.Ю. Ижиков [4, с. 10].

В контексте принципов субсидиарности, свободы усмотрения, минимальности стандартов прав и свобод человека, культурного релятивизма и принципа эффективности можно предложить следующую методологию разрешения коллизий международных и внутригосударственных правовых норм о правах человека: 1) установление наличия коллизий: а) установление наличия у государства действующего и действительного международно-правового обязательства в сфере

прав человека; б) установление предметного содержания данного международно-правового обязательства; в) установление наличия правовых оснований для свободы усмотрения государства по реализации им данного международного обязательства; г) оценка соответствия содержания внутригосударственных норм в сфере прав человека содержанию соответствующих международных норм; 2) выбор способа разрешения коллизий: а) установление наличия коллизионных норм и возможности их применения; б) правотворчество, направленное на изменение международной коллидирующей нормы, внутригосударственной коллидирующей нормы или коллизионных норм; в) толкование международной коллидирующей нормы, внутригосударственной коллидирующей нормы либо коллизионной нормы; г) принятие мер, направленных на изменение правоприменительной практики в целях преодоления коллизий; 3) разрешение выявленной коллизии.

Вопросы, возникающие на первой из выделенных стадий, являются, как представляется, наиболее сложными. Спорные моменты о коллизиях нередко кроются именно в вопросе о том, существует ли вообще коллизия в том или ином конкретном случае взаимодействия международных и внутригосударственных правовых норм или их комплексов.

На данной стадии необходимо, в первую очередь, установить наличие у государства действующего и действительного международно-правового обязательства в сфере прав человека, а также установить содержание данного обязательства. Следует иметь в виду, что ключевое значение при этом имеет практика реализации соответствующих международно-правовых норм уполномоченными международными органами контроля в сфере прав человека, с учетом их компетенции, правовой природы принимаемых решений и т. д. Так, широко признано положение о том, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. должна реализовываться государствами в свете практики Европейского суда по правам человека [6].

В рамках следующей стадии установления наличия коллизий необходимо установить, существуют ли правовые основания для свободы усмотрения государств по реализации соответствующего международного обязательства. Речь идет, в частности, о свободе усмотрения по осуществлению постоянных и временных ограничений гарантированных этим обязательством прав и свобод, по установлению содержания соответствующих стандартов прав человека (например, в случае наличия в международном договоре отсылки к внутригосударственному закону).

Только после выявления присутствия у государства действительного и действующего обязательства, а также содержания данного обязательства с учетом свободы усмотрения по его реализации можно переходить к оценке соответствия содержания внутригосударственных норм в сфере прав человека содержанию соответствующих международных норм. Результатом такой оценки может быть либо вывод об отсутствии коллизии, либо вывод о ее наличии.

Коллизиями при этом должны быть признаны не только случаи, когда международные стандарты превышают соответствующие внутригосударственные стандарты, но и случаи, когда внутригосударственные стандарты являются более высокими по сравнению со стандартами международными. Последний вид коллизий можно назвать позитивными, поскольку они направлены на предоставление дополнительных гарантий прав и свобод человека и расширение соответствующих международно-правовых гарантий

и воспринимаются как положительное явление, проявление доброй воли государства. Вместе с тем в отношении такого вида коллизий также предусмотрены коллизионные нормы, о чем будет сказано ниже.

К способам разрешения коллизий можно отнести применение коллизионных норм, правотворчество, толкование и применение права. Все они применимы к обоим видам коллизий, указанным выше.

Применение коллизионных норм представляет собой такой способ разрешения коллизий, который заключается в осуществляемом на ее основе выборе одной из коллидирующих норм в качестве применимой к отношениям, являющимся предметом регулирования последних.

Относительно применения данного способа в отношении позитивных коллизий, общепризнанных в международном праве прав человека, можно считать коллизионную норму, устанавливающую, что никакое ограничение или уменьшение каких бы то ни было основных прав человека, признаваемых в каком-либо участвующем в международном договоре о правах человека государстве в силу его внутреннего законодательства, международных договоров, правил или обычаев, не допускается под тем предлогом, что в данном международном договоре не признаются такие права или что в нем они признаются в меньшем объеме [7, ст. 5; 8, ст. 53]. Соответственно, данная коллизионная норма запрещает государству применять в приоритетном порядке норму международного договора, закрепляющую более низкий стандарт прав и свобод человека, чем внутригосударственное законодательство. Таким образом, позитивные коллизии не вызывают особых трудностей с точки зрения их разрешения.

Очевидно, что наибольшую актуальность имеет вопрос о разрешении коллизий иных, чем позитивные. Внутригосударственное законодательство, как правило, содержит коллизионные нормы общего характера, направленные на обеспечение надлежащего взаимодействия международного и внутригосударственного права.

Вместе с тем само по себе наличие коллизионной нормы общего характера не предвещает вопроса о возможности ее применения и ее достаточности для реального разрешения возникающих коллизий. Так, в российском праве обращается особое внимание на отдельные аспекты толкования и применения коллизионной нормы, содержащейся в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, и, в частности, на такой аспект, как самоисполнимость нормы международного права [9, п. 3]. В случае, если коллидирующая международная норма является несамоисполнимой, само по себе наличие коллизионной нормы внутригосударственного законодательства не имеет решающего значения для разрешения соответствующей коллизии ввиду того, что без совершения со стороны государства необходимых позитивных действий и, в первую очередь, принятия законодательных мер невозможно путем применения такой нормы международного права в государстве реально обеспечить гарантированные ей права и свободы человека.

Наиболее действенным способом разрешения коллизий, безусловно, является правотворчество. В условиях взаимовлияния международного и внутригосударственного права правотворчество как способ разрешения коллизий имеет три основных вектора реализации. При установлении наличия более высокого международного стандарта прав и свобод человека, обязательного для государства (с должным учетом его свободы усмотрения),

может потребоваться внесение изменений в действующее законодательство, отмена или принятие новых нормативных правовых актов. В том случае, если внутригосударственное законодательство предусматривает более высокий стандарт, чем международное право, это может оказать влияние на изменение международного стандарта соответствующего права или свободы. Это может выражаться в формировании новой обычной международно-правовой нормы либо стать шагом не пути изменения договорных норм. Кроме того, отдельным направлением правотворческой деятельности по разрешению коллизий является принятие, отмена или изменение коллизионных норм.

Если правотворчество в большей степени нацелено на окончательное устранение коллизий, то важнейшим способом их оперативного преодоления является толкование и применение права. Толкование и практика применения одной из коллидирующих норм либо применимой коллизионной нормы может способствовать эффективному разрешению коллизий без коренного изменения этих норм.

Таким образом, изложенная методология представляет собой комплекс основных стадий разрешения коллизий, включая тест на установление наличия коллизий, систему способов и средств разрешения коллизий, а также критериев и условий их применения.

Список литературы:

1. Власенко, Н.А. Коллизионные нормы в советском праве / Н.А. Власенко; науч. ред. А.Ф. Черданцев. — Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1984. — 99 с.
2. Тихомиров, А.Ю. Коллизионное право : учеб. и науч.-практ. пособие / Ю.А. Тихомиров. — М.: Юринформцентр, 2000. — 394 с.
3. Занина, М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Занина. — М., 2008. — 24 с.
4. Ижиков, М.Ю. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в области защиты прав человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.Ю. Ижиков. — М., 2012. — 27 с.
5. Лукашук, И.И. Международное право. Общая часть : учебник для студентов юрид. факультетов и вузов / И.И. Лукашук. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2007. — 415 с.
6. Recommendation Rec(2004)5 of the Committee of Ministers to member states on the verification of the compatibility of draft laws, existing laws and administrative practice with the standards laid down in the European Convention on Human Rights of 12 May 2004. — URL. <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=743297> (дата обращения: 12.07.2014).
7. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1976. — № 17, ст. 291.
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001. — № 2, ст. 163.
9. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2003. — № 12.

References:

1. Vlasenko, N.A. Kollizionnyye normy v sovetskom prave / N.A. Vlasenko; nauch. red. A.F. Cherdancev. — Irkutsk : Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1984. — 99 s.
2. Tihomirov, A.Ju. Kollizionnoe pravo : ucheb. i nauch.-prakt. posobie / Ju.A. Tihomirov. — M.: Jurinfomcentr, 2000. — 394 s.

-
3. Zanina, M.A. Kollizii norm prava ravnoj juridicheskoj sily (ponjatie, prichiny, vidy) : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / M.A. Zanina. — M., 2008. — 24 s.
4. Izhiikov, M.Ju. Vzaimodejstvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v oblasti zashhity prav cheloveka : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / M.Ju. Izhiikov. — M., 2012. — 27 s.
5. Lukashuk, I.I. Mezhdunarodnoe pravo. Obshhaja chast' : uchebnik dlja studentov jurid. fak-tov i vuzov / I.I. Lukashuk. — 3-e izd., pererab. i dop. — M. : Volters Kluver, 2007. — 415 s.
6. Recommendation Rec(2004)5 of the Committee of Ministers to member states on the verification of the compatibility of draft laws, existing laws and administrative practice with the standards laid down in the European Convention on Human Rights of 12 May 2004. — URL. <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=743297> (data obrashhenija: 12.07.2014).
7. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah 1966 g. // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. — 1976. — № 17, st. 291.
8. Konvencija o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod 1950 g. // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2001. — № 2, st. 163.
9. O primenenii sudami obshhej jurisdikcii obshhepriznannyh principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh dogovorov Rossijskoj Federacii : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 10 oktjabrja 2003 g. № 5 // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. — 2003. — № 12.

А.М. Диноршоев,
кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой конституционного права,
юридический факультет,
Таджикский национальный университет

A.M. Dinorshoev,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Constitutional Law,
Law Faculty Tajik National University
dinorshoev@gmail.com

Формирование института прав человека в политической и правовой истории таджикского народа

Аннотация: формирование идеи о надлежащей защите прав человека в Таджикистане имеет долгую и богатую историю, и данный процесс связан с тем, что на территории Таджикистана в различные периоды существовали различные государства. Заметный вклад в становление и развитие идей прав человека принадлежит первым таджикским государствам — государству Тахиридов и государству Саманидов. Первоначально идеи прав человека формировались не как совокупность правовых норм, а как учения о справедливости, равенстве, мудрости, разуме, гуманизме и т. д. На формирование идей прав человека на территории исторического Таджикистана сильное влияние оказали также религиозные учения, особенно зороастризм и ислам. В данной статье предпринята попытка проследить тенденции формирования идей прав человека в указанных государствах.

Ключевые слова: права человека, государство Саманидов, государство Тахиридов, равенство, справедливость, мудрость, разум, гуманизм.

33

Formation Institute of Human Rights in the political and legal history of the Tajik people

Abstract: the formation of the ideas of human rights in Tajikistan has a long and rich history, and this process is related to the fact that the territory of Tajikistan in different periods, there were various states. Significant contribution to the development of ideas of human rights belongs to the first Tajik state — the State of Tahirids and Samanids state. Initially, the idea of human rights is not formed as a body of law, and as a doctrine of justice, equality, wisdom, reason, humanism, etc. Also the formation of ideas of human rights in the territory of the historic Tajikistan strongly influenced by religious teachings, in particular, Zoroastrianism and Islam. This article attempts to trace the trends shaping the ideas of human rights in these countries.

Keywords: Human Rights, State Samanid, state Takhirid, equality, justice, wisdom, reason, humanism.

Формирование идей о надлежащей защите прав человека в Таджикистане имеет долгую и богатую историю. Это связано с тем, что на территории исторического Таджикистана в различные эпохи существовали различные государства со своими обычаями, традициями, культурой, религией и правовой системой [1, с. 3]. Однако в рамках одного исследования всесторонне охватить влияние каждого государства, существовавшего на территории исторического Таджикистана, на формирование идей прав человека не представляется возможным. В данной статье мы остановимся на формировании идей прав человека в первых таджикских государствах.

Формирование первых таджикских государств (Тахиридов, Саффаридов и Саманидов Гуридов) происходит в VIII–IX вв. В этот период территория исторического Таджикистана была завоевана арабами, распространявшими новую религию (ислам) и новые способы управления завоеванными территориями.

В конце VIII – начале IX вв. Арабский халифат переживал тяжелый политический кризис. Связано это было с тем, что халифам все сложнее было управлять завоеванными территориями, в результате чего стали регулярно вспыхивать народные восстания, а это, в свою очередь, привело к ослаблению власти Арабского халифата и возникновению самостоятельных государств на территории исторического Таджикистана.

Для сохранения своего влияния арабские халифы опирались на местную знать. Ее роль особенно возросла при халифе Мамуне, на период правления которого приходится возникновение первых таджикских государств — Тахиридов, Саффаридов и Саманидов. Арабы практически добровольно предоставили новым государствам самостоятельность на условиях обеспечения регулярного поступления в халифат налогов и распространения на подвластных территориях ислама [2, с. 316–317].

Первым из возникших таким образом стало государство Тахиридов, достигшее наибольшего расцвета в период правления Абдуллы ибн Тахира (828–844 гг.).

Как отмечает А.Э. Шмидт, в своем стремлении установить в стране порядок и твердую власть Абдулла ибн Тахир большое внимание уделял интересам именно коренного населения — земледельцев, заботы о которых нашли выражение в установлении им правил водопользования, изложенных в составленной законоведами по его поручению «Книге об арыках»; в издании приказа, предписывавшего чиновникам защищать крестьян [3, с. 130].

В.В. Бартольд, описывая жизнедеятельность Абдуллы ибн Тахира, отмечает, что именно сочувствие к низшему сословию привело его к идее о необходимости сделать образование и науку доступными для всех [4].

В государстве Тахиридов в качестве основы правовой системы выступало мусульманское право. Однако при этом широкое распространение получили и позитивные формы права, такие как указы царей и правителей. Еще одной формой правотворчества стали царские зеркала, или наставления владыкам. Самым известным является послание Тахира ибн Хусейна к сыну Абдулле ибн Тахиру, содержащее в себе перечень заветов, которым должен был следовать

Абдулла ибн Тахир при управлении государством. Особое место в послании уделяется вопросам обеспечения равенства, справедливости и человеколюбия.

«Поистине, — обращается Тахир Ибн-аль-Хусейн к своему сыну, — Аллах оказал тебе милости, а тебе вменил в обязанность кротость в отношении тех рабов Своих, дела которых Он поручил тебе, и обязал тебя быть к ним справедливым, неуклонно держаться в отношении к ним Его истины и Его постановлений, защищать их, оберегать их жен и дочерей, беречь их кров, обезопасить их дороги и обеспечить им спокойную жизнь». Далее он продолжает: «Выдавай больным пособия из государственной казны; в первую очередь выдавай пособия тем из них, кто знает Коран, вообще, и, в частности, тем, кто помнит большие отрывки из него. Устрой для больных мусульман особые дома, где они могли бы найти приют; назначь людей, которые ходили бы за ними, и врачей, которые лечили бы их болезни, и исполняли все их прихоти, поскольку это не может привести к растрате государственных средств» [3, с. 130].

В наказе отец призывал Абдуллу воплотить идеал мудрого и справедливого правителя. «Давай людям свободный доступ к себе, показывай им свое лицо, заставляй стражей своих относиться к ним спокойно, будь с ними ласков и приветлив, будь с ними мягок в своих вопросах и речах и обращай на них свою щедрость и милость» [3, с. 130].

Таким образом, данное послание является интересным документом государственной мудрости мусульманского Востока IX в., в котором вопросы защиты прав человека и социального обеспечения, равенства и справедливости выступали в качестве основных элементов при осуществлении управления государством. В литературе по истории государства и права Таджикистана справедливо отмечается, что наказания и сегодня могли бы служить хорошим руководством по управлению государством для политиков и правителей нашего времени [5, с. 595].

Возникшее после падения государства Тахиридов, государство Саманидов под управлением Исмаила Самани в достаточно короткий срок превратилось в сильное и независимое государство с развитой экономикой. Этому во многом способствовало проведение ряда реформ и мероприятий, в результате которых была упорядочена система центрального управления государством. Суть реформы заключалась в упрощении системы управления государством: в соответствии с новой системой Саманиды сосредоточивали в своих руках всю полноту государственной власти, а функции управления делили между двумя важнейшими структурными частями государственного аппарата: даргахом и диваном [6, с. 45]. Так в государстве Саманидов было достигнуто четкое распределение функций между органами власти.

Одним из важных органов управления в государстве выступал диван казия, в задачу которого входило осуществление правосудия. Аппарат казия состоял из набов — заместителей, мирз — письмоводителей, катибов — секретарей судебного заседания, приставов, привратников и муллазимов — посланцев [2, с. 350–351]. Высшей судебной инстанцией являлся эмир — глава государства.

С формированием такой судебной системы в государстве Саманидов получил развитие институт мазалима (правосудия). Как отмечает Р.С. Одинаев, будучи главой государства, эмир в государстве Саманидов одновременно

осуществлял верховную судебную власть. В случае, если судью или правителя той или иной области подозревали в злоупотреблениях, эмир совершал над ними правосудие (мазалимское правосудие). Однако этим полномочия мазалима не ограничивались. Он был вправе по собственному усмотрению или по результатам проведенной надзорной деятельности начать судебное разбирательство в отношении чиновников. Изучив структуру и форму деятельности данного института, Р.С. Одинаев приходит к справедливому выводу о том, что по роду своей деятельности мазалим выполнял схожие с институтом омбудсмана — уполномоченного по правам человека — функции [7, с. 26–27].

Подводя итог, следует отметить, что идеи защиты прав человека на территории исторического Таджикистана, будучи поначалу составной частью религии и философии, получили свое развитие и закрепление в первых таджикских государствах, в рамках которых проводилось осмысление новых идеалов, что привело в конечном счете к современному восприятию прав человека.

Список литературы:

1. История таджикского народа / под ред. Н.Н. Негматова. — Душанбе : ИАН РТ, 1999. — 790 с.
2. Насурдинов, Э.С. История государства и права Таджикистана. Часть 1 / Э.С. Насурдинов, Д.С. Сафаров. — Душанбе : Матбааи ДМТ, 2013. — 362 с.
3. Шмидт, А.Э. Идеал мусульманского правителя-наместника IX века (III века хиджры): Послание Тахира ибн-ал-Хусейна к сыну своему Абдаллах Ибн-Тахиру // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. — Вып. 8. — С. 128–138.
4. Бартольд, В.В. Сочинения. Работы по истории ислама и Арабского халифата / В.В. Бартольд. — М. : Наука, 1966. — 785 с.
5. Рахмон, Э. Таджики в зеркале истории / Э. Рахмон. — Душанбе: Авесто, 2012.
6. Азимов, Ш. Государство и право Саманидов / Ш. Азимов. — Душанбе: Ирфон, 1999. — 168 с.
7. Одинаев, Р.С. Формирование и развитие института мазалим в досоветском Таджикистане : дис. ... канд. юрид. наук / Р.С. Одинаев. — Душанбе, 2012. — 180 с.

References:

1. Istorija tadjzhikskogo naroda / pod red. N.N. Negmatova. — Dushanbe : IAN RT, 1999. — 790 s.
2. Nasurdinov, Je.S. Istorija gosudarstva i prava Tadjzhikistana. Chast' 1 / Je.S. Nasurdinov, D.S. Safarov. — Dushanbe : Matbaai DMT, 2013. — 362 s.
3. Shmidt, A.Je. Ideal musul'manskogo pravitelja-namestnika IX veka (III veka hidzhry): Poslanie Tahira ibn-al-Husejna k synu svoemu Abdallah Ibn-Tahiru // Bjulleten' Sredne-Aziatskogo gosudarstvennogo universiteta. — Vyp. 8. — S. 128–138.
4. Bartol'd, V.V. Sochinenija. Raboty po istorii islama i Arabskogo halifata / V.V. Bartol'd. — M. : Nauka, 1966. — 785 s.
5. Rahmon, Je. Tadjhiki v zerkale istorii / Je. Rahmon. — Dushanbe: Avesto, 2012.
6. Azimov, Sh. Gosudarstvo i pravo Samanidov / Sh. Azimov. — Dushanbe: Irfon, 1999. — 168 s.
7. Odinaev, R.S. Formirovanie i razvitie instituta mazalim v dosovetskom Tadjzhikistane : dis. kand. jurid. nauk / R.S. Odinaev. — Dushanbe, 2012.— 180 s.

**• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
ВЛАДИМИРСКИЙ ФИЛИАЛ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО
ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФАКУЛЬТЕТ ПРАВА •**

В.Ю. Картухин,
кандидат юридических наук, доцент,
директор Владимирского филиала
РАНХиГС при Президенте РФ

V.Y. Kartuhin,
Candidate of Law, Assistant Professor,
Director of the Vladimir branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
post@vlad.ranepa.ru

**Владимирский филиал РАНХиГС
при Президенте РФ: состояние и перспективы
юридического образования**

Аннотация: статья посвящена становлению, современному состоянию и основным направлениям совершенствования юридического образования во Владимирском филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. В статье показаны достижения коллектива филиала в вопросах подготовки кадров для органов государственной власти, местного самоуправления, предприятий и организаций Владимирского региона, особо подчеркивается вклад в подготовку будущих юристов, опытных руководителей-практиков регионального и муниципального уровней.

Ключевые слова: юридическое образование, факультет, кафедра, профессорско-преподавательский состав.

**State and prospects of legal education
in Vladimir branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration**

Abstract: the relevance of the theme due to the fact that the study of problems of criminal policy has important practical significance, but also promotes the development of optimal directions and effective means of combating prestapnostta dedicated to the development, current state and main directions for the improvement of legal education in the Vladimir branch of the Russian Academy of national economy and state service under the RF President. The article shows the achievements of the branch in training for public authorities, local governments, enterprises and organizations in the Vladimir region, emphasizes the contribution to the training of future lawyers, experienced practicing managers of regional and municipal levels.

Keywords: legal education, faculty, department, academic teaching staff.

Владимирский филиал был образован в 1992 г. как филиал Российской академии управления, а с 1994 г. стал именоваться Владимирским филиалом Российской академии государственной службы.

Указом Президента Российской Федерации от 20 сентября 2010 г. № 1440 образовано Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» с сетью филиалов по всей Российской Федерации.

Владимирский филиал президентской академии за годы своей работы подготовил более 15 000 государственных и муниципальных служащих, руководителей и специалистов предприятий и организаций области.

Обучение в филиале осуществляется высококвалифицированными учеными, специализирующимися в различных областях экономики, теории и практики менеджмента, финансов и права. Среди них 87 % имеют ученые степени и звания, 23 % являются докторами наук, профессорами.

Одним из приоритетных направлений подготовки специалистов в филиале, начиная с 2004 г., является юридическое направление («Юриспруденция» — бакалавриат, магистратура; «Правовое обеспечение национальной безопасности» — специалитет). Учебный процесс по данному направлению организует факультет права, который включает в себя шесть кафедр:

- кафедра теории и истории государства и права (заведующий кафедрой В.А. Чирикин, кандидат юридических наук, доцент);
- кафедра конституционного и муниципального права (заведующий кафедрой С.Н. Ушаков, кандидат юридических наук, доцент);
- кафедра административно-правовых дисциплин (заведующий кафедрой О.Р. Рузевич, кандидат юридических наук, доцент);
- кафедра гражданско-правовых дисциплин (заведующий кафедрой Е.А. Лачина, кандидат юридических наук, доцент);
- кафедра уголовно-правовых дисциплин (заведующий кафедрой А.М. Наумов, кандидат юридических наук, доцент);
- кафедра правового обеспечения государственного и муниципального управления (заведующий кафедрой В.М. Жамбровский, кандидат юридических наук, доцент).

Визитной карточкой факультета является то, что профессорско-преподавательский состав представлен не только учеными — кандидатами, докторами наук, но и опытными практиками — руководителями органов государственной власти и местного самоуправления разного уровня: Е.Г. Шаломенцева — председатель государственно-правового комитета администрации Владимирской области; Д.Н. Лызлов — заместитель председателя указанного комитета; Е.М. Батанова — судья Владимирского областного суда; Ж.П. Уколова — председатель Ленинского районного суда г. Владимира и др. Магистерскую программу «Правовое обеспечение государственного и муниципального управления» возглавляет доктор юридических наук, профессор, адвокат А.В. Аверин. Это позволяет наряду с теоретическими знаниями доносить до студентов практику их применения.

Занятия на факультете в большинстве своем носят прикладной характер, используются активные формы обучения (например, часть занятий проходит в зале судебных заседаний, расположенном в филиале). Практические занятия проводятся также в правоохранительных органах, Законодательном

собрании Владимирской области, органах местного самоуправления. Ежегодно студенты в рамках учебных занятий знакомятся с деятельностью Конституционного Суда РФ, Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

Традиционно студенты факультета проходят практику в органах государственной власти и местного самоуправления с возможностью дальнейшего трудоустройства.

В процессе обучения будущие юристы участвуют в проводимых академией мероприятиях. Стало традицией участие в Межрегиональной студенческой юридической олимпиаде в Центральном Федеральном округе России, где наши студенты занимали призовые места. Среди них — Барсуков Юрий, Кузьмина Александра, Рыбакова Дарья.

Одним из приоритетных направлений совершенствования юридической подготовки студентов филиала является организация учебного процесса таким образом, чтобы они смогли максимально овладеть тем спектром обще-гуманитарных и специальных правовых дисциплин, который предоставит возможность юристу активно участвовать в управленческом процессе. Он должен уметь работать в коллективе, а если нужно, то и осуществлять руководство, принимать профессиональные решения с учетом реальной ситуации и норм закона.

В.А. Чирикин,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и
истории государства и права,
Владимирский филиал РАНХиГС при
Президенте РФ

V.A. Chirikin,
Candidate of Law, Assistant Professor,
Head of the Theory and History of State
and Law Department,
Vladimir branch of the Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Chirikin_V@vlad.ranepa.ru

Духовные ценности государственности

***Аннотация:** в статье предпринимается попытка сравнить такие понятия, как «государство» и «государственность». Рассматриваются отдельные подходы к модели государственного устройства как мыслителей древности, так и более поздних и современных философов и религиозных деятелей, которые во главу угла развитого государственного образования ставили, прежде всего, нравственные категории добра и справедливости. Подчеркивается важность и значимость религиозно-нравственных ценностей в различных моделях государственного устройства. Дается краткая характеристика особенностям основных идеологий XX в.: либеральной демократии, фашизму, коммунизму. Обращается внимание на особенности становления и развития российской государственности.*

***Ключевые слова:** государственное устройство, духовность, нравственность, либерализм, марксизм, фашизм, российская государственность.*

Spiritual values of statehood

***Abstract:** the author of the article tries to compare concepts such as “state” and “statehood”. Considers some approaches to model of government as the thinkers of antiquity, and later modern philosophers and religious figures who are at the forefront of developed public education put, first of all, the moral categories*

of good and justice. Emphasizes the importance and significance of religious and moral values in different models of government. Brief description of the characteristics of the main ideologies of the twentieth century: liberal democracy, fascism, communism. Draws attention to the peculiarities of formation and development of Russian statehood.

Keywords: *structure of a state, spirituality, morality, liberalism, Marxism, Fascism, Russian statehood.*

В последнее время как в политической, так и в юридической терминологии все чаще наряду с понятием «государство» используется как синоним понятие «государственность». Вместе с тем эти понятия не являются синонимами. Под государственностью следует понимать не только комплекс структур, институтов публичной власти, но и наличие компонентов неполитического характера, обусловленных самобытностью социально-экономических, духовно-нравственных условий жизнедеятельности конкретного народа на определенном этапе своего развития. Поэтому в данной статье мы рассмотрим не только религиозно-нравственные контуры государственного устройства, но и в целом духовные ценности института государственности.

Существует или существовал в прошлом идеал государства, которое бы соответствовало интересам и потребностям всего общества? Каким образом данный феномен рассматривали мыслители древности и как себе представляют современное государство сегодняшнее научное сообщество, представители институтов власти и общества?

Совершив краткий экскурс в историю, можно увидеть, как вырисовываются контуры идеального государства в постулатах древних философов, какие пути построения совершенного государства они представляли, как следует обустроить государственную власть, каким методам и приемам правления отдавать приоритет.

Мыслители древности Сократ и Платон во главу угла совершенного государства ставили нравственно-правовую категорию справедливости. Справедливость, на их взгляд, состоит в том, чтобы каждый имел свое и исполнял тоже свое, не вмешиваясь в посторонние дела, будь то правитель или подвластный. Справедливый человек не будет отличаться от справедливого государства, ибо каковы люди, живущие в государстве, таково и само государство [1, с. 138].

Древнегреческий философ Аристотель видел в государстве высшее осуществление добра и правды, составляющее конечную цель всей человеческой жизни.

Изображение идеального политического строя изложено в работе Аристотеля «Политика»: «Наилучшим государственным строем должно признать такой, организация которого дает возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо. У счастливых людей должны быть налицо три вида благ: внешние, физические, духовные. Ведь никто не назовет счастливым того, кто не обладает, хотя бы в значительной степени, мужеством, воздержанностью, справедливостью, рассудительностью, кто не останавливается ни перед какими преградами» [2, с. 10].

Таким образом, моделируя устройство идеального государства, древние философы в его основу закладывали, прежде всего, нравственные ценности.

Известный русский религиозный философ П.А. Флоренский смотрел на устройство правового государства сквозь призму нравственного государства.

Кроме того, он выступал за создание федеративного государства, но с сильной, централизованной вертикалью власти. Взгляды Флоренского отличались системностью, т. к. сплоченность государства он видел не в монотонной унификации всех его частей, а во взаимной их связи, обусловленной глубоким сознанием взаимной необходимости частей, проявлении их разнообразия через организацию государства как единого целого, а не механически накопленных случайных элементов.

На протяжении многих столетий человеческой истории идет постоянная борьба между силами добра и зла, от которой никакая власть уклониться, в принципе, не может. В реальной жизни не может быть «нейтральной» власти, поскольку не может быть нравственного вакуума: любая власть в определенной степени служит либо добру, либо злу.

Как говорят философы, истина в мире одна, но уклоняться от нее можно в разные стороны. XX век стал ареной противостояния трех основополагающих идеологий: либеральной демократии, марксизма (коммунизма) и фашизма. Каждая из них предлагала обществу свой вариант «светлого будущего».

Либеральная демократия стала принципиально новым общественным строем, возникшим на Западе в результате повсеместного отказа от монархического устройства, определенного отхода от христианства (православия). Источник государственной власти при таком строе, в отличие от монархии, видится не в Боге, а в воле народа, т. е. демократия опирается на совокупную волю индивидуумов, которым государство необходимо в первую очередь для разрешения их споров между собой и как полицейский, разграничивающий личные свободы и охраняющий накопленное имущество.

Либерально-демократический строй изначально не отдает приоритета существующих у народа и государства высоких, духовных ценностей над земными эгоистичными заботами массы; провозглашается принцип плюрализма как равенства всех мнений. Это размывает границы между добром и злом, между нравственным и безнравственным (легализация однополых браков этому подтверждение). Весьма актуально и своевременно на этот счет высказался Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, который определил либерализм как неправильно познанную свободу, отметив при этом, что сегодня грех законодательно оправдывается и закрепляется (из интервью тележурналисту Дмитрию Киселеву, 7 января 2014 г.).

Вовне государства такая демократия стремится к упрощенному смешению различных народов в виде объединенного сообщества индивидуумов. С этой целью «права человека» (индивидуума) провозглашаются более важными, чем права и ценность государства, вследствие чего оно ослабляется — и этот подход навязывается всему миру как единственно эффективный и правильный (демократический тоталитаризм).

В основе политической теории марксизма (коммунизма) лежит протест против эгоистичной и безудержной власти капитала. Но эта идеология отличается от предыдущей только тем, что хотела установить точно такое же «светлое будущее» не для господствующих слоев, а для всех трудящихся — и как можно быстрее, порой не считаясь с определенными жертвами.

Данный общественный строй планировал победу над злом посредством всеобщего контроля над обществом, максимально его упростив (отмирание семьи, нации, религии, частной собственности и государства).

Идеология фашизма явилась следствием определенной реакции, прежде всего западноевропейской, как на демократический либерализм, так и на различные оттенки марксизма, после их победы над рядом монархий в Первой мировой войне. Сторонники этой идеологии стремились установить «светлое будущее» не для богатых или трудящихся, а для своей нации как цельного биологического организма. В этом суть классического (итальянского) фашизма, который не следует смешивать с его расистской крайностью — гитлеровским нацизмом, обожествлявшим германскую расу, стремившимся к господству над всем миром [3].

Поэтому существующая власть не должна декларировать своего стремления к «всеобщему миру и счастью» на земле, в которой много несовершенного (войны, преступность и др.). Назначение истинной, авторитетной власти — защитить *свой народ* от различных проявлений зла. Думается, что для выполнения данной миссии государство должно обладать не только политической, экономической властью, но и властью духовной, которая проявляется в поддержке и доверии народного большинства (не только успешных граждан, но и обездоленных, проигравших, переживающих нищету, безысходность) к этой власти.

Православная государственность, по мнению преподобного Иосифа Волоцкого, представляет собой симфонию церкви и государственной власти, которые разными средствами служат одной цели [4, с. 17].

Несколько суждений об особенностях российского государственного устройства, основанного, прежде всего, на православном мировоззрении. Православное мировоззрение облагораживает природный коллективизм общества и возводит его до высшего уровня — до церковного народа как соборной личности. Ценность государства также очевидна — это организованная форма земного бытия народа. Однако эта ценность не абсолютна. *Государственная власть не имеет оправдания в самой себе, а является лишь органом защиты народа от сил зла.*

Исторически Российская империя отличалась от колониальных европейских держав одним из важнейших качеств — все народы в ней были юридически равны, благодаря равенству духовному. Можно смело утверждать, что ни одна народность не понесла материальных или духовных утрат в связи с включением ее в состав империи, а наоборот, многие из них смогли сохраниться и подняться до более высокого уровня самосознания.

У большинства западных народов юридическая система власти основывалась на борьбе отдельных индивидуумов друг с другом и с верховной властью в целом. В условиях постоянного столкновения интересов, рассматриваемого как естественный процесс, было необходимо детально регулировать ее системой формальных правил. Видимо, поэтому юридический рационализм у них преобладает над нравственным содержанием (как пример — детальная регламентация брачных договоров).

Природа российской государственности основывалась преимущественно на приоритете общественных интересов над индивидуальными, на соборно-

сти принятия решений, на глубоком нравственном чувстве, а не на детально регламентированном нормативном правовом акте. Во все времена на Руси, в отличие от Европы, духовное жизненное содержание было важнее формы. На это обращал внимание и великий русский философ И.А. Ильин, утверждая, что «в религии, как и во всей культуре, русский организм творил и дарил, но не искоренял, не отсекал и не насиловал...» [5, с. 25].

Таким образом, можно заключить, что становление и развитие государственности не является процессом спонтанным, произвольным, устанавливаемым обществом по своему усмотрению. Данный институт, прежде всего, должен соответствовать духовным основам жизни человечества.

На современном этапе главным оружием российской государственности в противодействии жесткому политическому, экономическому давлению, масштабной западной пропаганде антиценностей является не до конца разрушенный духовно-нравственный пласт, сохранившиеся осколки коллективизма, общинности, соборности, стремления к высоким нравственным идеалам, отвергающие расчетливость, рациональную организацию собственной жизни.

Список литературы:

1. Платон. Государство. Кн. 5 / Платон. — М.: Мысль, 1971. — 333 с.
2. Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. — М.: Мысль, 1983. — Т. 4. — 830 с.
3. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фашизм>.
4. Волоцкий, И. Послание иконописцу / И. Волоцкий. — М.: Изобразительное искусство, 1994. — 340 с.
5. Ильин, И.А. О русском национализме : сборник статей / И.А. Ильин. — М.: Российский фонд культуры, 2007. — 152 с.

References:

1. Platon. Gosudarstvo. Kn. 5 / Platon. — M.: Mysl', 1971. — 333 s.
2. Aristotel'. Politika // Sochinenija : v 4 t. — M.: Mysl', 1983. — T. 4. — 830 s.
3. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Fashizm>.
4. Volockij, I. Poslanie ikonopiscu / I. Volockij. — M. : Izobrazitel'noe iskusstvo, 1994. — 340 s.
5. Il'in, I.A. O russkom nacionalizme : sbornik statej / I.A. Il'in. — M.: Rossijskij fond kul'tury, 2007. — 152 s.

А.В. Кудрявцев,
*доктор юридических наук, доцент,
декан факультета права,
Владимирский филиал РАНХиГС
при Президенте РФ*

A.V. Kudryavtsev,
*Doctor of Law, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Law
Vladimir branch of the Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
kudriavcev.ru@mail.ru*

**О месте оперативно-розыскной деятельности в
структуре уголовной политики государства**

Аннотация: в статье анализируется роль оперативно-розыскной деятельности в общей структуре уголовной политики государства; рассматривается система факторов, определяющих место оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе в механизме уголовной

политики государства; делаются выводы относительно мер, направленных на повышение эффективности правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, преступность, уголовная политика, уголовно-исполнительная система.

About a place of operational search activity in structure of criminal policy of the state

Abstract: This article analyzes the role of the operational-search activity in the overall structure of the criminal policy of the state; consider a system of factors that determine the place of operative-search activity in the penal system in the mechanism of the criminal policy of the state; conclusions on the measures aimed at improving the legal regulation of the operational-search activity in the penal system.

Keywords: operational-search activity, crime, criminal policy, the correctional system.

В российской юридической науке проблемам уголовной политики с давних пор уделялось большое внимание. Их исследование имело важное практическое значение, способствовало выработке оптимальных направлений и эффективных средств борьбы с преступностью.

Одними из первых определение понятия уголовной политики предложили Н.И. Загородников и Н.А. Стручков. Уголовная политика, по их мнению, представляет собой такое направление советской политики, в рамках которого формируются исходные требования борьбы с преступностью посредством разработки и осуществления широкого круга предупредительных мер, создания и применения правовых норм материального, процессуального и исполнительного уголовного права, устанавливающих криминализацию и пенализацию, а когда нужно, декриминализацию деяний, а также посредством *определения круга допустимых в борьбе с преступностью мер государственного принуждения* [1, с. 4].

Другой подход к определению уголовной политики основывается на анализе ее соотношения с государственной политикой борьбы с преступностью.

П.Н. Панченко, подробно исследовавший подходы к определению понятия и сущности уголовной политики, писал: «Несмотря на различия в объеме содержания, сущностная основа уголовной политики и политики борьбы с преступностью одна и та же. Состоит она в том, что уголовная политика формирует главную линию, *стратегические и тактические направления* (выделено нами. — А.К.) борьбы с преступностью» [2, с. 73].

Представители третьей группы исследователей проблем уголовной политики пытались дать всеобъемлющее и точное ее определение. Так, И.А. Исмаилов охарактеризовал уголовную политику как «направление деятельности государства, осуществляемой на уровне политического руководства, управления, принятия и реализации конкретных решений и имеющей основным назначением определение и проведение в жизнь задач, форм и содержания *целенаправленных мер борьбы с преступностью, воздействия на нее* (выделено нами. — А.К.), организацию и обеспечение оптимального функционирования и развития этой системы на надлежащей идеологической, правовой, информационной, ресурсной базе и во взаимодействии с другими социальными системами» [3, с. 124].

Не вдаваясь в более подробный анализ теоретических подходов к изучению сущности уголовной политики, отметим, что следует согласиться с авторитетным мнением Г.М. Миньковского, который особо подчеркивал, что «как бы не именовались направления деятельности государства и общества, связанные с борьбой с преступностью, — уголовной политикой или политикой борьбы с преступностью, — речь идет о важнейшей составной части внутренней политики, обеспечивающей эффективное функционирование экономической, идеологической и социальной политики» [4, с. 7].

Ученые, исследовавшие различные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности, пришли к обоснованному выводу о том, что оперативно-розыскная работа как государственно-правовая функция является составной частью (элементом) уголовной политики государства [5, 6, 7, 8].

Оперативно-розыскная деятельность, осуществляемая в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы, является составляющей уголовно-исполнительной политики, которая, в свою очередь, входит в качестве элемента в общую уголовную политику государства.

Между ОРД и научными основами уголовной политики существует непосредственная взаимосвязь, однако изучена она еще недостаточно глубоко.

В контексте проведенного нами исследования особого внимания заслуживает соотношение в архитектонике общей уголовной политики уголовно-исполнительной и оперативно-розыскной составляющих.

Данные направления тесно взаимосвязаны и исходят из единой цели, принципов и стратегии политики борьбы с преступностью, обусловленной общегосударственной политикой в целом.

Наиболее тесная связь существует между уголовно-правовой политикой и политикой в сфере исполнения наказаний (уголовно-исполнительной политикой). Во-первых, уголовно-исполнительная политика выделилась из уголовной политики. Во-вторых, юристы отводят лидирующую роль уголовно-правовой политике в комплексе направлений борьбы с преступностью, т. к. она непосредственно определяет, а затем на законодательном уровне закрепляет уголовно-правовые меры воздействия на преступность. В отличие от уголовно-правовой политики, уголовно-исполнительная политика имеет более узкое, специальное содержание: она устанавливает цели, принципы, формы и методы деятельности государства в процессе исполнения мер уголовно-правового воздействия, достижения целей исправления осужденных, предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Вместе с тем уголовно-исполнительная политика, в свою очередь, оказывает влияние на уголовную политику, что прежде всего относится к определению системы наказаний и отдельных его видов, практике назначения наказаний.

В рамках анализа современных тенденций уголовно-исполнительной политики и ее оперативно-розыскной составляющей можно выделить ряд негативных факторов, существенно сказывающихся на эффективности государственного контроля над преступностью, в том числе и пенитенциарной, а также роли и значения в этом вопросе теории и практики ОРД.

К таким негативным факторам относится следующее:

1. Существенный уровень «престижа» криминальной деятельности в сознании населения, что не может не оказывать влияния на функционирование пенитенциарной системы, крайними формами проявления которого являются попытки организованной преступности дестабилизировать ситуацию в местах лишения свободы¹.

Значимой государственной мерой, направленной на нейтрализацию указанного фактора, является проводящееся реформирование системы уголовных наказаний России и принятие Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. [9], одной из основных задач которой выступает совершенствование уголовно-исполнительной политики (организации исполнения наказаний), направленной на социализацию осужденных.

Совершенствование уголовно-исполнительной политики должно затронуть все направления деятельности пенитенциарной системы, в том числе и оперативно-розыскную деятельность, основной задачей которой в условиях реформы должно стать обеспечение должного уровня правопорядка в исправительных учреждениях.

2. Недостаточная эффективность правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе, что не позволяет действовать на должном уровне системе противодействия пенитенциарной преступности и осуществлять контроль над наиболее опасными ее проявлениями.

В качестве проблем, которые, на наш взгляд, должны найти свое решение, в рассматриваемом контексте можно отметить: приведение нормативного регулирования деятельности оперативных подразделений УИС в соответствие с требованиями по обеспечению законных прав и свобод человека и гражданина; несоответствие правового статуса ОРД в УИС ее содержанию и предназначению; необходимость установления истинных пределов правового регулирования ОРД в УИС; определение функционального содержания ОРД в УИС и ряд других.

Что касается общепрофилактического аспекта противодействия пенитенциарной преступности, то необходимо понимать: на современном этапе требуют существенного внимания со стороны законодателя вопросы криминализации ряда злостных нарушений режима содержания в местах лишения свободы, по сути своей граничащих с преступлениями; усиление уголовной ответственности за совершение ряда преступлений, связанных с дестабилизацией деятельности исправительных учреждений, совершенных в организованных формах и др.; усиление ответственности сотрудников и персонала исправительных учреждений за преступления против интересов службы.

3. Преодоление девальвации норм профессионального правосознания исполнителей в механизме обеспечения государственного контроля над пенитенциарной преступностью (сотрудников уголовно-исполнительной системы в целом и оперативных работников в частности), что является негативным

¹ В рамках проведенного нами исследования 86,4 % респондентов отметили тот факт, что в их практике случались попытки со стороны представителей преступности «на свободе» в различных формах влиять на состояние правопорядка в исправительном учреждении или СИЗО. В анкетировании приняли участие 420 оперативных работников исправительных учреждений и СИЗО, представителей оперативных подразделений территориальных органов УИС из 49 регионов Российской Федерации.

фактором, непосредственным образом влияющим на процесс исполнения наказаний, связанных с лишением свободы.

Следует согласиться с мнением о том, что можно принять самые совершенные правовые нормы, но они будут применяться не так, как предполагалось, если адекватно не усвоятся правоприменителями. А их усвоение зависит от нравственных ценностей, индивидуального сознания личности, когда они «вместе с моральными нормами пройдут через психологический механизм адресатов» [10]. Поэтому проблема профессиональной подготовки и правового воспитания сотрудников правоохранительных органов в целом и уголовно-исполнительной системы в частности становится центральной.

4. Необходимость комплексного подхода к началу на современном этапе реформированию системы исполнения наказаний.

Сложность и масштабность поставленных в рамках реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации задач подтверждают изменение общих парадигм уголовно-исполнительной и уголовной политики государства в целом.

Решение данных задач, закрепленных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, требует детальной проработки, с использованием научного подхода, всех направлений деятельности органов и учреждений исполняющих наказания.

Таким образом, изменение направлений уголовной и уголовно-исполнительной политики государства на современном этапе его развития оказывает влияние на оперативно-розыскную деятельность в пенитенциарной системе, изменяя подходы к ее статусу и организационно-правовым аспектам ее осуществления.

Список литературы:

1. Загородников, Н.И. Направления изучения советского уголовного права / Н.И. Загородников, Н.А. Стручков // Советское государство и право. — 1981. — № 7. — С. 48–54.
 2. Панченко, П.Н. Советская уголовная политика / П.Н. Панченко. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1988. — 200 с.
 3. Исмаилов, И.А. Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы борьбы с преступностью) / И.А. Исмаилов. — Баку: Азернешр, 1990. — 306 с.
 4. Миньковский, Г.М. Политология борьбы с преступностью (вместо предисловия) // Исмаилов, И.А. Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы борьбы с преступностью) / И.А. Исмаилов. — Баку: Азернешр, 1990. — 306 с.
 5. Аванесов, Г.А. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью : учеб. пособие / Г.А. Аванесов. — М.: ВШМ МВД СССР, 1972. — 60 с.
 6. Гребельский, Д.В. Оперативно-розыскная деятельность как государственно-правовая форма борьбы с преступностью // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. — Свердловск : СЮИ, 1972. — С. 18–24.
 7. Алексеев, А.И. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности / А.И. Алексеев, Г.К. Синилов. — М.: ВШМ МВД СССР, 1973. — 176 с.
 8. Бобров, В.Г. Введение в курс «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» : лекция / В.Г. Бобров, В.А. Лукашов, С.А. Смирнов. — М. : Академия МВД СССР, 1990. — 36 с.
-

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2010. — № 43, ст. 5544.

10. Лазарев, В.В. Социально-психологические аспекты применения права / В.В. Лазарев. — Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1982. — 143 с.

11. Грошев, А.В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Грошев. — Екатеринбург, 1997. — 61 с.

References:

1. Zagorodnikov, N.I. Napravlenija izuchenija sovetskogo ugolovnogogo prava / N.I. Zagorodnikov, Struchkov N.A. // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1981. — № 7. S. 48–54.

2. Panchenko, P.N. Sovetskaja ugolovnaja politika / P.N. Panchenko. — Tomsk : Izd-vo Tom. Un-ta, 1988. — 200 s.

3. Ismailov, I.A. Prestupnost' i ugolovnaja politika (aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'ju) / I.A. Ismailov. — Baku: Azerneshr, 1990. — 306 с.

4. Min'kovskij G.M. Politologija bor'by s prestupnost'ju (vmesto predislovija) // Ismailov, I.A. Prestupnost' i ugolovnaja politika (aktual'nye problemy

bor'by s prestupnost'ju) / I.A. Ismailov. — Baku: Azerneshr, 1990. — 306 с.

5. Avanesov, G.A. Kriminologicheskoe prognozirovanie i planirovanie bor'by s prestupnost'ju : ucheb. posobie / G.A. Avanesov. — M. : Vyssh. shkola MVD SSSR, 1972. — 60 s.

6. Grebel'skij, D.V. Operativno-rozysknaja dejatel'nost' kak gosudarstvenno-pravovaja forma bor'by s prestupnost'ju // Leninskij princip neotvratimosti nakazaniya i zadachi sovetskoj kriminalistiki. — Sverdlovsk : SJuI, 1972. — S. 18–24

7. Alekseev, A.I. Aktual'nye problemy teorii operativno-rozysknoj dejatel'nosti / A.I. Alekseev, G.K. Sinilov. — M. : VShM MVD SSSR, 1973. — 176 s.

8. Bobrov V.G. Vvedenie v kurs «Operativno-rozysknaja dejatel'nost' organov vnutrennih del» : lekcija / V.G. Bobrov, V.A. Lukashov, S.A. Smirnov. — M. : Akademija MVD SSSR, 1990. — 36 s.

9. Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14 oktjabrja 2010 g. № 1772-r // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2010. — № 43, st. 5544.

10. Lazarev, V.V. Social'no-psihologicheskie aspekty primenenija prava / V.V. Lazarev. — Kazan' : Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1982. — 143 s.

11. Groshev, A.V. Funkcii pravosoznaniya v mehanizme ugolovno-pravovogo regulirovanija: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / A.V. Groshev. — Ekaterinburg, 1997. — 61 s.

А.В. Аверин,

*доктор юридических наук, профессор,
кафедра теории и истории государства
и права,
Владимирский филиал РАНХиГС при
Президенте РФ*

A.V. Averin,

*Doctor of Law, Professor
Theory and History of State and Law
Department,
Vladimir branch of the Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
averin_av@yandex.ru*

Прагматическое правопонимание как фактор социальной стабильности в обществе

Аннотация: сложность и многогранность теоретической проблемы осмысления сущности права не вызывает сомнений и подтверждается наличием многочисленных конкурирующих концепций и учений о праве. При этом, пожалуй, единственная точка зрения, разделяемая всеми без

исключения, состоит в том, что вопрос о правопонимании — отправной, стержневой, главный в юридической науке и практике.

Широкое распространение в периоды социальных катаклизмов получают многочисленные теории, которые в той или иной интерпретации противопоставляют право закону, обосновывают сущность права неюридическими критериями, возводят право в ранг философских абстракций и в абсолют — право индивидуума по своему внутреннему восприятию оценивать закон как правовой или неправовой и поступать в урегулированных отношениях по своему усмотрению.

Автор отстаивает позиции современного нормативного подхода к пониманию права и исходит из того, что любые широкие трактовки права, в особенности те из них, которые превращают право в некие аморфные абстрактные концепты (по меткому выражению поэта — в «облако в штанах»), приводят к размыванию сути этого явления, представляющего собой один из важнейших социальных регуляторов.

В настоящей статье обосновывается мнение о социальной опасности противопоставления права и закона и аргументируется мнение о прагматической ценности теоретико-правовой проблемы правопонимания.

Ключевые слова: право, правопонимание, правоприменение, правопорядок, правовой нигилизм, социальный регулятор.

Pragmatic legal consciousness as a factor of social stability of the society

Abstract: Complexity and versatility of a theoretical problem of judgment of essence of the right doesn't raise doubts and is confirmed by existence of the numerous competing concepts and doctrines about the right. Thus, perhaps, the only point of view shared by all without exception consists that a question of right understanding — starting, rod, main in jurisprudence and practice.

During the periods of social cataclysms numerous theories which in this or that interpretation oppose the right to the law are widely adopted, prove essence of the right neyuridirchesky criteria, bring the right to the level of philosophical abstractions and to the absolute the right of an individual on the internal perception to estimate the law legal or unlawful and to arrive in the settled relations at discretion.

The author defends positions of modern standard approach to understanding of the right and recognizes that any broad treatments of the right, in particular those from them which turn the right into certain amorphous abstract concepts (on an apt expression of the poet — in «a cloud in trousers») lead to washing out of an essence of this phenomenon representing one of the major social regulators.

In the present article the author proves opinion on social danger of opposition of the right and the law and reasons opinion on the pragmatival value of a teoretiko-legal problem of right understanding.

Keywords: law, legal consciousness, law enforcement, law order, legal nihilism, social regulator

События февраля 2014 г. на Украине, представляющие собой социальный взрыв, приведшие к кровопролитию и гибели людей, а в дальнейшем — и к гражданской войне, поставили многочисленные разноплановые вопросы, поиск ответов на которые является исключительно важным во избежание повторения трагедий подобного рода. Актуальными в связи с этим выглядят проблемы государственного устройства. Одна из них, на первый взгляд, может показаться затеоретизированной, оторванной от жизни, не имеющей сколь-нибудь существенного влияния на процессы взаимодействия общества и государства. Но это лишь на первый взгляд, поскольку одним из первостепенных факторов, приводящих к социальной дестабилизации, возникновению анархии и беззаконию, разгулу преступности, является правовой нигилизм, пренебрежительное отношение людей к праву, правовой произвол всех ветвей государственной власти.

Однако смысловое значение общеупотребительных терминов «правовой нигилизм», «правой беспредел», «беззаконие», «правовой произвол» и других

подобных им будет зависеть от того, какой смысл вкладывается в термин «право» или что понимается под сущностью этого социального явления. Ответ на вопрос о сущности права, в отличие от расхожего мнения о его затеоретизированности, имеет самое, что ни на есть, практическое значение, поскольку правореализационные процессы в обществе (важнейшим видом которых является государственное правоприменение) характеризуют сущность государственного устройства и определяют его содержание. А без понимания сущности права деятельность людей в процессе правореализации (особенно в правоприменении) может быть малоэффективной или приводящей к негативным последствиям.

Что есть право? Вопрос о понимании права и на современном этапе развития правовой науки остается дискуссионным. При этом, пожалуй, единственная точка зрения, разделяемая всеми без исключения, состоит в том, что вопрос о правопонимании — отправной, стержневой, главный в юридической науке и практике.

Все научно-правовые взгляды и теории, существующие в отечественной правовой науке на современном этапе, при всем их многообразии, характеризуют собой *два основных подхода к пониманию права — нормативный (монистический, узкий) и широкий (плюралистический и т. д.)*, т. е. охватывающий понятием права не только юридические нормы, но и другие правовые явления — правоотношения, правосознание и т. д. [1, с. 41].

Однако эта точка зрения не единственная. В частности, существует такой подход к правопониманию, согласно которому право и юридический закон противопоставляются друг другу [2, 3].

Существо подхода к правопониманию сторонников противопоставления права и закона состоит в том, что они предлагают исходить из признания одновременного существования двух систем права: «положительного» («позитивного»), под которым подразумевается право, наделенное «законной силой», представляющее собой «нормы законодательства», и предшествующего ему «дозакондательного» права («социально-исторически обусловленного права как необходимой формы общественных отношений»), которое не обладает «официальной силой», возникает и функционирует помимо и независимо от государства. Это внезаконодательное право представляет собой общие критерии, правила, масштабы, модели, образцы и стандарты поведения и т. д. Это право — свойственная данному обществу мера свободы и формального равенства, выразитель общих (абстрактных) принципов и идей нравственности, фундаментальных прав человека, справедливости, гуманизма и других ценностей. Посредством закона происходит лишь формулирование «в виде норм законодательства уже сложившихся или явно складывающихся форм и норм права (мер свободы)». При этом «право... в его соотношении с законом... выступает как источник, олицетворение и критерий справедливости» [4, с. 29–30], [5, с. 342–343], [6, с. 17–20]. Законодательство же нередко «носит антиправовой, произвольный, насильственный характер» [5, с. 15]. Поэтому «в качестве основания и критерия для суждения о ценности закона, его соответствии своему назначению», его характеристики как «правового или неправового (антиправового) установления» выступает право [5, с. 20].

Одним из критериев различения права и закона предлагается также категория «социальной легитимации» [3] или «социально-признанных норм» (норм, оцениваемых и поддерживаемых обществом в качестве правил должного). Наряду с «государственно-организованным правом» независимо от государства существует право общества — «социальное право», т. е. неюридическое право. А.В. Поляков приходит к заключению, что «право представляет собой универсальное социальное явление», существует на разных уровнях порядка отношений, включая как «государственно-организованную форму своего бытия (закон)», так и «интерсоциальные (например, внутрисемейные, внутригрупповые) и экстрасоциальные (например, межгосударственные) правовые порядки» [3, с. 338]. По утверждению М.И. Байтина, в этом выводе и заключается квинтэссенция коммуникативной концепции права как модифицированного варианта теории разделения права и закона и некоторых других идей, характеризующих широкое правопонимание [7, с.116].

В частности, разделяя взгляд В.С. Нерсесянца и других сторонников широкого правопонимания на существование правового и неправового закона, А.В. Поляков расходится с ними в выборе критериев такого деления. «Научный критерий для теоретического различения правового и неправового закона, — пишет он, — может быть только один: наличие или отсутствие субъектов, чье пользование своими основанными на законе правами и обязанностями носит социально-оправданный характер (т. е. наличие или отсутствие социальной легитимации у данного закона» [3, с. 334].

Однако чем этот критерий лучше других? Кто, как и когда на основе данного критерия сможет ответить на поставленный вопрос? Куда и к кому, к какому государственному или общественному органу, должностному лицу, юридическому источнику права следует обращаться в каждом конкретном случае реализации права за разъяснениями относительно того, правовой или неправовой тот или иной закон и потому исполнять его или нет, или, может, ответ на этот вопрос передается на субъективное усмотрение самих участников общественных отношений [7, с. 117]?

Противопоставление права закону приводит приверженцев подобных взглядов к выводу о том, что видеть в праве систему общеобязательных государственных норм, считать правовыми лишь те правила поведения, которые изданы или санкционированы государством, — значит лишать право самостоятельной ценности и роли, сводить его к какому-то придатку государства.

Думается, что такой подход к пониманию права таит в себе серьезную социальную опасность, поскольку он создает предпосылки дестабилизации процесса правового регулирования общественных отношений.

Как бы к праву в юридическом смысле ни относились, суть его заключается в том, что это — социальный регулятор, который отличается от других существующих регуляторов общественных отношений тем, что представляет собой систему правил поведения, внешне оформленных государством и им патронированных.

Императив «общеобязательности позитивного (писаного) права», вопреки мнению тех, кто противопоставляет право и закон, не является проявлением рабской психологии. Без выполнения данного императива не может существовать никакое современное общество.

Позитивное право через установленные государством правила поведения регулирует отношения между людьми в конкретном обществе осязаемо, зримо. Принудительный характер этой регулятивной функции проявляется в общественном реагировании через созданные данным обществом институты принуждения. Писаное (позитивное) право как созданный конкретным обществом государственный регулятор общественных отношений — это и есть реальное право, поскольку только таким образом «идеальное» право (пусть в ряде случаев в искаженном до неузнаваемости виде) может проявиться в человеческом обществе. Позитивное право (как регулятор общественных отношений) является всегда в конкретном обществе на конкретном этапе его исторического развития проявлением комплекса социальных реалий: исторических особенностей и уровня развития данного общества, уровня экономики, уровня самооценки и самосознания, уровня правосознания общества (а не отдельных выдающихся его представителей), уровня и качества отношений с внешними социальными образованиями, природных условий существования и т. д., оно выступает не только и не столько материализованным результатом осознания обществом закономерных потребностей своего существования, сколько результатом искажения данных закономерных потребностей, результатом искажения, произошедшего из-за всей совокупности разнообразных жизненных факторов, о которых только что говорилось.

В конечном итоге «качество» писаного (позитивного) права зависит от силы общества и будет во все времена «колебаться по принципу маятника» в зависимости от силы общества либо в сторону приближения к требованиям «идеального» права, либо в обратную сторону — удаляясь от объективных закономерностей существования общества, подводя последнее к неминуемому краху.

Позитивное право есть такое, какое оно есть, и его качество соответствует всей совокупности исторически сложившихся реалий данного общества на момент его существования. Общество может по мере своего развития эволюционным путем «поднимать» позитивное право к «идеальному». Для этого необходимо, чтобы в данном обществе имелись достаточные (и не только экономические) условия для проявления свободы как осознанной необходимости. Но как только достигается уровень критической диспропорции между позитивным правом и исторически обусловленными реалиями (объективными закономерностями), общество лишается права на существование в том виде, в котором оно зашло за «роковую» черту.

При всем разнообразии форм, в которых право проявляется в жизни общества, ценностная сущность права заключается в регулировании поведения людей через посредство определения норм — общеобязательных правил такого поведения. Моральные принципы, утвердившиеся в обществе, уровень правосознания общества, реальные условия существования общества могут свидетельствовать лишь о том, что право как система юридически закрепленных, общеобязательных правил поведения в той или иной мере не соответствует закономерностям существования данного общества, не более того. Чем ощутимее право в обществе не соответствует закономерностям его существования, тем больше на это право оказывается воздействие со стороны общества (как в виде тайного сопротивления злу насилием, т. е. невыполне-

ния правовых норм, так и в виде открытого сопротивления — стремления к изменению права как допустимыми для данного общества методами и средствами, так и запрещенными).

Таким образом, характеристика права как свободы, равенства и справедливости в нашем понимании [8, с. 13–45] исключает возможность существования современного общества без права (в отличие от позиции сторонников либертарной концепции), но предоставляет возможность определить уровень «относительного бесправия» общества, т. е. степень соответствия права в данном конкретном обществе на данном конкретном этапе его исторического развития тому уровню закономерных потребностей в регулировании общественных отношений, в котором данное общество нуждается. В этом смысле рассуждений (согласно которым самое качественное позитивное право никогда не сможет быть идентичным абсолютному правовому идеалу, т. е. уровню регулирования общественных отношений, обоснованному закономерностями существования конкретного общества и идеально ему подходящему) любое человеческое общество было, есть и будет «относительно бесправным». Вопрос заключается лишь в оценке степени этого «относительного бесправия» данного общества.

Таким образом, общетеоретическая проблема правопонимания имеет явную прагматическую направленность, поскольку дает возможность осознать пути эволюционного развития такого механизма регулирования общественных отношений, как право, а это, в свою очередь, напрямую связано с проблемами государственного устройства, теоретико-правовое осмысление которых существенно снижает риски социальных катаклизмов, проявляющихся в последнее время в мире с пугающей регулярностью.

Список литературы:

1. Байтин, М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. — Саратов: Изд-во СГАП, 2001. — 416 с.
2. Нерсесянц, В.С. Философия права : учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. — М.: Норма, 1997. — 652 с.
3. Поляков, А.В. Общая теория права : курс лекций / А.В. Поляков. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. — 642 с.
4. Нерсесянц, В.С. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право. — 1983. — № 10. — С. 26–35.
5. Нерсесянц, В.С. Право и закон. Из истории правовых учений / В.С. Нерсесянц. — М.: Наука, 1983. — 366 с.
6. Нерсесянц, В.С. Право — математика свободы. Опыт прошлого и перспективы / В.С. Нерсесянц. — М.: Юрист, 1996. — 160 с.
7. Байтин, М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). — 2-е изд., доп. / М.И. Байтин. — М.: Издательский дом «Право и государство», 2005. — 544 с.
8. Аверин, А.В. Истина и судебная достоверность (Постановка проблемы). — 2-е изд., доп. / А.В. Аверин. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. — 464 с.

References:

1. Bajtin, M.I. Sushhnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov) / M.I. Bajtin. — Saratov : SGAP, 2001. — 416 s.
-

2. Nersesjanc, V.S. Filosofija prava : uchebnik dlja vuzov / V.S. Nersesjanc. — M.: Norma, 1997. — 652 c.
3. Poljakov, A.V. Obshhaja teorija prava : kurs lekcij / A.V. Poljakov. — SPb.: Izd-vo «Juridicheskij centr Press», 2001. — 642 s.
4. Nersesjanc, V.S. Pravo: mnogoobrazie opredelenij i edinstvo ponjatija // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1983. — № 10. — S. 26–35.
5. Nersesjanc, V.S. Pravo i zakon. Iz istorii pravovyh uchenij / V.S. Nersesjanc. — M.: «Nauka», 1983. — 366 s.
6. Nersesjanc, V.S. Pravo — matematika svobody. Opyt proshlogo i perspektivy / V.S. Nersesjanc. — M.: Jurist', 1996. — 160 s.
7. Bajtin, M.I. Sushhnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov) : 2-e izd., dop. / M.I. Bajtin. — M.: : Izdatel'skij dom «Pravo i gosudarstvo», 2005. — 544 s.
8. Averin, A.V. Istina i sudebnaja dostovernost' (Postanovka problemy) : 2-e izd., dop. / A.V. Averin. — SPb.: Izdatel'stvo R.Asanova «Juridicheskij centr Press», 2007. — 464 s.

А.М. Наумов,
кандидат юридических наук,
зав. кафедрой уголовно-правовых
дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС при
Президенте РФ

A.M. Naumov,
Candidate of Law,
Vladimir branch of the Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Naumov@vfrags.ru

Взгляды дореволюционных российских исследователей на уголовное преследование

Аннотация: устав уголовного судопроизводства 1864 г. ввел в законодательство понятие «уголовное преследование», не дав ему при этом никакого определения. Наиболее близкие к уголовному преследованию понятия, используемые в Уставе уголовного судопроизводства, это «судебное преследование» и «обвинение». В данной статье анализируются взгляды наиболее ярких представителей Московской научной школы (доцента С.И. Викторского) и Санкт-Петербургской научной школы (профессора И.Я. Фойницкого) на понятие уголовного преследования.

Ключевые слова: уголовное преследование, судебное преследование, обвинение, Устав уголовного судопроизводства 1864 г., уголовный иск, гражданский иск.

Views of Russian pre-revolutionary lawyers for the criminal investigation

Summary: the charter of criminal legal proceedings of 1864 entered the concept «criminal prosecution» into the legislation, without giving it thus any definition. The concepts, closest to criminal prosecution used in the Charter of criminal legal proceedings it is «prosecution» and «charge». In this article views of the brightest representatives of the Moscow school of sciences (associate professor S. I. Viktorsky) and the St. Petersburg school of sciences (professor I.Ya. Foynitsky) of concept of criminal prosecution are analyzed.

Key words: criminal investigation, trial investigation, accusation, Criminal Procedure Code 1864 year, criminal claim, civil claim.

Из дореволюционных авторов, занимавшихся проблемами уголовного преследования, выделяют обычно представителя московской научной школы, доцента Московского государственного университе-

та С.И. Викторского [1, с. 448] и представителя питерской научной школы, профессора Санкт-Петербургского государственного университета, сенатора И.Я. Фойницкого.

С.И. Викторский, сравнивая гражданский и уголовный процесс, указывал, что в основе гражданского процесса лежит *частный интерес*, а в основе уголовного — *публичный интерес* [1, с. 14].

Что касается понятия уголовного преследования, то логика автора следующая. «Преступление прежде всего затрагивает публичные интересы, что и вызывает необходимость борьбы с ним со стороны государства; другим последствием преступления является нарушение материальное, т. е. от преступления страдает также и само право или благо, принадлежащее кому-либо, чей-либо интерес. Отсюда, во-первых, уголовное преследование — в смысле полномочие государства требовать расследования дела судебным порядком и наказания виновного и, во-вторых, гражданский иск, сводящийся к требованию лиц потерпевших восстановить нарушение материальное или вознаградить за него» [1, с. 233].

Продолжая свои рассуждения, автор отмечает, что цель уголовного преследования или уголовного иска — применение наказания, и вследствие того, что наказание по основному закону материального уголовного права должно постигать только виновника, а не кого-либо другого, например, его наследника (вывод из целей наказания), уголовное преследование может быть начато исключительно против совершившего преступление, тогда как гражданский иск, вытекающий из преступного деяния, может быть перенесен и на третьих лиц [1, с. 233].

В качестве «необходимых условий для уголовного иска» (читай — уголовного преследования) автор определяет: а) наличие состава преступления (по крайней мере, внешнего состава); б) наличие преступника (иначе — приостановка или даже прекращение уголовного преследования) и в) наличие права наказания, т. е. отсутствие таких обстоятельств, как помилование, давность и т. п. Если нет одного из этих условий, то нет и места для уголовного преследования [1, с. 233].

Автор считает, что «уголовное преследование может быть названо и обвинением» [1, с. 234].

«Уголовное преследование равняется не только возбуждению преследования, но и обличению обвиняемых на суде. Последнее предполагается уже самым предъявлением уголовного иска. Отсюда, как правило: право первоначального преследования и право обличения сосредоточиваются в руках одних и тех же лиц. Такое соединение прав проводится и у нас в мировых судах... что же касается Общих судов, то в них, за исключением дел, могущих кончиться примирением, обличение обвиняемых возлагается исключительно на прокуроров и их товарищей, которые являются обличителями и в тех случаях, когда возбуждение преследования мыслимо не иначе, как вследствие жалобы потерпевшего» [1, с. 235].

По мнению автора, возбуждение уголовного преследования — это такой акт в процессе, которым доводится до сведения судебной власти о совершении преступного факта, указывается вероятный виновник сего деяния и

предъявляется требование расследовать дело. Таким образом, возбуждение уголовного преследования, с одной стороны, не сливается с началом предварительного следствия; с другой стороны, возбуждение уголовного преследования не равносильно и простому заявлению о совершении преступления.

Кто обладает правом возбуждения уголовного преследования? Во-первых, потерпевшие, во-вторых, полиция, должностные лица и присутственные места, в-третьих, прокуратура, в-четвертых, суд [1, с. 235].

«Возбуждение уголовного преследования влечет за собой несколько последствий: 1) против обвиняемых могут быть приняты разные принудительные меры; 2) для обвинителя наступает возможность ответственности; 3) для уголовного процесса — или повод начать следствие, или само начало последнего, или наконец, повод назначить заседание» [1, с. 241–242].

Взгляды И.Я. Фойницкого на уголовное преследование изложены в томе 2 его капитального труда «Уголовное судопроизводство», в главе «Обвинение» [2, с. 3–59]. В отличие от С.И. Викторского, И.Я. Фойницкий не дает определения понятию уголовного преследования, описывая многие существенные моменты, относящиеся к уголовному преследованию.

С.И. Викторский в своей работе прямо указывает, что уголовное преследование и есть обвинение. И.Я. Фойницкий этого прямо нигде не говорит, но из логики изложения материала видно, что автор считает эти понятия близкими по смыслу. По его мнению, «понятию иска в гражданском процессе соответствует понятие обвинения в процессе уголовном. Под ним разумеется требование судебного признания принадлежащего государству права наказания в данном случае. Активному субъекту его усвоен термин обвинителя, а пассивному — обвиняемого или подсудимого» [2, с. 3].

«Обвинение, следовательно, есть тот же иск, но не частный и материальный, а публичный и индивидуальный» [2, с. 4].

Кроме различий по содержанию автор выделяет следующие характерные черты обвинения, отличающие его по форме от гражданского иска:

1) расчленение обвинения на первоначальное и окончательное, или, по выражению нашего законодательства, на возбуждение судебного преследования и обличение обвиняемых перед судом;

2) сближение деятельности по первоначальному обвинению с деятельностью по пресечению преступлений... Обвинение, начиная судебное производство, заканчивает производство по пресечению преступлений, последний акт которого оно составляет;

3) обеспечение для обвинения государственной помощи и подчинение обвинения государственному контролю, открывающее суду доступ к участию в исследовании дела и даже в обвинительной деятельности [2, с. 9].

Автор отмечает, что «право обвинения принадлежит государству, но из этого господствующего доньше начала сохранились изъятия, остатки частного начала, в силу которых обвинительная деятельность сосредоточивается в руках отдельных лиц как их частное право, без всякого в том участия государства. Отсюда деление обвинения на публичное и частное, в свою очередь создающее деление уголовных дел на дела публичного обвинения и дела частного обвинения» [2, с. 12].

И.Я. Фойницкий пишет: «Возбуждение уголовного преследования, по смыслу действующего законодательства, складывается из двух процессуальных актов — предъявления обвинения и принятия его судом» [2, с. 10]. Он также указывает, что «под возбуждением уголовного преследования должно быть понимаемо обязательное для уголовного суда, которому оно обращается, требование о судебном-уголовном исследовании и разрешении данного дела» [2, с. 13].

Автор выделяет *субъекты осуществления уголовного преследования*: 1) прокуратура; 2) заменяющие ее в мировом и административно-судебном порядке полиция и иные административные власти; 3) административные и казенные установления по некоторым делам, где требование их об уголовно-судебном производстве обязательно для судебной власти как в мировом, так и в общем порядке; 4) частные лица, потерпевшие от преступления; 5) органы судебной власти [2, с. 13].

Условия обвинения. Каждое обвинение должно удовлетворять определенным условиям, к которым прежде всего принадлежит субъект обвинения. Прочие условия частью суть общие (фактические и юридические), ко всем уголовным делам относящиеся, частью особенные, для некоторых групп дел.

Содержание обвинения. Обвинение как требование, о судебном признании которого ходатайствует обвинитель, имеет то же содержание, что и судебный приговор по делу; оно есть как бы проект судебного приговора, предлагаемый обвинителем и устанавливающий для суда известные границы.

Составные части каждого обвинения суть: 1) указание лица, обвиняемого в преступном деянии; при неизвестности его полиция (ст. 47 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.) или судебный следователь (ст. 276 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.) обязаны принять меры к его розысканию; 2) указание преступного деяния, учиненного обвиняемым; 3) указание доказательств, подтверждающих обвинение; 4) означение имени самого обвинителя [2, с. 46].

Автор различает последствия возбуждения уголовного преследования для лица, возбудившего преследование, и для лица, против которого возбуждено уголовное преследование.

Взгляды С.И. Викторского и И.Я. Фойницкого по вопросам приостановления и прекращения уголовного преследования в целом совпадают и базируются на нормах Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

Список литературы:

1. Викторский, С.И. Русский уголовный процесс : учебное пособие / С.И. Викторский. — М. : Юридическое бюро «Городец», 1997. — 448 с.
2. Фойницкий, И.Я. Уголовное судопроизводство : в 2 т. / И.Я. Фойницкий. — М.: Альфа, 1996. — Т. 1. — 607 с.; Т. 2. — 607 с.

References:

1. Viktoriskij, S.I. Russkij ugodovnyj process : echebnoe posobie / S.I. Viktoriskij. — М. : Juridicheskoe bjuro «Gorodec», 1997. — 448 s.
2. Fojnickij, I.Ja. Ugodovnoe sudoproizvodstvo : v 2 t. / I.Ja. Fojnickij. — М.: Al'fa, 1996.— Т. 1. — 607 s.; Т. 2. — 607 s.

А.А. Ашин,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой правового
обеспечения государственного и
муниципального управления,
Владимирский филиал РАНХиРС
при Президенте РФ

A.A. Ashin,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of a chair of Legal support of state
and municipal management
Vladimir branch of The Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
andrey09122004@mai.ru

Формальное основание применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью роли института условно-досрочного освобождения. На сегодняшний день уголовно-исполнительная система Российской Федерации остается объектом постоянного внимания специалистов различных сфер научной деятельности, средств массовой информации, отечественных и зарубежных специалистов, деятельность которых тесно связана с процессом исполнения наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Федеральной службы исполнения наказаний на территории России. В настоящее время приоритетным направлением уголовно-исполнительной системы является гуманизация наказания и системы его исполнения. Это связано с тем, что сейчас более приоритетны наказания, не связанные с лишением свободы. Применение условно-досрочного освобождения является важнейшим фактором реализации принципа гуманизма, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания. Цель статьи состоит в анализе формального основания как определенной части срока наказания, по отбытии которой осужденному предоставляется условно-досрочное освобождение. Автор приходит к выводу, что институт условно-досрочного освобождения продолжает совершенствоваться. Целесообразность данного института выражается в том, что цели наказания, применяемые к осужденному, достигнуты, и он не нуждается в дальнейшем его отбывании, а эффективность заключается в том, что это менее затратный способ исправления, чем длительная изоляция.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, формальное основание, предоставление условно-досрочного освобождения.

Formal grounds of conditional early relief's from punishment application

Abstract: topicality of the article bases on the importance of the role of the institution of conditional early relief. Nowadays, the correctional system of the Russian Federation is a subject of constant attention of specialists in various fields of scientific activity, media, domestic and foreign experts, whose activity is closely related to the execution of punishment in the penal system of the Federal Penitentiary Service of Russian Federation. Currently, the humanization of punishment and the system its execution is the priority of the correctional system. This is due to the fact that non-imprisonment punishments are in priority. Application of conditional early relief is the most important factor in the realization of such principles as humanism, differentiation and individualization of punishment. The goal of the article is to analyze the formal grounds as a certain part of the term of serving punishment, upon completion of which the convicted person is given C.E.R. The author concludes that the institution of C.E.R. continues to improve. The goals of its improvement are expediency and effectiveness. The Institute is expedient because the goals of punishment are achieved and the convicted does not need to serve punishment in the future. This institute is efficient because it is less expensive way of correction than long isolation.

Keywords: conditional early relief from punishment, formal grounds, provision of conditional early relief.

На сегодняшний день уголовно-исполнительная система Российской Федерации остается объектом постоянного внимания специалистов различных сфер научной деятельности, средств массовой инфор-

мации, отечественных и зарубежных специалистов, деятельность которых тесно связана с процессом исполнения наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) на территории России.

По состоянию на 1 июля 2014 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 675 тыс. человек, в том числе:

1) в 729 исправительных колониях отбывало наказание 556,1 тыс. человек:
— в 130 колониях-поселениях — 39,8 тыс. человек;
— в 6 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы — 1871 человек;

2) в 219 следственных изоляторах и 108 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях, содержалось — 115,5 тыс. человек:

— в 8 тюрьмах — 1451 тыс. человек;
— в 41 воспитательной колонии для несовершеннолетних — 1,8 тыс. человек [1].

Важная роль в уголовной и уголовно-исполнительной сфере принадлежит институту условно-досрочного освобождения (УДО) как важнейшего фактора реализации принципа гуманизма, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания. Данный институт представляет собой освобождение от отбывания наказания осужденного до истечения указанного в судебном решении срока при достижении целей наказания.

В теории права выделяют материальное и формальное основание освобождения осужденного [2, 3, 4 и др.]. Остановимся на формальном основании более подробно.

Под формальным основанием УДО понимается определенная часть срока наказания, по отбытию которой осужденному предоставляется УДО. Поэтому свое отношение к режиму и труду осужденный должен показывать в течение определенного времени, что дает возможность убедиться в правильности и обоснованности выбранного решения. В Уголовном кодексе РФ оно закрепляется следующим образом:

«а) не менее 1/3 срока наказания, назначенного за преступление небольшой или средней тяжести;

б) не менее 1/2 срока наказания, назначенного за тяжкое преступление;

в) не менее 2/3 срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление, а также 2/3 срока наказания, назначенного лицу, ранее условно-досрочно освобождавшемуся, если УДО было отменено по основаниям, предусмотренным ч. 7 ст. 79 УК РФ;

г) не менее 3/4 срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а равно за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также за преступления, предусмотренные статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5 и 210 УК РФ;

д) не менее 4/5 срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста».

Так, «Л., осужденному по ч. 2 ст. 162 УК РФ к лишению свободы на 5 лет, Киржачским районным судом 30 марта 2007 г. было отказано в УДО от отбывания наказания по тем основаниям, что такое право у него возникает по отбытии половины срока назначенного ему наказания, который наступает только 1 июня 2007 г.» [5, с. 66].

Что же касается несовершеннолетних осужденных, то сроки обязательного минимума наказания снижены по сравнению со сроками совершеннолетних осужденных и составляют:

«а) не менее 1/3 срока наказания, назначенного судом за преступление небольшой или средней тяжести либо за тяжкое преступление;

в) не менее 2/3 срока наказания, назначенного судом за особо тяжкое преступление» (ст. 93 УК РФ).

Многие осужденные право на УДО используют. Общий объем производства в рамках обозначенного института достигает 1 млн в год [6, с. 18]. Исходя из опроса осужденных наибольшую ценность в условиях лишения свободы представляет поддержание связей с семьей и близкими родственниками — 36,8 %, УДО — 29,7; материально-бытовые условия в исправительном учреждении — 21,2; приобретение специальности — 5,3; получение образования — 3,9; тюремные традиции и обычаи — 2,1 % [7, с. 36].

Как показывает обзор судебной практики УДО от отбывания наказания, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 29 апреля 2014 г., выявлены единичные нарушения судами положения данной нормы, которые были устранены в апелляционном порядке. Для примера, «апелляционным определением Иркутского областного суда от 7 июня 2013 г. отменено постановление Ангарского городского суда от 23 января 2013 г. в отношении З., т. к. при отказе в удовлетворении ходатайства об УДО суд первой инстанции сослался на то, что З., осужденный за тяжкое преступление, не отбыл предусмотренную п. “б” ч. 3 ст. 79 УК РФ 1/2 срока. При этом суд не учел, что преступление З. совершено в несовершеннолетнем возрасте, а потому согласно п. “а” ст. 93 УК РФ УДО возможно после отбытия 1/3 срока наказания» [8, с. 4].

Таким образом, уголовный закон устанавливает минимальные сроки наказания, подлежащие отбытию осужденным и дающие право на УДО. Иными словами, минимальный срок отбывания наказания служит скорее юридическим фактом, порождающим право на предоставление лицу права на УДО, нежели отрезком времени, позволяющим сделать вывод об исправлении лица [9, с. 18].

Так, «Постановлением Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области от 4 июля 2013 г. отказано в удовлетворении ходатайства об УДО А., осужденного по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 12 годам лишения свободы. Хотя А. и отбыл предусмотренную п. “в” ч. 3 ст. 79 УК РФ часть срока лишения свободы, однако, как установил суд, для своего исправления А. нуждается в дальнейшем отбывании наказания, поскольку администрацией исправительной колонии характеризуется отрицательно, за допущенные нарушения режима содержания 32 раза подвергался взысканиям, из которых 4 раза водворялся в ШИЗО, поощрений не имеет, не трудоустроен и желая работать не изъявляет» [10, с. 7].

Следует обратить внимание на то, что на сегодняшний день не существует ограничений в применении УДО, т. е. практически все категории осужденных могут обратиться в суд с ходатайством об УДО, в том числе и осужденные к пожизненному лишению свободы.

Необходимо отметить, что осужденному с момента его прибытия в место отбывания наказания администрация учреждения разъясняет нормы, установленные ст. 79 УК РФ, а также ст. 175 УИК РФ. Сотрудники колонии, проводящие индивидуально-воспитательную работу, должны в обязательном порядке информировать осужденных о возможности применения к ним УДО.

В соответствии с ч. 3 ст. 396 УПК РФ вопросы об УДО от отбывания наказания разрешаются судом по месту нахождения учреждения, исполняющего наказание, в котором осужденный отбывает наказание в соответствии со ст. 81 УИК РФ, либо по месту применения принудительных мер медицинского характера.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что в соответствии с ч. 1 ст. 175 УИК РФ осужденный, а также его адвокат (законный представитель) вправе обратиться в суд с ходатайством об УДО от отбывания наказания. «В ходатайстве должны содержаться сведения, свидетельствующие о том, что для дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, поскольку в период отбывания наказания он возместил вред (полностью или частично), причиненный преступлением, раскаялся в совершенном деянии, а также могут содержаться иные сведения, свидетельствующие об исправлении осужденного».

В соответствии с «Обобщением судебной практики по рассмотрению материалов об УДО за 2012 г. и первое полугодие 2013 г.» в подавляющем большинстве случаев с ходатайством о применении УДО обращались осужденные. Между тем имелись случаи обращения с указанным ходатайством адвокатов, в интересах осужденных, а также случаи обращения с ходатайством о применении УДО адвоката и осужденного [10].

Администрация учреждения, исполняющего наказание, в котором осужденный отбывает наказание в соответствии со ст. 81 УИК, не позднее чем через 15 дней после подачи ходатайства осужденного об УДО от отбывания наказания направляет в суд указанное ходатайство вместе с характеристикой на осужденного.

Хотя на практике бывают случаи, когда суд удовлетворяет ходатайство осужденного при отсутствии характеристики администрации исправительного учреждения. К примеру, «Ленинским районным судом г. Владимира от 3 мая 2011 г. условно-досрочно освобожден от отбывания наказания Б. с неотбытым сроком 1 год 8 месяцев, однако в материалах отсутствует характеристика из исправительного учреждения, решение судом принято на основании представленных постановлений о 4 поощрениях осужденного и выступления в судебном заседании представителя учреждения» [11].

По нашему мнению, характеристика имеет очень важное значение, т. к. в ней содержится информация о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию, о возмещении причиненного преступлением вреда, а также заключение администрации о целесообразности

УДО. Таким образом, важно чтобы суд при удовлетворении ходатайства об УДО уделял внимание характеристике.

В качестве положительного момента следует отметить, что в соответствии с рекомендациями п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике УДО от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (в ред. от 9 февраля 2012 г.) в целях воспитательного воздействия на других осужденных большинство материалов дел рассматривается судами области «с выездом в учреждения, исполняющие наказание» [12].

В случае отказа суда в УДО от отбывания наказания повторное внесение в суд соответствующего ходатайства может иметь место не ранее чем через 6 месяцев со дня вынесения постановления суда об отказе. А для осужденного к пожизненному лишению свободы — не ранее чем через 3 года.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем: формальное основание УДО представляет собой обязанность осужденного отбыть установленную в законе определенную часть срока наказания. В течение данного периода времени он должен показать себя с положительной стороны, т. е. не нарушать и соответственно соблюдать режим исправительного учреждения. С момента прибытия в исправительное учреждение осужденному разъясняются нормы, представленные в ст. 79 УК РФ и ст. 175 УИК РФ. Подать ходатайство об УДО может как сам осужденный, так и его адвокат (законный представитель).

Осужденный, как правило, обращается через администрацию учреждения уголовно-исполнительной системы, а администрация обязана не позднее чем в 15-дневный срок после подачи ходатайства направить его в суд вместе с характеристикой. Целесообразность применения УДО определяет суд.

На сегодняшний день институт УДО продолжает совершенствоваться. Целесообразность данного института выражается в том, что цели наказания, применяемые к осужденному, достигнуты, и он не нуждается в дальнейшем его отбывании, а эффективность заключается в том, что это менее затратный способ исправления, чем длительная изоляция.

Список литературы:

1. ФСИН России : официальный сайт. URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20nar-ka%20UIS/> (дата обращения: 29.07.2014).
2. Авдеев, В.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания / В.А. Авдеев. — Иркутск : Оперативная типография «На Чехова», 2012. — 157 с.
3. Бабаян, С.Л. Формальное основание применения поощрительного института условно-досрочного освобождения // Уголовно-исполнительное право. — 2012. — № 2. — С. 85–89.
4. Василенко-Захарова, О.В. Формальные основания применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Пробелы в российском законодательстве. — 2012. — № 5. — С. 155–157.
5. Сборник нормативных правовых актов и методических рекомендаций, регламентирующих деятельность начальников отрядов (воспитателей) отделов по воспитательной работе с осужденными. Вып. 3 // Управление ФСИН по Владимирской области. — Владимир, 2009.
6. Колоколов, Н.А. Условно-досрочное освобождение: условия применения и основания отказа // Уголовный процесс. — 2012. — № 1. — С. 18–22.

7. Бабаян, С.Л. Некоторые вопросы применения межотраслевого поощрительного института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Человек: преступление и наказание. — 2012. — № 3. — С. 35–39.

8. Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsrfr.ru/search.php?searchf=%F3%F1%EB%EE%E2%ED%EE+%E4%EE%F1%F0%EE%F7%ED%EE%E5+2014> (дата обращения: 31.07.2014).

9. Шелестюков, В.Н. О допустимых пределах гуманизации уголовного законодательства в отношении условно-досрочного освобождения // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2010. — № 1. — С. 17–20.

10. URL: http://sudogodsky.wld.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=43 (дата обращения: 01.08.2014).

11. Справка по итогам обобщения судебной практики по применению условно-досрочного освобождения от наказания по материалам, рассмотренным судами за 9 месяцев 2011 г. С. 30 [Электронный ресурс] // Управление судебного департамента по Владимирской области : сайт. URL: <http://usd.wld.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.05.2013).

12. СПС «КонсультантПлюс».

References:

1. FSIN Rossii : oficial'nyj sajt. URL: <http://fsin.rf/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (data obrashhenija: 29.07.2014).

2. Avdeev, V.A. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvanija nakazanija : monografija / V.A. Avdeev. — Irkutsk : Operativnaja tipografija «Na Chehova», 2012. — 157 s.

3. Babajan, S.L. Formal'noe osnovanie primenenija pooshhritel'nogo instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdenija // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. — 2012. — № 2. — S. 85–89.

4. Vasilenko-Zaharova O.V. Formal'nye osnovanija primenenija uslovno-dosrochnogo osvobozhdenija ot otbyvanija nakazanija // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. — 2012. — № 5. — S. 155–157.

5. Sbornik normativnyh pravovyh aktov i metodicheskikh rekomendacij, reglamentirujushih dejatel'nost' nachal'nikov otrjadov (vospitatelej) otделov po vospitatel'noj rabote s osuzhdennymi. Vyp. 3 // Upravlenie FSIN po Vladimirskoj oblasti. — Vladimir, 2009.

6. Kolokolov, N.A. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie: uslovija primenenija i osnovanija otkaza // Ugolovnyj process. — 2012. — № 1. — S. 18–22.

7. Babajan, S.L. Nekotorye voprosy primenenija mezhotraslevogo pooshhritel'nogo instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdenija ot otbyvanija nakazanija // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. — 2012. — № 3. — S. 35–39.

8. Obzor sudebnoj praktiki uslovno-dosrochnogo osvobozhdenija ot otbyvanija nakazanija : utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 29 aprelja 2014 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.vsrfr.ru/search.php?searchf=%F3%F1%EB%EE%E2%ED%EE+%E4%EE%F1%F0%EE%F7%ED%EE%E5+2014> (data obrashhenija: 31.07.2014).

9. Shelestjukov, V.N. O dopustimyh predelah gumanizacii ugolovnogo zakonodatel'stva v otnoshenii uslovno-dosrochnogo osvobozhdenija // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. — 2010. — № 1. — S. 17–20.

10. URL: http://sudogodsky.wld.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=43 (data obrashhenija: 01.08.2014).

11. Справка по итогам обобщения судебной практики по применению условно-досрочного освобождения от наказания по материалам, рассмотренным судами за 9 месяцев 2011 г. С. 30 [Jelektronnyj resurs] // Upravlenie sudebnogo departamenta po Vladimirskoj oblasti : sajt. URL: <http://usd.wld.sudrf.ru/> (data obrashhenija: 01.05.2013).

12. SPS «Konsul'tantPljus».

О.Р. Рузевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой
административно-правовых дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС при
Президенте РФ

O.R. Ruzevich,
candidate of law, Associate Professor,
head of the Department of Administrative
Disciplines
Vladimir branch office Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
olegan80@mail.ru

Понятие способа совершения преступления в уголовном праве России

Аннотация: актуальность статьи обусловлена отсутствием законодательного определения способа совершения преступления и наличием множества дефиниций данной категории в доктрине уголовного права. Цель статьи — проанализировать способ совершения преступления как признак объективной стороны преступления и сформулировать его понятие. Реализация поставленной цели была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Автор, анализируя множество научных позиций, подчеркивает необходимость четкого разграничения способа совершения преступления и самого преступного деяния. В заключение автор дает определение способа совершения преступления как признака его объективной стороны, представляющий собой прием или комплекс приемов, обеспечивающих исполнение основного общественно опасного деяния (действия или бездействия).

Ключевые слова: способ совершения преступления, угроза совершения преступления, объективная сторона преступления, преступное деяние, общественная опасность преступления.

Concept of modus operandi in Russian criminal law

Abstract: The relevance of this article is connected with lack of a legislative definition of the modus operandi and presence of multiple definitions of this category in the doctrine of criminal law. The purpose of the article is to analyze the modus operandi as a sign of objective aspect of the crime and to formulate his definition. Realization of the set objectives was achieved with the help of general scientific (dialectical method, analysis, synthesis) and particular-scientific methods (formal-legal method, comparative method). On the basis of the obtained data the author insists on the importance of distinct delimitation of modus operandi and criminal act. In conclusion, the author gives definition of modus operandi as sign of its objective aspect, which is a method or set of methods, which enforce the main of socially dangerous act (action or inaction).

Keywords: modus operandi, threat of committing offence, objective aspect of the crime, criminal act, social danger of the crime.

В правовой литературе нет единого мнения относительно способа совершения преступления, хотя данный вопрос всегда был в центре внимания ученых. Причем следует заметить, что, по сути, проблема является междисциплинарной: уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистической. В уголовном праве она рассматривается как специально (Л.Л. Кругликов, Н.П. Пономарева, Н.И. Панов, Б.В. Яценко и др.), так и при анализе объективной стороны преступления (Я.М. Брагин, М.И. Ковалев, В.Н. Кудрявцев, А.А. Пионтковский, А.Н. Трайнин и др.).

В уголовно-правовой науке не существует единого мнения относительно существа способа преступления. Способ представлен как: а) определенный образ действий, прием, метод поведения лица во время совершения преступления [1, с. 32]; б) метод конкретной целенаправленной деятельности,

носящей общественно опасный характер [2, с. 60]; в) порядок, метод, последовательность движений и приемов, сопряженных с избирательным использованием средств совершения преступления [3, с. 68].

В юридическом энциклопедическом словаре обращается внимание на форму его выражения. «Под способом совершения преступления следует понимать внешнюю форму, в которой выразилось действие» [4, с. 668].

Таким образом, в уголовном праве рассматриваемый признак преступления воспринимается в качестве образа действия, приема, метода, порядка, последовательности движений и приемов, представляемых в различном сочетании или в их совокупности.

В криминалистике способ совершения преступления рассматривается как «комплекс действий, совершенных в определенном порядке и направленных на достижение преступной цели», или как «система действий или бездействия, избираемая субъектом преступления для достижения преступного результата в соответствии с его личными свойствами и обстановкой совершения преступления».

Названные подходы нельзя признать ошибочными, однако ни один из них, на наш взгляд, не раскрывает сущности способа совершения преступления в полном объеме.

Следует иметь в виду, что лингвистический прием уяснения значения уголовно-правового термина срабатывает не всегда. Так, обращение к этимологии слова «способ» вряд ли может прояснить ситуацию. Согласно толковым словарям, способ — это «действие или система действий, применяемые при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь» [5, с. 746].

Интересно заметить, что слово «метод» в указанных словарях толкуется как «способ действовать, поступать каким-нибудь образом, прием». Его синонимами называются слова «средство», «прием», «путь» и др.

В философском словаре термин «способ» используется при характеристике понятия метода [6, с. 329].

При признании рассматриваемым признаком состава преступления «образа действий, приема, метода поведения лица во время совершения преступления», во-первых, его содержание раскрывается через взаимно пересекающиеся понятия, во-вторых, через термины, содержание которых вообще не имеет отношения к способу. Так, образ действий означает не что иное, как тип, характер поведения; прием — «отдельное действие, движение, способ в осуществлении чего-нибудь». Следовательно, первый термин скорее отражает сущность деяния, второй — ограничивает содержание рассматриваемого признака. Способ — более сложное образование, чем просто прием выполнения какого-либо, даже наиболее важного, действия. В этом случае целесообразнее было бы говорить о совокупности приемов, как это делают, например, А.В. Наумов, С.И. Никулин [7, с. 72] и др. В.А. Номоконов, например, пишет: «Способ — это совокупность приемов, которые использует преступник для совершения преступления» [8, с. 368].

Вряд ли можно характеризовать способ как «порядок, последовательность движений и приемов». Во-первых, одно из значений слова «порядок» — последовательный ход чего-нибудь. Следовательно, используются два понятия, одно

из которых полностью входит во второе, а значит, в предлагаемой дефиниции не несет никакой самостоятельной смысловой нагрузки. Во-вторых, вряд ли можно говорить о способе и в другом значении слова «порядок» — как о правилах, по которым совершается что-нибудь, существующем устройстве, режиме.

По сути, рассматриваемая проблема во многом заключена в определении соотношения двух понятий: деяния и способа его выполнения. В.Н. Кудрявцев, подчеркивая одномоментность их существования, писал: «Способ только тогда способ, когда он сливается с деянием (действием или бездействием)» [9, с. 4–5].

Некоторые ученые, исходя из философских категорий содержания и формы, относят способ к форме деяния.

В философии термин «форма» употребляется, в частности, для обозначения внутренней организации содержания и связан, таким образом, с понятием структуры. Во взаимоотношении содержания и формы первое представляет подвижную, динамичную сторону целого, а второе охватывает систему устойчивых связей предмета.

Основываясь на этом положении, Л.Л. Кругликов и Н.И. Панов критикуют анализируемое направление в определении способа совершения преступления, отмечая, что преступный способ не обладает указанными свойствами [10, с. 189; 11, с. 29–30]. В то же время Н.И. Панов подчеркивает, что «способ необходимо рассматривать не как нечто самостоятельное, отдельно стоящее от действия, а как один из важнейших признаков деяния, выступающий в качестве необходимого условия, приема, обеспечивающего исполнение основного действия, образующего объективную сторону преступления» [11, с. 96].

Представляет интерес подход Л.Л. Кругликова к определению рассматриваемого признака. Он выделяет два вида деяния, один из которых — основной, второй — дополнительный; они объединяются формулой: «Одно деяние — для ради другого деяния» [2, с. 44]. В этом случае способ совершения преступления понимается как деяние вспомогательного характера, являющееся служебным по отношению к основному деянию и состоящее в преднамеренном использовании виновным факторов, облегчающих совершение преступления. Поэтому способ посягательства «мыслим лишь в пределах этого общественно опасного поведения и при том только наряду с другим явлением, составляющим один из основных элементов объективной стороны состава преступления» [2, с. 44].

При отсутствии указанной связи между основным и вспомогательным действием единое (единичное) преступление отсутствует. Пока не установлены данная связь и зависимость первого от последнего, речь может идти о самостоятельных, причем не всегда преступных, деяниях, не образующих единого, обладающего конкретной спецификой посягательства.

Таким образом, по мнению Л. Л. Кругликова, любое преступление состоит из двух или более «простых» образований: преступного деяния, выступающего его определяющим признаком, и способа, играющего значительную роль в криминализации основного деяния, но занимающего по отношению к нему подчиненное положение [2, с. 47, 70].

В структуре преступного посягательства способ указывает на операционное (динамическое) своеобразие его реализации. Внешнее его проявление не всегда одинаково: он либо «скрыт» в способе, входит в его содержание, определяя форму внешнего выражения преступления (например, в побоях, истязании), либо представлен в виде отдельного действия, назначение которого — обеспечение выполнения основного действия, находится с последним в органическом единстве, выступая в качестве операции его реализации (например, угроза в преступлениях против собственности).

Способ сам по себе является общественно опасным, его опасность нередко отлична от опасности, присущей деянию (основному действию), что, например, характерно для преступлений против собственности, совершаемых путем угрозы. Последняя, выступая способом их совершения, отражая специфику данных посягательств, придает деянию особое уголовно-правовое значение.

Рассматриваемый признак преступления, таким образом, характеризует преступное деяние с качественной стороны.

Итак, можно сформулировать следующее понятие способа совершения преступления: это признак его объективной стороны, представляющий собой прием или комплекс приемов, обеспечивающих исполнение основного общественно опасного деяния (действия или бездействия).

Список литературы:

1. Кудрявцев, В.Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Советское государство и право. — 1957. — № 8. — С. 60–69.
2. Кругликов, Л.Л. Способ совершения преступления (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук / Л.Л. Кругликов. — Свердловск, 1971. — 170 с.
3. Панов, Н.И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук / Н.И. Панов. — Харьков, 1987. — 514 с.
4. Юридический энциклопедический словарь / М.О. Буянова [и др.]; отв. ред. М.Н. Марченко. — М.: Проспект, 2006. — 816 с.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М. : Русский язык, 1990. — 921 с.
6. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. — М. : Республика, 2001. — 719 с.
7. Наумов, А.В. Объективная сторона преступления (факультативные признаки) : учеб. пособие / А.В. Наумов, С.И. Никулин. — М.: Юрист, 1995. — 215 с.
8. Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева : в 5 т. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. — Т. 1. — 1133 с.
9. Кудрявцев, В.Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. — М., 1981. — С. 3–8.
10. Кругликов, Л.Л. Использование философских категорий «содержание» и «форма» в процессе анализа «способ совершения преступления» // Сборник аспирант. работ. — Свердловск, 1970. — Вып. 12. — С. 194–199.
11. Панов, Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность / Н.И. Панов. — Харьков : Вища школа, 1982. — 161 с.

References:

1. Kudrjavcev, V.N. Sposob sovershenija prestuplenija i ego ugotovno-pravovoe znachenie // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1957. — № 8. — S. 60–69.

2. Kruglikov, L.L. Sposob sovershenija prestuplenija (voprosy teorii) : dis. ... kand. jurid. nauk / L.L. Kruglikov. — Sverdlovsk, 1971. — 170 s.
3. Panov, N.I. Osnovnye problemy sposoba sovershenija prestuplenija v sovetskom ugovnom prave: dis. ... d-ra jurid. nauk / N.I. Panov. — Har'kov, 1987. — 514 s.
4. Juridicheskij jenciklopedicheskij slovar' / M.O. Bujanova [i dr.]; otv. red. M.N. Marchenko. — M.: Prospekt, 2006. — 816 s.
5. Ozhegov, S.I. Tolkovij slovar' russkogo jazyka / S.I. Ozhegov, N.Ju. Shvedova. — M.: Russkij jazyk, 1990. — 921 s.
6. Filosofskij slovar' / pod red. I.T. Frolova. — M.: Respublika, 2001. — 719 s.
7. Naumov, A.V. Ob#ektivnaja storona prestuplenija (fakul'tativnye priznaki : ucheb. posobie / A.V. Naumov, S.I. Nikulin. — M.: Jurist, 1995. — 215 s.
8. Polnyj kurs ugovnogo prava / pod red. A. I. Korobeeva : v 5 t. — SPb.: Izdatel'stvo R.Aslanova «Juridicheskij centr Press», 2008. T. 1. — 1133 s.
9. Kudrjavcev, V.N. Kriminalizacija: optimal'nye modeli // Uголовное право v bor'be s prestupnost'ju. — M., 1981. — S. 3–8.
10. Kruglikov, L.L. Ispol'zovanie filosofskih kategorij «soderzhanie» i «forma» v processe analiza «sposob sovershenija prestuplenija» // Sbornik aspirant. rabot. — Sverdlovsk, 1970. — Vyp. 12. — 170 s.
11. Panov, N.I. Sposob sovershenija prestuplenija i ugovnaja otvetstvennost' / N.I. Panov. — Har'kov : Izdatel'stvo pri Har'kovskom gosudarstvennom universitete ... «Vishha shkola», 1982. — 161 s.

В.М. Жамбровский,
кандидат юридических наук,
зав. кафедрой правового обеспечения
государственной и муниципальной
службы,
Владимирский филиал РАНХиГС при
Президенте РФ

С.Н. Ушаков,
кандидат юридических наук,
зав. кафедрой конституционного и
муниципального права,
Владимирский филиал РАНХиГС при
Президенте РФ

V.M. Zhambrovsky
candidate of law,
Head of the Department of Legal Support
of state and municipal services,
Vladimir branch of the Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
zhvm61@mail.ru

S.N. Ushakov,
candidate of law,
Head of the Department of Constitutional
and Municipal Law,
Vladimir branch of the Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
ushakov13.03.2011@mail.ru

Муниципальные органы охраны общественного порядка в современной России

Аннотация: статья посвящена проблеме обеспечения охраны общественного порядка в муниципальных образованиях современной России. Процесс возложения все новых и новых функций на полицию в конечном итоге может привести к «распылению» сил и средств, отвлечению ее от решения основной задачи. Статус муниципальных органов охраны общественного порядка позволяет рассматривать их в качестве органов социального обслуживания населения, способных оперативно реагировать не только на факты правонарушений, но и на разнообразные обращения с просьбой об оказании квалифицированной помощи гражданам.

Подчеркивается необходимость изменения полномочий органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка.

Ключевые слова: муниципальные органы, охрана общественного порядка, правопорядок, статус муниципальных органов, методы деятельности муниципальных органов охраны общественного порядка.

Protection of the public order by municipal authorities in modern Russia

Abstract: the article is devoted to the protection of public order in the municipalities of modern Russia. Emphasizes the need of correction in authorities of local governments in the field of public order.

The process of giving new functions (especially non-criminal property) to the police, can eventually lead to spending forces and resources, diverting it from the basis of the solution of the problem. Status of municipal public safety allows us to consider them as social service agencies that can quickly respond not only to the facts of the offenses, but also to a variety of citizens requests for the provision.

Keywords: municipalities, public order, law and order, the status of municipal services, provision methods of municipal public order.

Формальное признание того, что органы охраны общественного порядка в муниципалитете есть правоохранительные органы местного самоуправления еще не раскрывает сути деятельности этих органов и, как следствие, не позволяет в полной мере определить их социальную роль.

Социальная роль того или иного органа, учреждения определяется, прежде всего, совокупностью возложенных на них функций, а также степенью включенности в систему общественных связей и отношений, возникающих в процессе реализации этих функций.

Одно из основных предназначений муниципальных органов охраны общественного порядка — непосредственная защита жизни, здоровья, прав и свобод, чести и достоинства людей от противоправных посягательств.

В ряде субъектов ввиду отсутствия специальных органов и учреждений, обладающих достаточными полномочиями, на полицию пытаются возложить и другие функции, непосредственно законодательством не предусмотренные: осуществление контроля за исполнением решений органов местного самоуправления по вопросам, отнесенным законодательством к их ведению; оказание помощи гражданам, пострадавшим в результате несчастных случаев; доставление в морги «бесхозных» трупов; снос незаконно сооруженных гаражей и т. п. [1].

Наделение новыми функциями правоохранительного органа — полиции в конечном итоге может привести к «распылению» сил и средств, отвлечению ее от решения основной задачи: защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан. Увеличение полицейского присутствия в обществе при снижении потенциальных возможностей эффективно выполнять все возложенные на этот правоохранительный орган функции неминуемо приводит к его дискредитации.

Статус муниципальных органов охраны общественного порядка позволяет рассматривать их в качестве органов социальной направленности, способных быстро реагировать не только на факты противоправных действий, но и на всевозможные обращения граждан, оказавшихся в чрезвычайных ситуациях.

Оценивая социальные возможности муниципальных органов охраны общественного порядка, можно предположить, что наряду с основной

задачей обеспечения правопорядка на эти органы необходимо возложить ряд функций, не связанных с борьбой с преступностью.

В данном контексте речь идет о профилактической работе, в частности, о профилактике и предупреждении асоциального поведения людей, включая меры общей и индивидуальной профилактики, выявление и принятие в пределах установленных полномочий мер по устранению условий, способствующих совершению правонарушений или возникновению угрозы личной и общественной безопасности (например, плохая освещенность улиц, отсутствие замков на дверях в подвальные помещения, открытые колодцы, оборванные провода и т. п.). Для профилактики правонарушений в субъектах Федерации целесообразно создать муниципальные конфликтологические службы, задачей которых будет посредничество между сторонами социальных конфликтов (представительными, исполнительными органами муниципалитета и населением, работодателями и работниками, предпринимателями, общественными организациями и т. п.).

Одной из наиболее эффективных мер правоохранительной направленности можно считать создание пунктов постоянной правовой поддержки на базе общественных приемных, учебных заведений, учреждений социальной защиты населения, муниципальных учреждений, путем привлечения штатных специалистов, юристов и выпускников юридических вузов, проходящих преддипломную практику.

Важнейшими социальными функциями муниципальных органов охраны общественного порядка должны стать защита жизни, здоровья людей, спасение имущества, оказание экстренной помощи лицам, находящимся в беспомощном состоянии. По сути эти органы следует рассматривать в качестве местных сил быстрого реагирования [1].

Для обеспечения личной безопасности жителей муниципального образования необходимо возложить на муниципальные органы охраны общественного порядка (добровольные народные дружины) обязанность осуществлять привод лиц, которые уклоняются от явки по вызову в медицинские учреждения, если данное представление санкционировано судом или судьей.

Перечень услуг, оказываемых населению муниципальными органами охраны общественного порядка, может быть расширен. Объем этих функций зависит от потребностей конкретных муниципальных образований и устанавливается правовыми нормативными актами органов местного самоуправления в соответствии с федеральными законами и законами субъектов. Тем самым предлагаем принять на законодательном уровне субъекта государства закон, регламентирующий работу муниципальных органов правоохранительной направленности и определяющий их административно-правовой статус.

Одним из вариантов обеспечения правопорядка местными органами власти могло бы стать привлечение современного казачества, которое обладает мощным потенциалом не только в южных регионах страны. Этот вариант использовал бы возможности, заложенные в Федеральном законе от 5 декабря 2005 г. «О государственной службе российского казачества» [2]. Постановление правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 93 «О видах государственной или иной службы, к которой привлекаются члены хуторских, станичных, город-

ских, районных (юртовых), окружных (отдельских) и войсковых казачьих обществ» рекомендует «органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления при привлечении членов хуторских, станичных, городских, районных (юртовых), окружных (отдельских) и войсковых казачьих обществ к несению государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации и муниципальной службы руководствоваться настоящим постановлением»[3]. Существует и практический опыт реализации этого варианта: Закон Воронежской области от 24 января 2011 г. № 8-ОЗ «О муниципальных казачьих дружинах в Воронежской области» позволяет местным органам власти использовать казацкие дружины для выполнения правоохранительных функций[4].

Содержание деятельности муниципальных органов охраны общественного порядка определяет формы и методы ее осуществления.

Формы охраны общественного порядка есть внешнее проявление осуществляемой деятельности, которое выражается в практически реализуемых правовых и организационных мерах. Это предопределяет их деление на правовые и организационные формы [5, с. 111].

Правовые формы включают в себя меры, применение которых влечет определенные юридические последствия. Они делятся на нормотворческую и правоприменительную (регулятивную и правоохранительную) формы. К организационным относятся формы выражения применяемых в целях охраны общественного порядка организационных и материально-технических мер [6, с. 222–225].

Поскольку на муниципальном уровне нормотворчество относится прежде всего к компетенции органов местного самоуправления, можно предположить, что деятельность муниципальных органов охраны общественного порядка в большей степени будет осуществляться в правоприменительных и организационных формах. Нормотворчество может иметь место лишь во внутренней деятельности этих органов (например, издание кадровых приказов) [1].

Приемы и способы деятельности выбираются муниципальными органами охраны общественного порядка в зависимости от решаемой задачи. Традиционно методы охраны общественного порядка разделяются на методы убеждения и методы принуждения. Применительно к деятельности муниципальных органов охраны общественного порядка можно выделить: а) методы контроля за соблюдением установленных норм поведения в общественных местах и выявления правонарушений — выставление постов, патрулирование, проведение рейдов, контроль с использованием технических средств и другие; б) профилактические методы — правовое консультирование и правовая пропаганда, информирование соответствующих органов и учреждений о необходимости устранения условий, способствующих совершению правонарушений.

Организация муниципальных органов охраны общественного порядка — новых для страны правоохранительных формирований вызывает необходимость принятия специальных законов, регулирующих их деятельность. Учитывая, что эта деятельность предполагает применение мер принуждения, а также ограничение в случае необходимости некоторых прав и свобод

жителей муниципальных образований, прерогатива установления правовых основ данной функции должна принадлежать федеральному законодательству.

Представляется, что на федеральном уровне следует закрепить основные понятия, принципы, задачи, права, обязанности муниципальных органов охраны общественного порядка, порядок их финансирования и материально-технического обеспечения, механизм контроля и ответственности. В федеральном законе также должны найти отражение общие условия и порядок прохождения службы в этих органах.

Особый административно-правовой статус муниципальных органов охраны общественного порядка позволяет им стать надежным связующим звеном между обществом и полицией. Появится возможность создания условий для реализации стратегии социального партнерства, предполагающей формирование обстановки взаимопонимания, доверия, взаимной поддержки и сотрудничества. Все это будет способствовать росту правовой активности населения.

Список литературы:

1. Кононов, А.М. Теоретические основы организации муниципальных органов охраны общественного порядка в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / А.М. Кононов. — М., 2000. — 364 с. URL: <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/teoreticheskie-osnovy-organizacii-municipalnyh-organov-ohrany-obwestvennogo.html>.

2. О государственной службе российского казачества : федеральный закон РФ от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2005. — № 50, ст. 5245.

3. О видах государственной или иной службы, к которой привлекаются члены хуторских, станичных, городских, районных (юртовых), окружных (отдельских) и войсковых казачьих обществ : постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 93 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2010 г. — № 10, ст. 1081.

4. О муниципальных казачьих дружинах в Воронежской области : закон Воронежской области от 24 января 2011 г. № 8-ОЗ // Собр. законодательства Воронежской области. — 2011. — № 1, ст. 8.

5. Административная деятельность органов внутренних дел : учебник / под ред. Л.Л. Попова. — М. : МВШ МВД СССР, 1987. — 330 с.

6. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть Общая : учебник / под ред. А.П. Коренева. — М.: Щит-М, 1998. — 335 с.

References:

1. Kononov, A.M. Teoreticheskei osnovy organizacii municipal'nyh organov ohrany obshchestvennogo porjadka v Rossijskoj Federacii : dis. ... d-ra jurid. nauk. — M., 2000. — 364 s. URL: <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/teoreticheskie-osnovy-organizacii-municipalnyh-organov-ohrany-obwestvennogo.html>.

2. O gosudarstvennoj sluzhbe rossijskogo kazachestva : federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 5 dekabnja 2005 g. № 154-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2005. — № 50, st. 5245.

3. O vidah gosudarstvennoj ili inoj sluzhby, k kotoroj privlekajutsja chleny hutorskih, staničnih, gorodskih, rajonnyh (jurtovyh), okružnyh (otdel'skih) i vojskovykh kazach'ih obshhestv : postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26 fevralja 2010 g. № 93 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2010. — № 10, st. 1081.

4. O municipal'nyh kazach'ih družinah v Voronezhskoj oblasti : zakon Voronezhskoj oblasti ot 24 janvarja 2011 g. № 8-OZ // Sobr. zakonodatel'stva Voronezhskoj oblasti. — 2011. — № 1, st. 8.

5. Administrativnaja dejatel'nost' organov vnutrennih del : uchebnik / pod red. prof. L.L. Popova. — М. : MVSh MVD SSSR, 1987. — 330 s.

6. Administrativnaja dejatel'nost' organov vnutrennih del. Chast' Obshhaja : uchebnik / pod red. A.P. Koreneva. — М.: Shhit-M, 1998. — 335 s.

Е.А. Лачина,
кандидат юридических наук,
доцент,
Владимирский филиал РАНХиГС при
Президенте РФ

А.А. Лачин,
кандидат юридических наук,
доцент,
Владимирский филиал РАНХиГС при
Президенте РФ

E.A. Lachina,
Candidate of Law,
Associate Professor,
Vladimir branch of The Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Lena-lachina@mail.ru

A.A. Lachin,
Candidate of Law,
Associate Professor,
Vladimir branch of The Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
alexlachin@mail.ru

Особенности правового режима памятников природы: современное состояние проблемы

***Аннотация:** в статье исследуются проблемы правового характера, влияющие на механизм функционирования эколого-правового режима охраны уникальных природных объектов — памятников природы. Проблемы охраны памятников природы стали особенно остро осознаваться обществом и государством в настоящее время.*

Развитие законодательства об охране памятников природы происходило слишком медленно, что привело к потере Россией значительного числа уникальных объектов. Уделяя внимание только социально-экономическим проблемам, государство не заботилось надлежащим образом о сохранении уникальных природных объектов. Проблемы изучения охраны памятников природы в российской юридической науке являются одними из наименее разработанных и исследованных. На данном этапе не существует специальных комплексных исследований, посвященных всестороннему изучению проблем правовой охраны памятников природы.

***Ключевые слова:** памятник природы, правовая охрана, особо охраняемые природные территории, эколого-правовой режим.*

Particular features of natural monuments' legal protection in the present time

73

***Abstract:** the paper deals with the legal issues affecting the mechanism of functioning of ecological and legal protection regime of unique natural objects — monuments of nature. Problems of protection of nature sanctuaries began to be realized especially sharply by society and the state now.*

Development of the legislation on protection of nature sanctuaries went too slowly that allowed Russia to lose considerable number of unique objects. Paying attention only to social and economic problems the state, left without it problems of preservation of unique natural objects. Problems of studying of protection of nature sanctuaries in the Russian jurisprudence are one of the least developed and investigated. At this stage there are no the special complex researches devoted to comprehensive study of problems of legal protection of nature sanctuaries.

Keywords: natural monument, legal protection, specially protected natural areas, ecological and legal regime.

Проблема охраны окружающей среды сегодня особенно актуальна. Большое значение для России и для мирового сообщества в целом имеет обеспечение рационального использования своего ресурсного потенциала. Так, до 60 % площади Российской Федерации составляют природные территории, практически не нарушенные хозяйственной деятельностью. Такие земли необходимы не только для жизни человека, но и для функционирования всей экосистемы, сохранения биоразнообразия, обеспечения устойчивости биосферы.

К числу важнейших экологических задач государственной политики в этой сфере должно относиться, в частности, сохранение уникальных в своем роде объектов естественного происхождения, дошедших до наших дней в неизменном виде. На территориях, на которых находятся памятники природы, и в границах их охранных зон запрещается всякая деятельность, влекущая за собой нарушение сохранности памятников природы.

Понятие «памятник природы», как и другие объекты материального мира, имеет свое историческое происхождение. Однако до сих пор ученые не пришли к единому согласованному его определению.

Понятие «памятник природы» употребил Александр Гумбольдт, когда открыл огромное по возрасту и размерам дерево. Немецкий ученый Гуго Конвенц тоже дал определение памятникам природы, которыми, по его мнению, является «природный ландшафт с формами рельефа, реками и участками моря, растительными и животными сообществами, равно как и отдельными редкими видами» [1, с. 7].

До сих пор некоторые авторы памятник природы определяют не только как отдельный объект, но и как ландшафты, охватывающие охраняемые (заповедники и заказники) и еще не охраняемые природные комплексы. Ю.Н. Куражковский относит памятник природы к вариантам заповедника, другие ученые считают его «микромодификацией национальных парков» [1, с. 7].

По нашему мнению, памятник природы можно определить как объект или природный комплекс, представляющий часть естественно созданного природой ландшафта, уникального и единственного в природе по своей структуре, формам или свойствам, представляющий ценность в научном, историческом и культурном плане, юридически оформленный правоустанавливающими документами на основе принятого компетентным органом решения, переданный под охрану государством специализированным органом, обладающим соответствующими полномочиями, и имеющий четко определенные границы.

С этой точки зрения, памятники природы могут быть федерального и регионального значения.

Органы государственной власти РФ и органы государственной власти субъектов Федерации утверждают границы и определяют режим особой охра-

ны территорий памятников природы, находящихся в их ведении. Передача памятников природы и их территорий под охрану лиц, в чье ведение они переданы, оформление охранного обязательства, паспорта и других документов осуществляются специально уполномоченным на то государственным органом Российской Федерации в области охраны окружающей природной среды.

Объявление природных комплексов и объектов памятниками природы, а также территорий, занятых ими, территориями памятников природы допускается с изъятием занимаемых ими земельных участков у собственников, владельцев и пользователей этих участков.

Собственники, владельцы и пользователи земель, на которой находятся памятники природы, принимают на себя обязательства по обеспечению режима их охраны.

Экологическим законодательством установлен специальный правовой режим для особо охраняемых природных территорий, в частности для памятников природы.

Работу по их выявлению ведут специально уполномоченные государственные органы и органы местного самоуправления в регионах. Например, во Владимирской области в целях эффективного управления памятниками природы регионального значения создано и функционирует государственное бюджетное учреждение «Единая дирекция особо охраняемых природных территорий Владимирской области».

Вместе с тем для поддержания специального правового режима охраны памятников природы существует необходимость не только разработки и обновления нормативно-правовой базы, но и осуществления иных экологических мер, направленных на поддержание и восстановление ценных и уникальных природных комплексов.

К таким мерам можно отнести запрет хозяйственной деятельности, не совместимой с целями сохранения уникальности природных объектов.

Так, на территории памятников природы запрещается деятельность, которая может нанести ущерб природным комплексам и объектам растительного и животного мира.

Согласно Земельному кодексу Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ [2] земли особо охраняемых природных территорий относятся к объектам общенационального достояния и могут находиться в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации и в муниципальной собственности. В некоторых случаях допускается включение в земли особо охраняемых природных территорий земельных участков, принадлежащих гражданам и юридическим лицам на праве собственности. Например, Постановлением Президиума ВАС РФ от 28 февраля 2012 г. № 13763/11 [3] было принято решение о возможности приватизации земельного участка, находящегося в пределах охранной территории памятника природы, поскольку в отношении спорного земельного участка акты о его отнесении к особо охраняемым природным территориям не принимались, а сам факт включения участка в охранную территорию памятника, а также запрет на осуществление всякой деятельности, влекущей за собой нарушение сохранности памятников природы, предусмотренный ст. 27 Федерального закона от 14 марта 1995 г.

№ 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [4], не является предусмотренным законом основанием для отказа в приватизации земельного участка по правилам ст. 36 Земельного кодекса РФ.

Природные объекты и комплексы объявляются памятниками природы, как правило, без изъятия земельных участков, на которых они расположены, у собственников земли, землевладельцев и землепользователей. Отвод земельного участка может производиться в исключительных случаях с соответствующим обоснованием его необходимости в установленном порядке.

Следует также отметить, что режим охраны природных объектов и комплексов, объявление которых памятниками природы сопровождалось изъятием у собственников земельных участков, занимаемых этими объектами, обеспечивается специально уполномоченными государственными органами в области охраны окружающей природной среды (участки переданы им в бессрочное (постоянное) пользование), а если не сопровождалось, то непосредственно собственниками, владельцами, пользователями и арендаторами данных участков или, по согласованию с ними, иными физическими или юридическими лицами. Полагаем, что изъятие земельных участков зависит от категории памятника природы, его ценности и необходимости в защите, профессиональной деятельности собственников и иных правомочных лиц.

Хочется особо подчеркнуть, что правовую охрану памятников природы необходимо возлагать на специализированные органы, тем более, когда речь идет о памятниках природы федерального значения. В соответствии с Федеральным законом от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» субъекты, т. е. лица, которые обладают соответствующими правомочиями на данный земельный участок и имеют на данном участке памятники природы, должны обеспечить режим особой охраны. На наш взгляд, это и есть действия по внедрению методов по охране. Но законодательство ничего не говорит о профиле работы и роде деятельности субъектов, а неумение и отсутствие соответствующей квалификации могут привести к негативным последствиям. Считаем, что уполномоченные субъекты должны играть вспомогательную роль и высказывать предложения по эффективности проведения работ с учетом специфики их деятельности, но право решающего голоса должно принадлежать уполномоченным органам. При этом субъекты не должны вмешиваться в естественное состояние памятника природы.

Таким образом, подчеркивая особую аутентичность памятников природы, считаем, что назрела необходимость всестороннего исследования и решения вопроса о включении в отечественное законодательство развернутых и грамотно сформулированных норм, обеспечивающих правовую охрану памятников природы; уточнения круга субъектов, ее осуществляющих, а также их прав и обязанностей; расширения рамок ответственности, применяемой за нарушения в данной сфере. Считаем также необходимым принятие на федеральном уровне нормативного правового акта, который содержал бы все правовые предписания для полноценного правового регулирования особых природных объектов и комплексов. Думается, что создание такого документа позволит решать проблемы правовой охраны памятников природы на более высоком качественном уровне.

Список литературы:

1. Жураев, Ю.А. Проблемы правового режима и охраны государственных памятников природы (на материалах Узбекской ССР) / Ю.А. Жураев. — Ташкент: Фан, 1990. — 101 с.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001. — № 44, ст. 4147.
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 15 апреля 2013 г. № ВАС-3833/13 по делу № А76-8583/2012 // Вестник ВАС. — 2012. — № 6.
4. Об особо охраняемых природных территориях : федеральный закон РФ от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № () 01, ст. 2.

References:

1. Zhuraev, Ju.A. Problemy pravovogo rezhima i ohrany gosudarstvennyh pamjatnikov prirody (na materialah Uzbekskoj SSR) / Ju.A. Zhuraev. — Tashkent: Izd-vo «Fan». — 1990. — 101 s.
2. Zemel'nyy kodeks Rossiyskoy Federacii ot 25 oktjabrja 2001 g. № 136-ФЗ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2001. — № 44, st. 4147.
3. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 15 aprelja 2013 g. № VAS-3833/13 po delu № А76-8583/2012 // Vestnik VAS. — 2012. — № 6.
4. Ob osobo ohranjaemyh prirodnyh territorijah : federal'nyj zakon RF ot 14 marta 1995 g. № 33-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2002. — № 1, st. 2.

**• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.П. ОГАРЁВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ •**

Н.И. Уздимаева,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории и истории
государства и права,
Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва

N.I. Uzdimaeva,
Candidate of Law, Associate Professor,
Mordovian State University named after
N.P. Ogarev
nyzdimaeva@mail.ru

Механизм реализации права на самозащиту

***Аннотация:** актуальность статьи обусловлена тем, что механизм самозащиты до настоящего времени не являлся объектом специальных теоретико-правовых исследований, хотя факты его использования не единичны. Отдельные попытки анализа данной категории выражаются исключительно в переносе структуры механизмов правового регулирования или правовой защиты в целом на исследуемый нами механизм самозащиты. Однако этого явно недостаточно. Должна быть учтена специфика данного механизма, его динамическая составляющая. Цель статьи — продемонстрировать объективную необходимость доктринального анализа категории «механизм реализации права на самозащиту», определить его структуру и охарактеризовать базовые элементы.*

***Ключевые слова:** механизм реализации права на самозащиту, субъект самозащиты, основания самозащиты, принципы самозащиты, средства и способы самозащиты, гарантии самозащиты.*

The mechanism of realization of the right to self-defense

***Abstract:** the relevance of the article due to the fact that the self-defense mechanism so far not been the object of special theoretical and legal research, although its use is not isolated. Some attempts analysis of this category are expressed exclusively in the migration patterns of the mechanisms of legal regulation or the right-hand protection in general, we have studied the self-defense mechanism. However, this is clearly not enough. Should take into account the specificity of this mechanism, its dynamic components. The purpose of this article is to demonstrate the objective necessity of doctrinal-national analysis of the category «the mechanism of realization of the right to self-defense», to determine its structure and describe the basic elements.*

***Keywords:** the mechanism of realization of the right to self-defense, the subject of self-defense, reasons of defense, the principles of self-defense, means and methods of self-protection, guarantees of self-defense.*

Вопрос о механизме реализации права на самозащиту актуализируется в связи с тем, что соответствующее право в современных условиях не может более рассматриваться как проявление некоего неорганизованного начала самостоятельной (пусть даже и в порядке исключения, но инициативной) деятельности индивидуумов или их союзов. Поскольку общепризнано, что индивид может самозащищаться, объективно назрела необходимость и целесообразность вести речь о механизме правовой самозащиты как о некоем комплексном образовании. Так что же представляет собой

данный механизм? Обратимся, прежде всего, к имеющимся наработкам по данному вопросу.

Поскольку механизм реализации права на самозащиту есть частный случай механизма защиты, считаем вполне обоснованными попытки отдельных ученых рассматривать их в единой связке. В связи с этим вполне возможно проецирование общих черт механизма правовой защиты на механизм самозащиты.

Механизм правовой защиты трактуется С.А. Шишкиным как «совокупность процессуальных средств, обеспечивающих реализацию материально-правовой нормы» (имеется в виду норма, предусматривающая порядок защиты) [1, с. 7]. Однако следует помнить, что такая норма является не элементом защиты, а его предпосылкой (условием начала действия). Причем механизм самозащиты может некоторое время действовать лишь на основе предположения о нарушении права. Применительно к механизму самозащиты точнее также говорить не о процессуальных, а о процедурных (или вообще просто охранительных) средствах защиты.

В.А. Усанова в содержание механизма самозащиты включает систему правовых форм, средств и мер, а также их совокупностей, действие и взаимодействие которых направлено на предотвращение нарушений прав человека или их восстановление в случае нарушения [2, с. 150].

Элементами механизма правовой защиты нередко, проводя параллели со структурой механизма правового регулирования [3, с. 106], называют: 1) юридические нормы, регулирующие общественные отношения в разрешении конфликта; 2) правоотношения, в рамках которых осуществляются способы защиты субъективных прав; 3) акты реализации прав и обязанностей в разрешении конфликта [4, с. 9].

Л.Ю. Грудцына к таким элементам относит: нормы права, юридический факт или фактический состав, правоотношения; акты реализации прав и обязанностей, правоприменительные акты [5, с. 112]. Можно использовать такую позицию как отправную, но с некими оговорками, обусловленными спецификой правовой самозащиты (например, правоприменительный акт не всегда будет обязательным элементом механизма самозащиты, поскольку она вполне может протекать (и чаще всего бывает именно так) и без его вынесения).

Поскольку любой механизм есть не что иное как внутреннее устройство чего-либо, взаимосвязь элементов и их последовательная работа (действие), то и элементы механизма самозащиты должны обеспечивать такую ее реализацию, при которой субъект самозащиты достигает ее конечной и главной цели — восстановление нормального, желаемого для него (а соответственно, и для государства и общества) хода реализации права, нарушенного теми, кто осуществляет противоправную деятельность.

М.Н. Мальцев в механизм самозащиты прав включает основания и условия правомерности самозащиты прав, ее способы и формы их реализации [6, с. 76]. Мы считаем, что основания самозащиты — предпосылка начала действия данного механизма. Его обязательными элементами также являются субъект и объект защиты, принципы и гарантии самозащиты. В силу ограниченности объема данной работы остановимся на характеристике

главных элементов механизма самозащиты: принципов, средств и способов, гарантий. Остальные рассмотрим в самом общем виде.

Основания самозащиты — такие жизненные обстоятельства, наличие которых социально оправдывает и законодательно допускает ее применение (угроза нарушения, имеющееся нарушение принадлежащего лицу или иному субъекту права).

Условия правомерности самозащиты прав есть совокупность социально оправданных и закрепленных в законодательстве требований к действиям (бездействию) субъекта самозащиты прав, угрозе и нарушению, соблюдение которых исключает наступление юридической ответственности.

Механизм самозащиты приводится в движение субъектом самозащиты (правообладателем нарушенного права или иным лицом при явно выраженном согласии первого) при нарушении его права или при реальной угрозе такого нарушения. В качестве объекта самозащиты выступает нарушенное право лица, благо, на которое посягает правонарушитель.

При этом у субъекта есть возможность самому выбирать и комбинировать свои допустимые законом действия для восстановления нарушенного права. Он вправе по своему усмотрению и при наличии предусмотренных законом условий, в предусмотренном законом порядке, с соблюдением требований о пределах и допустимости защиты прибегать или не прибегать к самозащите, обращаться или не обращаться за соответствующей помощью к юрисдикционным и иным органам и должностным лицам. В данном случае в отличие от большинства других механизмов защиты, очевиден элемент диспозитивности (по сравнению с той же государственной защитой). Но и в ней присутствуют признаки публичного принуждения. Наиболее явно они проявляются при реализации уголовно-правовой или гражданско-правовой самозащиты в ситуациях, когда правонарушитель обязан претерпевать применяемое в отношении него со стороны самозащищающегося лица противодействие. Избираемые способы и средства самозащиты напрямую зависят от характера нарушения.

При реализации самозащиты должны быть соблюдены ее основные принципы. Принципы правовой самозащиты — это общие, основополагающие начала деятельности лица в связи с защитой собственными силами и средствами предоставленных законом прав, свобод, законных интересов, реализацией возложенных обязанностей. Такие принципы являются частным продолжением принципов права, отражают то общее, что присуще уже известным способам самозащиты, и в то же время могут быть использованы при любом варианте самозащиты, не известном действующему законодательству, но не противоречащем ему (естественно, речь идет о частно-правовой самозащите). На них базируется весь механизм самозащиты.

К основным принципам самозащиты относятся: 1) принцип законности, 2) добровольности; 3) обоснованности; 4) соразмерности нарушению; 5) юридической ответственности за отступление от порядка и правил самозащиты прав; 6) принцип недопустимости превышения пределов необходимой обороны; 7) привлечения лиц к юридической ответственности за воспрепятствование реализации права на самозащиту; 8) государственного признания

правомерности правовой самозащиты; 9) равноправия; 10) безусловности и др. Приведем их краткую характеристику.

Принцип законности применительно к правовой самозащите означает, что любое правосамозащитное поведение субъекта должно соответствовать требованиям действующего законодательства.

Принцип добровольности выражается в том, что в условиях, когда нарушены права, свободы и законные интересы, существует угроза их нарушения, либо созданы препятствия для исполнения возложенных обязанностей, лицо вправе самостоятельно, безо всякого вмешательства извне решить вопрос о целесообразности реализации права на самозащиту, «разумности» и потенциальной эффективности правосамозащитного поведения.

Принцип обоснованности выражается фактически в следующем: правосамозащитное поведение лица допустимо только при наличии следующих условий: 1) если защищаемые им права, свободы, законные интересы, обязанности действительно ему принадлежат; 2) соответствующие права, свободы, интересы, обязанности нарушены, не могут быть осуществлены либо существует действительная (реальная) угроза их нарушения. В противном случае использование самозащиты является неправомерным, влечет юридическую ответственность в установленном законом порядке.

Из принципа соразмерности вытекает, что правосамозащитное поведение лица по своему характеру должно соответствовать характеру противоправных деяний другой стороны (правонарушающей).

Принцип юридической ответственности за отступление от порядка и правил самозащиты прав выражается в несоблюдении предусмотренных законом правил осуществления правовой самозащиты.

Принцип недопустимости превышения пределов правовой самозащиты предполагает, что правосамозащитное поведение лица должно соответствовать характеру и степени опасности посягательства на принадлежащие ему права, свободы, законные интересы, возложенные обязанности. В противном случае лицо, допустившее превышение пределов правовой самозащиты, будет привлечено к ответственности.

Принцип привлечения лиц к юридической ответственности за воспрепятствование реализации права на самозащиту означает, что любое лицо, а не только правонарушитель, в результате поведения которого затрудняется реализация права на самозащиту, также подлежит юридической ответственности.

Принцип государственного признания правомерности самозащиты означает, что государство, осуществив нормативную регламентацию последней, официально ее разрешило.

Принцип равноправия при осуществлении правовой самозащиты означает, что право на самозащиту имеют в равной мере все лица независимо от их социально-юридического статуса.

Принцип безусловности правовой самозащиты выражается в том, что право самозащиты принадлежит лицу независимо от возможности обратиться за помощью в реализации нарушаемых прав, свобод, законных интересов, обязанностей к другим лицам или органам власти.

Самозащита имеет два уровня реализации: 1) субъективный (психологический); 2) объективный (внешний, нормативно-деятельностный).

Психологический механизм самозащиты базируется на инстинкте самосохранения, нацеленном на беспрепятственное удовлетворение индивидом его потребностей. Основанием такого инстинкта являются страх или тревога как комплекс отрицательных эмоций, возникающих в результате опасностей действия факторов, угрожающих существованию индивида. Выражением страха являются опасение, боязнь, ужас, тревога и тому подобные проявления как реакция человеческого организма на негативно настроенную в отношении него окружающую среду. Чувство страха заставляет личность сконцентрироваться против обстоятельств, его породивших.

Речь идет о так называемой оборонительной реакции организма на угрозу. По словам М.Ю. Гаранина, «реакция эта... произвольна, бессознательна, а порой и неосознанна... Тем самым... страх является своеобразным сигналом для перехода бессознательных процессов самосохранения в процессы осознания угрожающих или опасных обстоятельств, их оценки, выбора средств самозащиты и, таким образом, выступает мотивом самозащитной деятельности, в которой реализуется самосохранительная потребность» [7, с. 32]. Такой мотив приводит к определению цели и средств самозащиты и, как результат, — к их последующей реализации, т. е. формируется модель самозащитного поведения субъекта.

Субъективные мотивы самозащиты получают правовой окрас и определенным образом группируются при условии, что они связаны с реализацией субъектом такого интереса, который законодательством государства признается подлежащим нормативному правовому регулированию и юридическому обеспечению.

Правовые мотивы самозащиты в самом общем виде можно сформулировать следующим образом: 1) мое законное право уже нарушено или существует угроза его нарушения; 2) мое право нарушается, и я как управомоченный субъект сам могу остановить нарушителя данного права, иначе процесс правореализации окажется неполноценным, и я не смогу получить то, что мне полагается; 3) защищая свое право, я должен минимизировать вред, причиняемый тому, кто посягал (посягает) на мои права, или могу действовать только так, чтобы причинить правонарушителю адекватный, т. е. соразмерный, соответствующий характеру и содержанию правонарушения, вред; 4) самозащищаясь, я смогу реализовать в полном объеме свои права и обязанности, а государство не признает мои действия противоправными; 5) защищая нарушенное или нарушаемое право самостоятельно, я «не отвлекаю» государство для решения моих проблем там, где сам могу реализовать принадлежащую правосубъектность в полном объеме; 6) если я не добьюсь в ходе самозащиты восстановления моих прав, я могу в последующем обратиться за защитой к государству.

Объективация цели и мотивов самозащиты вовне должна осуществляться в установленных законом рамках, с соблюдением ее пределов, а при нормативной регламентации порядка самозащиты — и с соблюдением такого порядка. При отсутствии нормативно конкретизированных процедур

реализации самозащиты субъект, ее воплощающий, должен придерживаться системы упомянутых выше общих принципов самозащиты.

Любое правосамозащитное поведение субъекта по форме выражения и порядку осуществления должно соответствовать требованиям действующего законодательства. При этом могут быть использованы самые различные средства самозащиты.

Средства правовой самозащиты — те приспособления, механизмы, инструменты, при помощи которых она реализуется. Средства самозащиты являются разновидностью правовых средств (в узком их понимании). Средства правовой самозащиты с учетом выполняемой ими роли относятся к охранительным и в то же время сами могут реализовываться посредством других правовых средств: через субъективные права и обязанности, поощрения и наказания, дозволения и запреты и т. д.

В общем и целом их можно разделить на две группы: материальные (природные, вещественные: простые и сложные орудия самозащитной деятельности) и социальные (знания, умения, опыт, методы самозащитной деятельности).

Отдельную группу средств самозащиты составляют психологические средства (транспаранты, плакаты, листовки и иная символика, громкоговорители и т. п.).

Следует особо отметить, что при самозащите нарушенных прав, в том числе и имущественных, допустимо применение управомоченной стороной различного рода технических приспособлений, использование которых должно сопровождаться необходимостью соблюдения ряда требований. Во-первых, техническое приспособление не должно быть предназначено для причинения вреда или заведомо не создает серьезного риска причинения смерти или тяжкого телесного повреждения; и, во-вторых, применение технического приспособления может быть признано правомерным, если его обычно применяют для такой цели или лицом приняты разумные меры предосторожности для того, чтобы поставить вероятных нарушителей в известность о возможности применения технических средств.

Средства самозащиты можно также классифицировать на действия и бездействия. Поскольку действия как средства самозащиты являются разновидностью правомерных, то они могут выступать в форме юридических актов (обращение, жалоба и т. д.) и юридических поступков (отказ от оплаты работ, не предусмотренных договором).

В.Л. Казаков считает необходимым различать юридические (легальные) и неюридические (фактические) средства самозащиты. Последние он разграничивает на духовные и социальные [8, с. 42]. М.Н. Мальцев неюридические средства самозащиты называет материальными [6, с. 76].

Особенность легальных средств — их закрепление в санкциях правовых норм или в договоре.

Совокупность форм и средств самозащиты, посредством которых она реализуется, образует, в конечном итоге, способ правовой самозащиты. Способ самозащиты — разновидность способа правовой защиты. Корректное определение последнего было предложено В.В. Витрянским. По его мнению,

способы защиты прав — это предусмотренные законодательством средства, с помощью которых могут быть достигнуты пресечение, предотвращение, устранение нарушений права, его восстановление и (или) компенсация потерь, вызванных нарушением права [9, с. 628]. Хотелось бы дополнительно отметить, что речь идет не просто о средствах защиты, а об их системной взаимосвязи при использовании в каждом конкретном случае.

Способ как материально-правовая категория состоит из системы действий и поэтому может осуществляться с применением различных средств [10, с. 97].

Что касается способов самозащиты, то их перечня в законодательстве нет. Для реализации права на самозащиту человек вправе использовать все способы, не запрещенные законом. Отсутствие перечня способов самозащиты, а также указания на возможность установления иных способов самозащиты, не противоречащих закону, следует признать недоработкой российского законодательства. Лишь анализируя действующие нормативные акты Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что самозащита может выражаться, например, в установлении противоугонных устройств, удержании вознаграждения или вещи, одностороннем отказе от исполнения договора и т. д. Причем помимо способов, указанных в законе, дана возможность применения способов самозащиты, которые не противоречат общим принципам и смыслу законодательства, а также требованиям добросовестности, разумности и справедливости.

Способы самозащиты реализуются субъектом как индивидуально, так и коллективно. Их можно разграничить на основные (закреплены в Конституции РФ) и вспомогательные (закреплены в остальном отраслевом законодательстве). Особую группу способов самозащиты составляют неправовые средства, например, самоубийство, угроза его совершения, членовредительство, голодовка. Реализация отдельных способов самозащиты конкретизирована в отраслевом законодательстве. Например, по конституционному праву способами самозащиты являются право граждан на обращения (ст. 33 Конституции РФ); право на объединение (ст. 30 Конституции РФ); право на мирное проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирование (ст. 31 Конституции РФ) и др. Способами уголовно-правовой самозащиты выступают необходимая оборона (ст. 37 УК РФ) и крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ); административно-правовой — крайняя необходимость (ст. 2.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях). В числе способов самозащиты в гражданском праве обычно называются: восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; прекращение или изменение правоотношения и т. д. В ст. 379 Трудового кодекса РФ перечислены способы самозащиты трудовых прав. И, наконец, в международном праве (ст. 51 Устава ООН) принято различать индивидуальную и коллективную самооборону (самозащиту), в том числе превентивного характера.

Способы самозащиты можно также разграничивать в зависимости от объекта защиты на способы защиты субъективных прав и способы защиты правопорядка в целом.

В зависимости от характера действий самозащиты можно также различать самозащиту собственными действиями и самозащиту через действия

других лиц (например, для устранения недостатков, выявленных в работе подрядчика, заказчик может привлечь другую подрядную организацию).

Способы самозащиты могут быть превентивные (фактические действия, которые осуществляются с целью предупреждения нарушений прав, например, проверка банком кредитоспособности должника до момента заключения кредитного договора) и пресекательные (фактические и юридические действия в ситуациях, когда нарушение уже произошло или продолжается, как, например, при необходимой самообороне). Причем они могут быть сопряжены как с причинением вреда посягающему, так и без него.

Без средств и способов самозащиты ее реализация немыслима. Именно они составляют ядро механизма правовой самозащиты.

В то же время использование любым индивидом предоставленного ему права на самозащиту зависит не только от его желания или нежелания самостоятельно отстаивать свои права и интересы, но и от того, есть ли реальная возможность такое право реализовать в конкретных условиях и приведет ли реализация соответствующих мер самозащиты к достижению намеченного результата. А значит, надо ставить вопрос о гарантиях реализации права на самозащиту. Гарантии самозащиты должны содействовать такой ее реализации, чтобы она при данных обстоятельствах была наиболее эффективной.

Юридические гарантии правовой самозащиты имеют многоуровневый характер. Иерархически первыми являются нормы, определяющие совокупность условий цивилизованного существования индивида, а именно, нормы, конкретизирующие политические, идеологические, социальные, экономические и прочие параметры социума. Они, как правило, содержатся в Конституции РФ, имеют достаточно общий характер, подлежат последующей конкретизации. Однако их значение нельзя недооценивать, поскольку организационные и иные объективные компоненты самозащиты заложены именно в них.

Далее следуют нормы, устанавливающие порядок и принципы охраны прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. В них также конкретизируются субъективные возможности, закрепленные в праве на самозащиту (правомочия).

Следующий уровень — это нормы отраслевого содержания, предусматривающие конкретные формы и способы правовой самозащиты.

И, наконец, нормы международного права, гарантирующие возможность личности беспрепятственно осуществлять свои права, свободы и обязанности, в том числе сопротивляться любому злу и насилию.

Таким образом, механизм реализации права на самозащиту — самостоятельная инициативная деятельность субъектов самозащиты по защите собственными усилиями (а при необходимости и возможности — и с привлечением иных лиц) принадлежащих им прав, выражающаяся в совершении на основе общих принципов самозащиты актов самозащиты с использованием различных способов и средств, при наличии достаточных к тому оснований, гарантированная государством, осуществляемая в целях восстановления нормального хода реализации нарушенного права.

Список литературы:

1. Шишкин, С.А. Состязательность в судебном механизме защиты гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Шишкин. — М., 1996. — 185 с.
2. Усанова, В.А. Конституционное право человека на самозащиту в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Усанова. — Волгоград, 2003. — 230 с.
3. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. — М.: Юрид. лит., 1966. — 187 с.
4. Бутнев, В.В. К понятию механизма защиты субъективных прав // Субъективное право: Проблемы осуществления и защиты. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. — С. 9–11.
5. Грудцына, Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России / Л. Ю. Грудцына; под ред. Н.А. Михалевой. — М.: Деловой двор, 2008. — 318 с.
6. Мальцев, М.Н. Понятие «самозащита прав» по российскому законодательству // Закон и право. — 2006. — С. 76–77.
7. Гаранин, М.Ю. Самозащита как социально-философская проблема : дис. ... канд. филос. наук / М.Ю. Гаранин. — Н. Новгород, 2004. — 194 с.
8. Казаков, В.Л. Средства защиты прав человека // Вестник Моск. ун-та МВД России. — 2007. — № 5. — С. 41–44.
9. Брагинский, М.И. Договорное право: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. — М.: Статут, 2011. — 847 с.
10. Микшис, Д.В. Механизм самозащиты гражданских прав // Академический вестник ТГАМЭУП. — 2010. — № 3. — С. 94–100.

References:

1. Shishkin, S.A. Sostjazatel'nost' v sudebnom mehanizme zashhity grazhdanskih prav : dis. ... kand. jurid. nauk / S.A. Shishkin. — M., 1996. — 185 s.
2. Usanova, V.A. Konstitucionnoe pravo cheloveka na samozashhitu v Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. jurid. nauk / V.A. Usanova. — Volgograd, 2003. — 230 s.
3. Alekseev, S.S. Mehanizm pravovogo regulirovanija v socialisticheskom gosudarstve / S.S. Alekseev. — M.: Jurid. lit., 1966. — 187 s.
4. Butnev, V.V. K ponjatiju mehanizma zashhity sub#ektivnyh prav // Sub#ektivnoe pravo: Problemy osushhestvlenija i zashhity. — Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1989. — S. 9–11.
5. Grudcyna, L.Ju. Advokatura, notariat i drugie instituty grazhdanskogo obshhestva v Rossii / L. Ju. Grudcyna; pod red. N.A. Mihalevoj. — M.: Delovoj dvor, 2008. — 318 s.
6. Mal'cev, M.N. Ponjatie «samozashhita prav» po rossijskomu zakonodatel'stvu // Zakon i pravo. — 2006. — S. 76–77.
7. Garanin, M.Ju. Samozashhita kak social'no-filosofskaja problema : dis. ... kand. filoz. nauk / M.Ju. Garanin. — N. Novgorod, 2004. — 194 s.
8. Kazakov, V.L. Sredstva zashhity prav cheloveka // Vestnik Mosk. un-ta MVD Rossii. — 2007. — № 5. — S. 41–44.
9. Braginskij, M.I. Dogovornoe pravo: Obshhie polozhenija / M.I. Braginskij, V.V. Vitryanskij. — M.: Statut, 2011. — 847 s.
10. Mikshis, D.V. Mehanizm samozashhity grazhdanskih prav // Akademicheskij vestnik TGAМJeUP. — 2010. — № 3. — S. 94–100.

Ю.Н. Сушкова,
доктор исторических наук, доцент,
зав. каф. международного и
европейского права,
декан юридического факультета,
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва

Iu.N. Sushkova,
doctor of historical sciences, docent,
Chair of the International and European
Law Department, Dean of the Law
Faculty,
Mordovia Ogarev State University
yulenkam@mail.ru

Зарубежный опыт развития юридической антропологии

***Аннотация:** в статье анализируется зарубежный опыт развития юридической антропологии как особой субдисциплины, находящейся на стыке правоведения и этнографии. Особое внимание уделяется практике рассмотрения конкретных жизненных ситуаций с точки зрения юридической антропологии. Автором делается обзор вклада в развитие данной науки трех крупных исследователей, считающихся ее основателями: Генри Льюиса Моргана, Генри Джеймса Мэйна, Бронислава Каспера Малиновского. Анализируется место обычая как источника права в различных правовых семьях мира. Обозначаются международные организации и издания, осуществляющие научную деятельность по реализации концепции юридического плюрализма.*

***Ключевые слова:** юридическая антропология, этноправоведение, правовые традиции, зарубежный опыт.*

Foreign experience of the development of legal anthropology

***Annotation:** in the article there is analyzed foreign experience of the development of legal anthropology as a special subdiscipline, placed on the crossing areas of legal and ethnographical sciences. Special attention is paid to the analysis of the concrete life situations from the legal anthropological point of view. The author gives an overview of the contribution of the three major researchers considered to be the founders of legal anthropology: Henry Lewis Morgan, Henry James Maine, Bronislav Casper Malinowski. Examines the place of custom as a source of law in various legal families of the world. Designated international organizations and publications, conducting research activities on realization of the concept of legal pluralism.*

***Key words:** legal anthropology, ethnic legal studies, legal traditions, foreign experience.*

Юридические традиции народов мира — уникальный феномен исторического развития права, гармонично аккумулировавший в себе как архаические устои, так и современные тенденции этноправовой жизни социума. Вступив в XXI в., народы (этноты), с одной стороны, стремятся к унификации информационного, научно-технического, образовательного, экономического, правового пространства, с другой — все более осознают неизбежность проявления этнической специфики в различных областях жизнедеятельности человека, в том числе и в юридической ее составляющей. Исследование нормативного многообразия человечества, рассмотрение социального бытия индивида сквозь призму различных правовых систем позволяет обнаружить комплекс подходов к пониманию одних и тех же явлений, что нередко облегчает составление так называемой «усредненной модели» права. Такие важнейшие первичные юридические категории, как справедливость, правосудие, наказание, преступление не должны рассматриваться вне этнического контекста, ибо у каждого народа на

протяжении тысячелетий, еще со времен первобытнообщинного строя, складывались собственные правовые взгляды, обусловившие регуляцию социальных отношений [7, с. 3].

Ренессанс интереса к юридическим традициям (обычному праву) и в целом к этнонормативным процессам во всем их многообразии способствует актуализации такого научного направления (субдисциплины), как юридическая антропология (антропология права, этноправоведение, этноюриспруденция, этнография права), находящегося на стыке двух наук — юридической и этнографической. В России юридическая антропология начала новый этап своего развития в 1990-е гг., когда объективно наблюдался рост национально-культурных движений, что обусловило необходимость изучения права не столько как проблемы существования «традиционного», «обычного» (фактически, в этническом аспекте) права в противовес позитивному праву, сколько как проблемы действия культурно обусловленных правовых систем, сосуществования различных источников права в едином гражданском сообществе.

Наряду с изучением обычного права важной составляющей предмета юридической антропологии является защита прав коренных (аборигенных) народов с учетом особенностей их правового статуса (национальные меньшинства, коренные малочисленные народы, этнические диаспоры и др.) как по международному праву, так и по внутригосударственному праву. В разработке предмета юридической антропологии используется особая методология. При сборе материалов может быть применен ряд конкретных методов полевой этнографии и, прежде всего, методы непосредственного наблюдения, расспроса. Особое значение имеет метод пережитков, с помощью которого по сохранившимся фрагментам можно реконструировать те или иные обычаи, регулировавшие традиционные правоотношения на более ранних этапах исторического развития народа.

В России как традиционно многонациональной и поликонфессиональной стране сложился немалый историко-правовой, этноправовой опыт не только сбора и сохранения уникального эмпирического наследия обычного права, но и развития теоретико-методологических подходов в этой области. Тем не менее истоки юридической антропологии, впрочем, как и современные тенденции ее методологического развития, наиболее прогрессивные практики, сформировались и формируются за рубежом.

Юридическая антропология (*Anthropologie des Rechts*, *Rechtsethnologie*, *Anthropology of Law*) в качестве направления научных исследований по изучению возникновения и развития ранних форм права впервые сформировалась почти одновременно (в 60-е гг. XIX в.) в различных странах Европы как составная часть всеобщей истории права. Такое толкование юридической антропологии, впервые обоснованное Генри Мэйном в его работе «Древнее право» (1861 г.), существовало в Англии до 20-х гг. XX столетия, когда с выходом в свет работы Бронислава Каспера Малиновского она постепенно оформилась в самостоятельную научную дисциплину [10, с. 77–78].

Выдающийся вклад в становление юридической антропологии принадлежит американскому ученому, этнологу, социологу и историку Льюису Генри Моргану, написавшему ряд работ в области древнего права [2, 3]. Он был

яростным противником рабства, сторонником борьбы за личные свободы, отмену всякой расовой дискриминации, отстаивал введение избирательных прав для негритянского населения. Еще в 1840 г. им было учреждено общество под названием «Великий орден ирокезов», ставившее целью изучение и защиту прав индейцев, выступавшее против захвата индейской территории земельными спекулянтами. Дело было доведено до рассмотрения в Конгрессе США, который решил его в пользу индейцев и в знак признания заслуг Морган был принят в ряды племени. Защитой индейцев Морган занимался до конца жизни, обличал правительственную коррупцию открыто, в том числе печатно, выступая против военных операций против сиу, ирокезов и других племен. В 1875 г. он был избран членом Национальной академии наук, а в 1879 г. — президентом Американской ассоциации содействия развитию науки [6, с. 3–24].

Другим крупным исследователем обычного права, древнего права был известный английский юрист, антрополог, историк и социолог права сэр Генри Джеймс Мэйн (1822–1888), впервые применивший историко-правовой метод при сравнении различных правовых культур и внесший большой вклад в кодификацию индийского права. С 1847 г. он был допущен к юридической практике, одновременно вел преподавательскую деятельность в университете Кембриджа. В 1869–1878 гг. он стал профессором сравнительного права в Оксфордском университете, в 1878–1887 гг. возглавлял Тринити-колледж, в 1887–1888 гг. был профессором международного права в Кембридже. Генри Мэйн занял место главы нового направления в изучении права. Работы исследователя являются классикой юридической антропологии [4].

На примере изучения источников индусского и ирландского права Мэйн анализировал в юридическом контексте бытовые особенности жизнедеятельности народов (первоначальные формы древнеримского и древнегерманского (салического) процесса, истоки правосудия, систему самоуправления и др.). В своих исследованиях Генри Мэйн использовал сравнительно-исторический метод, стремясь на основе изучения индусского, древнеримского, германского, древнеирландского, славянского права создать всеобъемлющую картину развития права и ранних социальных институтов у индоевропейских народов. Практическое значение работ Мэйна лучше всего доказано его собственной деятельностью в Индии, которую англичане ценят наравне с научной, и его влиянием на других администраторов этой страны. Мэйн показал жизненный смысл норм индусского права и отстоял их право на существование в то время, когда их считали абсурдными и готовы были уничтожить принудительными мерами. В многочисленных законодательных работах, созданных при участии Мэйна или им самим, ему удалось достигнуть такого сочетания английских норм с туземными, которое во многом примирило интересы туземных обитателей и английских правителей. «Знакомство с сочинениями Мэйна должно лежать в основе всякого серьезного юридического образования; они лучше всего могут вывести юриста на дорогу правильного историко-философского изучения права, сообщить ему реальное понимание правовых явлений и предохранить от ошибок схоластической догматики немецких романистов» [5].

Существенный вклад в формирование юридической антропологии внес крупный этнограф, основатель концепции функционализма Бронислав Каспер Малиновский, считавший, что такие культурные и социальные институты, как обычай, религия, магия, родство, брак, семья, материнство и отцовство, местное образование, контакты, война, труд, закон и порядок, преступление, раса выступают детерминантами поведения человека и развития общества. Малиновский утверждал, что в каждом типе цивилизации любой обычай, материальный объект, идея и верование выполняют некую жизненно важную функцию, должны решать определенную задачу и поэтому представляют собой необходимую часть внутрикультурного целого. Его полевые исследования с применением новаторской для того времени методологии сыграли решающую роль в развитии современной науки, в которой теория должна базироваться на эмпирических исследованиях, включающих наблюдение и детальный анализ поведения людей в определенной культурной и социальной среде. Социальный опыт, доказывал Малиновский, воспроизводит обычаи и общественные институты, передает их от поколения к поколению через культурные потребности. Считая культуру такой системой, в которую нельзя вмешиваться, произвольно ее регулировать, Малиновский провозглашал невмешательство в жизнь «отсталых» народов в связи с угрозой нарушить равновесие между элементами системы и подорвать жизненно важные функции общественного и культурного организма. Исследователь не скрывал, что в прагматическом аспекте его теория предназначена для подведения базы под существующий колониальный порядок. Действительно, его рекомендации использовались британской администрацией, а функционалистский вариант этнографии (юридической антропологии) преподавался в школах колониальных чиновников [7, с. 33–40].

Современные зарубежные исследования по теоретическим вопросам юридической антропологии проводятся такими учеными, как Нобер Рулан, Лоуренс Розен, Леонид Поспишил, Лора Нейдер, Джейн Старр, Кибет и Франц фон Бенда-Бекманн, Брюс Миллер и др. Они значительно углубили выводы и наблюдения их предшественников, способствовали созданию новейшей концепции юридической антропологии, помогающей лучше ориентироваться в вопросах природопользования, аборигенного самоуправления, методологии разрешения разного рода конфликтов и споров, исходя из идеи правового плюрализма как правовой ситуации, при которой правовое бытие человека определяется не только позитивным правом, но и нормами обычного права, другими социальными регуляторами [9, с. 28–38].

В настоящее время исследования по юридической антропологии проводятся в рамках деятельности Комиссии по обычному праву и правовому плюрализму Международного союза этнологических и антропологических наук (Commission on Folk Law and Legal Pluralism IUAES) и ряда других организаций и изданий (Law and Anthropology, Law and Society Review, Journal of Legal Pluralism, Droit et Cultures), способствующих систематизации имеющихся научно-теоретических взглядов в исследовании правового бытия человека.

Ключевая идея современной концепции юридического плюрализма заключается в рассмотрении этноса как особого правоучредителя, который

самостоятельно легитимизирует социальные нормы в качестве правовых. Юристы-антропологи полагают, что государство не должно обладать монополией на право, напротив, как публичный институт территориальной организации общества оно должно способствовать учету различного рода этнокультурных особенностей в формировании и развитии официального законодательства. Отстаивая интересы народов (этносов), их равенство между собой, юридическая антропология выступает за учет специфики по тем или иным признакам с целью обеспечения подлинного баланса при использовании «компенсаторной политики».

Познание сущности и роли обычного права в жизни общества требует глубокого анализа правовых явлений во всем их многообразии и взаимодействии между собой. Применение обычая как наиболее древней формы права было характерно в большей или меньшей степени для всех правовых систем мировой цивилизации. Однако степень распространенности этого своеобразного источника определялась, прежде всего, закономерностями исторического развития общества, его этническими, культурными, экономическими и иными особенностями.

Значение обычая особенно велико и на современном этапе в развивающихся странах Азии, Африки и Океании. Так, в Африке нормам неписаного обычного права все еще следуют свыше 80 % населения, а в отдельных районах тропического пояса — около 95 %. Обычное право нашло широкое применение в странах Экваториальной, Южной Африки и на Мадагаскаре. Многочисленные народы Африки имеют свои обычаи, призванные обеспечить единство, сплоченность социальной группы (трибы, рода, деревни), уважение памяти предков, связь с окружающей природной средой, духами, другими сверхъестественными силами. В настоящее время осуществляется систематизация действующих обычаев, их включают в отраслевые кодексы, иные нормативные акты. Этот процесс нередко бывает усложнен множественностью обычаев, поскольку в данных регионах проживают многочисленные народы с собственными системами обычного права.

Особую роль обычаи играют в странах, воспринявших религиозную систему права, самой крупной из которых является мусульманское право, меньшее распространение имеет индусское право. В мусульманском праве до сих пор господствует важнейшее положение о том, что обычай имеет значение нормы и даже может служить оправданием отхода от некоторых предписаний Корана и Сунны.

Положение обычая в системе источников романо-германского права своеобразно. В период раннего Средневековья, пока не были созданы первые письменные сборники законов, весьма значительной была роль тех, кто толковал правовые обычаи (к примеру, у древних франков — рахинбурги (рахимбург), у древних скандинавов — лагманы). С XIV в. местными обычаями руководствовались в случае более широкого географического ареала применения и если была осуществлена их компиляция, позволявшая легко ознакомиться с ними. К числу таких крупных компиляционных работ можно отнести «Кутюмы Бовэ» Ф. Де Бомануара (во Франции), «Саксонское зеркало»

Э. фон Репхофа (в Германии), «Провинциальные законы», записанные лагманами (в Норвегии и Швеции).

В англосаксонской семье обычай первоначально играл весомую роль в системе источников права. Англия после норманнского завоевания управлялась обычаями, а к XVII в. сложился прецедент, когда в качестве имеющего юридическую силу признавали судом лишь тот обычай, в отношении которого имелось доказательство о его действии до коронации Ричарда I Львиное Сердце (до 3 сентября 1189 г.). За обычаями вплоть до XIX в. оставалась значительная сфера действия, в частности, королевские указы почти не затронули гражданско-правовых отношений в манорах. Сборники обычаев, существовавшие в некоторых местностях Англии, принимались во внимание при рассмотрении дел в королевских судах. Одним из наиболее распространенных был обычай минората («английский бург»), согласно которому земля вплоть до 1920 г. по наследству переходила не старшему сыну, как при майорате, а младшему.

В настоящее время в англосаксонской системе обычай применяется в основном в казуальном праве. Так, обычаями определяются значения технических терминов в договорах. Знание коммерческого обычая помогает судье, разрешающему дела об обязательствах в сфере торговли. Судами учитываются и местные обычаи, установившиеся в разных регионах Англии до 1189 г. и действующие там поныне. Некоторые дела требуют при их разрешении обязательного участия присяжных, как повелось еще со времен Генриха I. Для Великобритании характерно применение конституционных обычаев. Юридически верховная исполнительная власть принадлежит монарху, фактически же — кабинету министров. Обычаи определяют неприменение монархом права вето, порядок формирования правительства, существование и роль кабинета министров, статус министров. Согласно обычаю монарх не может не подписать акта, принятого обеими палатами Парламента.

В США обычное право признается главным образом в пределах резерваций, где племенные власти, как правило, сохраняют юрисдикцию в большинстве уголовных и во всех гражданских делах. Однако в XX в. применение обычного права сохранилось при разрешении традиционных конфликтов вне официальных племенных судов. В Канаде разрешение имущественных споров у коренных народов в силу решения Верховного суда Канады по делу Делгамуукв против Британской Колумбии происходит на основании норм обычного права. В Австралии в деле Мабо против Квинсленда Высокий суд Австралии постановил, что обычным правом определяется содержание прав коренного населения. В Новой Зеландии согласно Вайтангскому договору правовыми обычаями регулируются отношения в области действия традиционных прав на рыбную ловлю [9, с. 13–14].

Юридическая география мира раскрывает многообразие правовых систем, каждая из которых представляет собой результат эмпирического и духовного познания тем или иным народом окружающей действительности, нашедший свое выражение в формировании собственной системы источников права. Правовой обычай, возникший еще в первобытном обществе, по настоящее

время применяется в качестве источника права и занимает особую нишу в каждой правовой семье. Выработанные веками обычаи — уникальное историческое наследие народов, их соционормативное и этнокультурное богатство, их живой и постоянно развивающийся правовой стандарт поведения, который отражает многовековой опыт их жизнедеятельности и нередко бывает эффективнее, чем писанный закон.

Обычное право является органической частью традиционной культуры народа, следствием его векового юридического опыта. Российское общество отличается гетерогенностью, многообразием народов и культур, что влечет множественность правовых представлений. Управление многонациональным государством требует особых знаний и подходов в установлении толерантных отношений, как залога нормального функционирования не только в рамках одной страны, но и мирового сообщества в целом. Накоплению этих знаний и способствует юридическая антропология. Видный общественный деятель Франции, философ Поль Анри Гольбах писал: «Править народом — значит удерживать в равновесии его страсти, подавлять те из них, которые могут привести к опасным последствиям, и направлять на пользу государству те, которые могут быть ему полезны. Но страсти народов, как и страсти отдельных индивидов, бесконечно разнообразны; причиной их возникновения, сохранения и видоизменения являются законы, обычаи и в особенности убеждения людей, нередко более сильные, чем природа, разум и законы, и подчас создающие непреодолимые препятствия для самой мудрой политики» [1, с. 462–463].

Список литературы:

1. Антология мировой политической мысли : в 5 т. Т. 1 : Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. — М.: Мысль, 1997. — 832 с.
2. Морган, Л.Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев // Материалы по этнографии. — Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1934. — Т. 2. — 190 с.
3. Морган, Л.Г. Лига ходеносауни, или ирокезов / Л.Г. Морган; пер. с англ. Е.Э. Бломквист. — М.: Гл. редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. — 280 с.
4. Мэйн, Г. Древнее право / Г. Мэн. — М.: Красанд, 2011. — 320 с.
5. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 09.10.2014).
6. Семенов, Ю.И. Льюис Генри Морган: легенда и действительность // Советская этнография. — 1968. — № 6. — С. 3–24.
7. Сонгинайте, Н.С. Социальная антропология Бронислава Малиновского // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1998. — Т. 1, № 2. — С. 33–40.
8. Сушкова, Ю.Н. Этноправосудие у мордвы / Ю.Н. Сушкова. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. — 576 с.
9. Сушкова, Ю.Н. Юридическая антропология : учебно-методический комплекс. 2-е изд., перераб. и доп. — Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2007. — 108 с.
10. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. — М.: Наука, 1988. — 239 с.

References:

1. Antologija mirovoj politicheskoj mysli : v 5 t. T. 1 : Zarubezhnaja politicheskaja mysli: istoki i jevoljucija. — M.: Mysl', 1997. — 832 s.
-

2. Morgan, L.G. Doma i domashnjaja zhizn' amerikanskih tuzemcev // Materialy po jetnogra-fii. — L.: Institut narodov Severa CIK SSSR, 1934. — T. 2. — 190 s.
3. Morgan, L.G. Liga hodenosauni, ili irokezov / L.G. Morgan; per. s angl. E.Je. Blomkvist. — M.: Gl. redakcija vostochnoj literatury izd-va «Nauka», 1983. — 280 s.
4. Mejn, G. Drevnee pravo / G. Mejn. — M.: Krasand, 2011. — 320 s.
5. URL: <http://ru.wikipedia.org> (data obrashhenija: 09.10.2014).
6. Semenov, Ju.I. L'juis Genri Morgan: legenda i dejstvitel'nost' // Sovetskaja jetnogra-fija. — 1968. — № 6. — S. 3–24.
7. Songinajte, N.S. Social'naja antropologija Bronislava Malinovskogo // Zhurnal socio-logii i social'noj antropologii. — 1998. — T. 1, № 2. — S. 33–40.
8. Sushkova, Ju.N. Jetnopravosudie u mordvy / Ju.N. Sushkova. — Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2009. — 576 s.
9. Sushkova, Ju.N. Juridicheskaja antropologija : uchebno-metodicheskij kompleks. 2 izd., pe-rerab. i dop. — Saransk: tipografija «Krasnyj Oktjabr'», 2007. — 108 s.
10. Jetnografija i smezhnye discipliny. Jetnograficheskie subdiscipliny. Shkoly i naprav-lenija. Metody. — M.: Nauka, 1988. — 239 s.

В.В. Баринов,

соискатель,

кафедра международного и европейского
права,

Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва

V.V. Barinov,

Competitor,

Mordovian State University of N.P. Ogarev

barinoff.vic@yandex.ru

Место и роль волостной юстиции в условиях ликвидации мирового суда

***Аннотация:** актуальность статьи обусловлена празднованием в 2014 г. 150-летнего юбилея проведения судебной реформы в России, являвшейся частью социально-экономических и политико-правовых преобразований системы управления и правосудия в Российской империи в 60–70-е гг. XIX в., предусматривавших учреждение на территории империи системы местных судов. Цель статьи — проанализировать нормы «Положения о земских участковых начальниках», регламентирующие деятельность волостной юстиции с 1889 г. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза, дедукции) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический) методов. Автор приходит к выводу, что в конце XIX в. организационно-правовые основы деятельности крестьянского суда подлежали пересмотру, в том числе из-за ликвидации мировой юстиции и передачи части ее полномочий волостному суду.*

***Ключевые слова:** крестьяне, волостной суд, обычай, судопроизводство, закон, крестьянская реформа.*

Place and role of volost justice in the conditions of elimination of magistrate court

***Abstract:** topicality of the article bases on celebration in 2014 year of 150-year anniversary of implementation judicial reform in Russia which was part of social-economic and political-legal transformations of a management system and justice in the Russian Empire in 60-70 in XIX century, which provided organization on the territory of the empire of system of local courts. The provision on territorial local chiefs' regulating activity of volost justice since 1889 year. The implementation of the research objectives was achieved with the help of general scientific (dialectical method, analysis, synthesis, deduction) and special*

scientific methods (formal-legal, comparative-legal, historical). The author comes to the conclusions that at the end of the XIX century organizational and legal bases of activity of peasant court were subject to revision, including because of elimination of magistrate justice and transfer of part of its powers to volost court.

Keywords: *peasants, volost court, custom, legal proceedings, law, peasant reform.*

60–70-е гг. XIX в. вошли в историю Российского государства как период проведения «Великих реформ» Александра II — государственно-правовых преобразований системы управления и правосудия, военной и образовательной областей в Российской империи. В 2014 г. исполняется 150 лет судебной реформе, распространившей принципы равенства всех перед законом, гласности, народного представительства и определившей место волостных судов, учрежденных «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» в системе низших судебных инстанции России в конце XIX в.

Сословный суд в том виде, в каком он был учрежден «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г., просуществовал до 1889 г. Вместе с тем за три десятилетия произошли существенные изменения в деревенском быту, системе самоуправления и отправления правосудия. Актуализировался вопрос о реорганизации волостного суда с целью более эффективного обеспечения его дальнейшей деятельности.

С 1871 г. организовывались экспедиции и учреждались комиссии, целью которых было исследовать деятельность волостных судов, разрешить вопросы, связанные с его дальнейшим существованием [14]. В результате их члены пришли к общему решению сохранить сословный институт правосудия, изменив его организацию, а именно заменить съезд мировых посредников съездом мировых судей, наделив его полномочиями «руководящей инстанции» к волостным судам.

Необходимость пересмотра законодательства в сфере местного самоуправления и системы крестьянских судебных учреждений была очевидной спустя несколько лет с момента учреждения волостного суда. В соответствии с реформами 1860-х гг. создавались новые территориальные единицы империи и органы для их управления. Вместе с тем положения реформ не затронули вопросы местного административного строя. Фактически происходило слияние судебной и исполнительной власти села [5, с. 101–102]. Данные обстоятельства привели к учреждению 4 сентября 1881 г. комиссии под председательством статс-секретаря М.С. Каханова, основной задачей которой стала разработка программы реформ в сфере местного самоуправления. 16 апреля 1882 г. Комитетом министров был одобрен общий план деятельности комиссии, включавший разделы по переустройству сельского общества и волостного управления. Во второй раздел вошли вопросы сферы крестьянского правосудия.

В ходе работы комиссии была предложена новая организационно-правовая структура волости. Единоличным органом управления становился волостель, избираемый на 6 лет уездным земским собранием. Волостель становился общим органом управления, как земского, так и коронного. Следующий тип организации волости предусматривался проектом комиссии, впоследствии реализованным в ходе преобразований 1889 г. Волости объеди-

нялись в участки, возглавляемые участковыми начальниками преимущественно из дворян. В их компетенцию входила как административная, так и судебная власть. По мнению членов комиссии слияние судебной и административной ветвей власти способствовало устранению части недостатков местного управления, таких как: «многочисленность органов, отсутствие руководящей и надзирающей над крестьянским самоуправлением власти, беззащитность крестьянства от разных эксплуататоров и хищников, постоянные пререкания отдельных органов управления и т. д.» [5, с. 177].

Согласно общепринятому проекту комиссии волостной суд не подлежал ликвидации и по своему составу и компетенции продолжал оставаться сословным — крестьянским. Судьями могли стать лица не моложе 30 лет, избранные от каждого сельского общества в количестве до трех человек. Их утверждение в должности должно было производиться волостелем. Функции председателя суда возлагались на мирового судью. По мнению членов комиссии, указанные изменения могли способствовать устранению недостатков в деятельности волостных судов, поставить их на ту ступень благоустройства, на которой было бы желательно их видеть, пока не признано будет возможным приступить к совершенному их упразднению, что представлялось при «настоящем развитии крестьян еще преждевременным» [12, с. 6].

Между тем проект преобразований комиссии М.С. Каханова не получил одобрения имперского правительства. Программа же реформирования местного управления и сельского правосудия Алатырского уездного предводителя дворянства — одного из членов комиссии А.Д. Пазухина оказалась реализованной в 1889 г. Он считал земство неустойчивым институтом, имевшим случайный состав, что привело к дезорганизации Российской империи, призывал возвратиться к административному надзору за сельским и крестьянским общественным управлением с предоставлением широких прав органам такого надзора [4, с. 90]. Будучи членом правительственной комиссии, он придерживался проекта, выдвинутого Симбирской губернией, утверждая, что руководство волостью должно строиться на принципе единоначалия земского судьи, сосредоточившего административную и судебную власть. Земский судья должен был нести ответственность за общий порядок и спокойствие в волости, отправлять правосудие в пределах, предоставленных «нынешним мировым судьям», выполнять земско-хозяйственные функции, а также контролировать поступление всевозможных сборов [5, с. 195–196]. В должности земского судьи предлагалось утверждать исключительно лиц дворянского сословия.

Проект А. Д. Пазухина получил отражение в утвержденных Александром III 12 июля 1889 г. законоположениях: «Положении о земских участковых начальниках», «Правилах об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение», «Временных правилах о волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках» (далее — «Временные правила...»), «Правилах о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках». Основой данных нормативных правовых актов стал Указ «О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в империи» [11, с. 507–508], предусматривавший реформу органов местного управления.

Согласно нормам «Временных правил...» волостной суд состоял из четырех судей, один из которых решением уездного съезда земских начальников назначался председателем. Каждое сельское общество, находящееся в пределах волости, избирало по одному кандидату в судьи, достигшему возраста 35 лет, не судимому за кражу, мошенничество, присвоение или растрату чужого имущества, а равно не подвергавшемуся телесному наказанию, не являвшемуся содержанием питейных заведений, не занимавшему иную должность в волостном или сельском управлении. Четыре кандидата утверждались на должность решением земского начальника сроком на три года, а оставшиеся заменяли судей в случае их выбытия. Кандидаты заступали на должность, «если кто из них выбудет из должности раньше трехлетнего срока или окажется во временной отлучке, по болезни или по иной уважительной причине. Для такого заступления кандидатов в должность волостного судьи, земский начальник назначает между кандидатами очередь: кому, когда и за кого из судей заступать в должность» [7, с. 7]. В разрешении дел волостным судом участвовала постоянная коллегия, состоящая не менее чем из трех судей (ст. 9 «Временных правил...»). Заседания суда собирались не реже чем два раза в месяц, преимущественно по воскресеньям и праздничным дням (ст. 8 «Временных правил...»).

В результате, изменения в организации волостного суда были очевидны. По мнению ряда правоведов, волостные судьи, получившие свой статус в 1861 г., из разряда представителей крестьянства перешли в разряд сельских чиновников, т. к. уже не избирались напрямую из своей среды, а назначались на должность «посторонним лицом» некрестьянского сословия, «зачастую по своему разумению» [2, с. 189]. В то же время нормы «Временных правил...» придали им большой авторитет, указывая, что на должность судьи назначались крестьяне, «пользующиеся уважением своих односельчан и, по возможности, грамотные», приводимые к присяге, а при исполнении своих должностных обязанностей носившие специальный отличительный нагрудный знак волостного судьи.

По сравнению с «Общим положением о крестьянах...» нормы «Временных правил...» расширили пределы полномочий и предмет ведомства волостного суда. Исследователь дореволюционного гражданского права и процесса Е.В. Васильковский разграничил компетенцию волостного суда. В основу классификации был положен факт присутствия земского начальника в «местностях». Так, в тех уездах, где он отсутствовал, волостной суд ведал: 1) исками, цена которых не превышала 100 рублей, вытекавшими из обязательств или касавшимися прав на имущество, как движимого, так и недвижимого, в пределах крестьянского надела, а также исками о восстановлении нарушенного права владения; 2) исками между крестьянами и лицами других сословий, а также спорами по поводу прав на недвижимое имущество вне надела, при условии, если ответчик не требовал, чтобы дело рассматривалось общими судами; 3) всеми исками без ограничения цены как между крестьянами, так и между крестьянами и лицами других сословий при условии, если стороны согласились передать их на разрешение волостному суду. В тех уездах, где земский начальник присутствовал, волостной юстиции передавались на рассмотрение: 1) все иски между крестьянами об имуществе, входившем в состав

крестьянского надела, независимо от их цены; 2) дела, связанные с вопросом раздела имущества, переходившего по наследству, но не входившего в состав крестьянского надела, цена которого превышала 500 рублей; 3) иски между крестьянами, мещанами, посадскими, ремесленниками и цеховыми, постоянно проживавшими в волости, цена которых не превышала 300 рублей, за исключением исков о праве собственности или праве владения недвижимым имуществом, если основанием возникновения указанного права являлось нотариальное удостоверение; 4) перечисленные в п. 3 иски, если они были предъявлены не в подведомственный волостной суд, но стороны не имели по поводу данного факта возражений [3, с. 91–92].

С учетом преобладания уездов, за участками которых были закреплены земские начальники, компетенция волостного суда согласно «Временным правилам...» в сравнении с «Общим положением о крестьянах...» в рамках гражданского судопроизводства была значительно расширена. Данное обстоятельство связывалось, прежде всего, с ликвидацией мировой юстиции и передачей части ее дел крестьянскому суду. Кроме того, слияние на местном уровне исполнительной и судебной власти в лице земского начальника способствовало лучшему надзору и контролю за деятельностью волостного суда, вследствие чего у него появилось право рассматривать более сложные гражданские дела. Самых же крестьян новая организация сословного суда привлекала возможностью уладить «всякого рода споры и тяжбы» правовым способом [2, с. 193].

В соответствии с «Временными правилами...», а также с учетом ликвидации мировой юстиции волостной суд обладал полномочиями рассматривать не только дела по «маловажным» проступкам крестьян, но и правонарушения, указанные в «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» и входившие в компетенцию последних. К компетенции крестьянского суда относились проступки подведомственных ему лиц, предусмотренные статьями: 30, 31, 33–39, 41–43, 45–47, 49–52, 55–57, 61, 65, 66, 69, 70, 72, 73, 88, 89, 91, 92, 94–96, 98, 111, 115–128, 130–137, 139–143, 145–153, 178–180 «Устава о наказаниях...», а также ст. 169, 170, 172–174 в случае, если стоимость похищенного имущества не превышала 50 рублей или если хищения совершены впервые либо во второй раз. Впервые законодателем был частично регламентирован институт соучастия в совершении преступления. За проступок отвечал и подлежал наказанию не только тот, «кто сам его сделал, но и тот, кто в нем вместе с другими принял участие...» [7, с. 43].

Кардинальным отличием «Временных правил...» от «Общего положения о крестьянах...» являлось то, что у сторон споров и тяжб появилось право на обжалование неправосудных приговоров крестьянских судов. Его решения вступали в законную силу по истечении 30 дней с момента вынесения, если на них не были поданы жалобы сторон, участвовавших в деле (ст. 29). Вместе с тем в 1892 г. Государственный совет внес поправку о том, что в отношении крестьян, отказавшихся обжаловать действия волостного суда, решение вступало в законную силу незамедлительно. Жалобы с приложенной копией решения подавались на рассмотрение земскому начальнику через волостной суд с последующей передачей их уездному съезду земских начальников (ст. 30–31). При рассмотрении жалобы уездный съезд выносил одно из следующих решений:

отменить решение волостного суда; оставить в силе решение суда; вынести новое решение по существу дела; передать дело на новое рассмотрение в другой волостной суд (ст. 32). В результате, данные нововведения положительно отразились на правовой жизни крестьянства. Волостные судьи стали реже выносить «нелепые» и незаконные решения, широкое распространение получила обобщенная периодическая практика уездных съездов.

Нормативные правовые акты от 12 июля 1889 г. отразили перемены в крестьянском правосознании, произошедшие с момента издания «Общего положения о крестьянах...» от 19 февраля 1861 г., более четко формулировали организационно-правовые основы деятельности крестьянской волостной юстиции, конкретизировали порядок избрания судей, ход судебного разбирательства. Однако регламентация судебного процесса оставалась ограниченной, не затрагивались вопросы о способах предъявления иска, содержании исковых требований, порядке вызова сторон в волостной суд. Базовым же недостатком «Временных правил...» явилась ликвидация принципа, провозглашенного реформой освобождения крестьян — независимости крестьянского суда от «посторонних» влияний, в связи с введением контроля за его деятельностью представителями «местного дворянства» — земскими участковыми начальниками [6, с. 111].

В соответствии с «Временными правилами...» земский начальник утверждал четырех волостных судей из восьми избранных кандидатов, приводил их к присяге, а также решал, кому из волостных судей или волостному писарю вести делопроизводство (ст. 11). Он был обязан производить ревизию судов не реже двух раз в год. В его компетенцию входило разрешение вопроса о подсудности споров и тяжб (ст. 20, 21), прием жалоб крестьян для последующей передачи их в волостной суд и уездный съезд (ст. 22, 30). Земский начальник принимал окончательное решение о применении телесного наказания к осужденному, согласовывал отсрочку исполнения ареста до 6 месяцев.

Земские начальники осуществляли тотальный контроль за деятельностью волостных судов. Часть определений волостные судьи выносили «под их диктовку». Сами же земские начальники, оправдывая свое вмешательство в судопроизводство, отмечали, что, несмотря на их старания, суды в своем составе редко имели «грамотного» председателя, умевшего «с грехом пополам написать свою фамилию» [1, с. 41].

Институт земских участковых начальников объединил в себя две ветви власти деревни — административную и судебную, а также наделялся правом наказывать всех провинившихся крестьян. Согласно ст. 61 «Положения о земских участковых начальниках» [10, с. 510] земские начальники в случае неисполнения их распоряжений имели право «без всякого формального производства» подвергать лиц, «подведомственным крестьянскому общественному управлению», наказаниям в виде ареста до трех дней либо денежному штрафу до 6 рублей. Дворяне широко толковали и применяли указанную норму, чем внушили полнейшее нерасположение к себе со стороны крестьянства [6, с. 138]. Кроме того, в отношении должностных лиц сельского и волостного управления, включая судей, участковый начальник также применял различные виды наказаний вплоть до увольнения со службы (ст. 62

Положения о земских участковых начальниках). Негативное влияние земских участковых начальников на местное крестьянское судопроизводство было очевидным. Современники утверждали, что суду в данный период стали чужды понятия «закон, совесть и факты», вместо них определяющим стало «усмотрение земского начальника» [6, с. 83].

Таким образом, спустя 30 лет с момента учреждения волостной юстиции в 1861 г. ее организационно-правовые основы были кардинально пересмотрены. Эмпирической основой данных изменений служили материалы различных комиссий и экспедиций, изучивших обширную практику волостных судов, а также порядок применения ими юридических обычаев. На уровне органов государственной власти также принимались попытки разработки проектов реформирования местной юстиции, которые и легли в основу преобразований. Следует отметить, что реформирование волостного судопроизводства проходило на фоне процесса ликвидации мировой юстиции, в связи с чем в изданных в данный период нормативных правовых актах прослеживается желание законодателя создать единый институт местного судопроизводства, способный разбирать большое количество споров, возникавших в крестьянской среде. Вместе с тем сами сельские жители характеризовали волостные суды как «темные», «неумелые», которые «законов не знают» [1, с. 40]. В целом же «новому» суду были свойственны положительные черты из-за того, что его деятельность получила большую нормативную регламентацию. Недостатком стало учреждение института участкового начальника — должностного лица, объединившего в себе административную и судебную функции, фактически вершившего правосудие в волости через волостной суд.

Список литературы:

1. Безгин, В.Б. Волостные суды России: компетенция, состав, практика // Российский судья. — 2009. — № 9. — С. 40–43.
2. Бурбанк, Дж. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Известия вузов. Правоведение. — 2003. — № 2. — С. 188–196.
3. Васьковский, Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский. — М.: Издание бр. Башмаковых, 1914. — 572 с.
4. Верещагин, А.Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты) / А.Н. Верещагин. — М.: Междунар. отношения, 2002. — 192 с.
5. Гессен, В.М. Вопросы местного управления / В.М. Гессен. — СПб.: Право, 1904. — 242 с.
6. Леонтьев, А.А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах / А.А. Леонтьев. — СПб.: Юрид. кн. маг. И.И. Зубкова, 1914. — 364 с.
7. Муравьев, Н.В. Руководство для волостных судов в местностях, где учреждены земские участковые начальники / Н.В. Муравьев. — СПб.: Сенат. тип., 1901. — 161 с.
8. Об определении в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках, размера денежного вознаграждения волостного старшины, волостного писаря, помощника волостного писаря и сельского старосты: Мнение Гос. Совета от 1 ноября 1893 г. // ПСЗ РИ. — Т. XIII. — СПб., 1897. — С. 590.
9. Об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение : правила от 12 июля 1889 г. // ПСЗ РИ. — Т. IX. — СПб., 1891. — С. 524–528.

10. О земских участковых начальниках : положение от 12 июля 1889 г. // ПСЗ РИ. — Т. IX. — СПб., 1891. — С. 510–524.

11. О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в империи : сенатский Указ от 12 июля 1889 г. // ПСЗ РИ. — Т. IX. — СПб., 1891. — С. 507–508.

12. Пазухин, А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос / А.Д. Пазухин. — М.: Универ. тип., 1886. — 63 с.

13. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край : в 7 т. — СПб.: Тип. А. Траншеля. — Т. 1. — 1872 — 467 с.; Т. 2. — 1878. — 688 с.; Т. 3. — 1872. — 486 с.; Т. 4. — 1877. — 713 с.; Т. 5. — 1874. — 1209 с.; Т. 6. — 1872. — 408 с.; Т. 7. — 1872. — 609 с.

14. Труды комиссии по преобразованию волостных судов : в 6 т. — СПб. : Тип. Втор. Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии. — Т. 1. — 1873. — 851 с.; Т. 2. — 1873. — 670 с.; Т. 3. — 1873. — 670 с.; Т. 4. — 1873. — 705 с.; Т. 5. — 1874. — 567 с.; Т. 6. — 1874. — 754 с.

References:

1. Bezgin, V.B. Volostnyie sudyi Rossii: kompetentsiya, sostav, praktika / V.B. Bezgin // Rossiyskiy sudya. — 2009. — № 9. — С. 40–43.

2. Burbank, Dzh. Pravovaya reforma i pravovaya kultura: nepriznannyy uspeh volostnykh sudov v imperskoy Rossii / Dzh. Burbank // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. — 2003. — № 2. — С. 188–196.

3. Vaskovskiy, E.V. Uchebnik grazhdanskogo protsessa / E. V. Vaskovskiy. — М.: Izdanie br. Bashmakoviyh, 1914. — 572 s.

4. Vereschagin, A.N. Zemskiy vopros v Rossii (politiko — pravovyye aspekty) / A.N. Vereschagin. — М.: Mezhdunar. otnosheniya, 2002. — 192 s.

5. Gessen, V.M. Voprosyi mestnogo upravleniya / V. M. Gessen. — SPb.: Pravo, 1904. — 242 s.

6. Leontev, A.A. Krestyanskoe pravo. Sistematischeskoe izlozhenie osobennostey zakonodatelstva o krestyanah / A. A. Leontev. — SPb.: yurid.kn.mag. I. I. Zubkova, 1914. — 364 s.

7. Muravev, N.V. Rukovodstvo dlya volostnykh sudov v mestnostyakh, gde uchrezhdeniy zemskie uchastkovyye nachalniki / N. V. Muravev. — SPb.: Senat.tip., 1901. — 161 s.

8. Ob opredelenii v mestnostyakh, v kotorykh vvedeno polozhenie o zemskikh uchastkovykh nachalnikah, razmera denezhnogo voznagrashdeniya volostnogo starshiny, volostnogo pisarya, pomoschnika volostnogo pisarya i selskogo starostyi: Mnenie Gos. Soveta ot 1 noyabrya 1893 g. // PSZ RI. — Т. XIII.— СПб., 1897. — С. 590.

9. Ob ustroystve sudebnoy chasti v mestnostyakh, v kotorykh vvedeno oznachennoe Polozhenie : pravila ot 12 iyulya 1889 g. // PSZ RI. — Т. IX. — СПб., 1891. — С. 524–528.

10. O zemskikh uchastkovykh nachalnikah: Polozhenie ot 12 iyulya 1889 g. // PSZ RI. — Т. IX. — СПб., 1891. — С. 510–524.

11. O preobrazovanii mestnykh krestyanskh uchrezhdeniy i sudebnoy chasti v imperii: senatskiy Ukaz ot 12 iyulya 1889 g. // PSZ RI. — Т. IX. — СПб., 1891. С. 507–508.

12. Pazuhin A. D. Sovremennoe sostoyanie Rossii i sosloyniy vopros / A.D. Pazuhin. — М.: Univer. tip., 1886. — 63 s.

13. Trudy etnograficheskoy statisticheskoy ekspeditsii v zapadno-russkiy kraj : v 7 t. — SPb.: Tip. A. Transhelya. — Т. 1. — 1872 — 467 s.; Т. 2. — 1878. — 688 s.; Т. 3. — 1872. — 486 s.; Т. 4. — 1877. — 713 s.; Т. 5. — 1874. — 1209 s.; Т. 6. — 1872. — 408 s.; Т. 7. — 1872. — 609 s.

14. Trudy komissii po preobrazovaniyu volostnykh sudov : v 6 t. — SPb.: Tip. Vtor. Otd. Sobstv. E. I. V. Kantselyarii. — Т. 1. — 1873. — 851 s.; Т. 2. — 1873. — 670 s.; Т. 3. — 1873. — 670 s.; Т. 4. — 1873. — 705 s.; Т. 5. — 1874. — 567 s.; Т. 6. — 1874. — 754 s.

**• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Д.А. Смирнов,
*доктор юридических наук, профессор,
директор Юридического института
Северо-Кавказского федерального
университета, г. Ставрополь*

К.А. Струсь,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права,
Юридический институт Северо-
Кавказского федерального университета
(филиала) в г. Пятигорске*

D.A. Smirnov,
*the doctore of jurisprudence,
professor, director of Legal institute
of the North Caucasian federal university,
Stavropol
dmi197526@yandex.ru*

K.A. Strus,
*the candidate of jurisprudence,
the associate professor,
North Caucasian federal university
(branch) in Pyatigorsk
Konstantin.Strus@gmail.com*

**Образовательное законодательство
в современной России:
общая характеристика новаций**

Аннотация: актуальность статьи обусловлена необходимостью всестороннего рассмотрения механизмов реализации Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Цель статьи — критическое осмысление содержащихся в законодательстве об образовании новаций и механизмов их реализации. Реализация поставленной цели достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Авторы заключают, что система правового регулирования общественных отношений в сфере образования предполагает введение системы правовых актов подзаконного и локального правового регулирования, что делает оправданным закрепление в указанном Законе статьи с названием «правовая основа в сфере образования». При анализе принципов реализуемой государственной правовой политики в сфере образования отмечается отсутствие четкой гарантии бесплатного образования. Обращение к используемым терминам в законодательстве об образовании позволяет отметить недостатки в имеющихся формулировках. Рассматривается определяемое право для объединений работодателей осуществлять профессиональную общественную аккредитацию.

Ключевые слова: правовые основы образования; образовательное законодательство, новации образовательного законодательства, категории образовательного законодательства.

**The educational legislation in modern Russia:
general characteristic of innovations**

Annotation: the relevance of the article due to the need for a comprehensive review of mechanisms of realization of the Federal law on 29.12.2012 № 273-FZ «On education in the Russian Federation». The purpose of the article is a critical reflection contained in the legislation on education innovations and their implementation mechanisms. The realization of the set goals have been achieved using scientific (dialectical, analysis, synthesis) and Astronautic methods (formal-legal, comparative legal). The author makes a conclusion

that the system of legal regulation of public relations in the field of education involves the introduction of a system of legal acts, regulations and local legal regulation which justify the consolidation of the law article titled "the legal framework in the field of education". Analyzing the principles implemented by the state legal policy in the field of education there is a lack of clear and specific guarantees of free education. The reference to terms used in the law on education allows you to highlight shortcomings in the existing wording. Discusses defined right for employers to carry out professional public accreditation.

Keywords: legal bases of education; educational legislation, innovations of the educational legislation, category of the educational legislation.

Принятые Россией международные обязательства в сфере образования обуславливают актуальность вопроса о модернизации и системном реформировании образовательной нормативной базы с учетом передовых современных стандартов правового регулирования. Для формирования в современной России новой системы социально-политического и экономического управления необходима подготовка и переподготовка квалифицированных кадров на фундаментальной основе, опирающаяся на традиционный российский и инновационный зарубежный опыт. Эти и другие обстоятельства выступили основанием для принятия Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон № 273-ФЗ), который, с одной стороны, призван сохранить имеющиеся достижения, а с другой — перевести образовательную систему на новый, более совершенный уровень организации. В сложившейся ситуации требуется всестороннее осмысление отдельных инновационных положений названного Закона.

Обращение к ст. 4 закона № 273-ФЗ показывает, что законодатель для определения механизмов правового регулирования в сфере образования использовал категорию «система правового регулирования отношений в сфере образования», указав, что такая система состоит из нормативных правовых актов, составляющих законодательство об образовании.

Стоит заметить, что система правового регулирования общественных отношений в сфере образования не ограничивается только законодательством и предполагает введение системы правовых актов подзаконного и локального правового регулирования, что непосредственно предусматривается ч. 3 ст. 95; ч. 2 ст. 95 Закона № 273-ФЗ и др.

Таким образом, система правового регулирования в сфере образования предполагает использование блока разнообразных правовых актов, соединяющих в себе реализацию принципов, целей, комплекс необходимых структурно-функциональных и организационно-регламентирующих юридических средств. С этой точки зрения целесообразным выступает определение в законе № 273-ФЗ наиболее часто используемой законодателем категории «правовая основа» в сфере образования, что позволит обеспечить логическое единство законодательного содержания и правоприменительной формы.

Считаем оправданным предложить закрепление ст. 4 закона № 273-ФЗ в следующей редакции:

«Статья 4. Правовая основа сферы образования.

Правовую основу сферы образования составляют Конституция Российской Федерации, настоящий Федеральный закон, а также другие федеральные

законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, содержащие нормы, регулирующие отношения в сфере образования (далее — законодательство об образовании), а также обеспечивающие их реализацию правовые акты органов местного самоуправления, образовательных организаций, организаций, осуществляющих обучение, организаций, осуществляющих образовательную деятельность».

Анализ ст. 3 закона № 273-ФЗ, определяющей отдельные принципы реализуемой государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования, позволил выявить отсутствие гарантий бесплатности образования как базового принципа, закрепленного в ст. 43 Конституции РФ [3, с. 7]. Обращение к ст. 5 закона № 273-ФЗ, регламентирующей право на образование и государственные гарантии его реализации, позволяет отметить гарантированность, общедоступность и бесплатность образования различного уровня, но только в рамках и объеме, предусмотренных федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС).

Из сказанного следует, что определяемая законом роль государства сводится лишь к обеспечению единых институциональных условий для получения образования, исключая механизмы поддержки в условиях рыночного пространства, а прямые конституционные гарантии права на образование постепенно сменяются на гарантии косвенного характера.

Безусловным достижением закона № 273-ФЗ выступает закрепление в ст. 2 четкого и пространного понятийного аппарата, включающего в себя 34 определения, отдельные из которых можно понять неоднозначно.

В определении понятия «уровень образования», законодатель подчеркнул завершенность образовательного цикла. Закон № 273-ФЗ определяет следующее содержание уровней образования: общее — направленное на развитие личности и приобретение ею в процессе образования знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых для жизни в обществе; профессиональное образование — вид образования, позволяющий вести профессиональную деятельность по конкретной профессии или специальности; профессиональное обучение — как более узкий вид образования, дающий человеку возможность повышения уровня образования; дополнительное обучение, не обеспечивающее повышение уровня образования.

Указанные трактовки оставляют вопросы, на которые нет однозначного ответа. Во-первых, Конституция России гарантирует право человека на основное общее и среднее профессиональное образование. Являются ли перечисленные в Законе № 273-ФЗ уровни образования аналогичными упомянутому в Конституции? Во-вторых, Конституция России гарантирует право каждого человека на образование, а Закон № 273-ФЗ говорит о праве личности на приобретение знаний. Возникает ряд вопросов: а) кто является личностью; б) наделен ли правом на получение общего образования человек, имеющий те или иные отставания в умственном развитии? В-третьих, кому нужно дополнительное образование, не сопровождающееся повышением уровня образования?

Продолжая рассмотрение категорий, стоит отметить, что Закон № 273-ФЗ положил конец многолетним спорам вокруг понятий «академическая степень» и «квалификация», определив первое как характеристику уровня высшего образования (бакалавра, специалиста и магистра), а второе — как готовность к занятию определенного вида профессиональной деятельностью или к выполнению конкретных трудовых функций.

В развитие ч. 5 ст. 43 Конституции России Закон № 273-ФЗ определил понятие государственного образовательного стандарта. В целях систематизации и обеспечения единых требований, предъявляемых к профессиональному образованию, Правительство РФ закрепило необходимость учета профессиональных стандартов при разработке федеральных государственных образовательных стандартов. Постановление Правительства РФ принято во исполнение ст. 11 Закона № 273-ФЗ. Согласно данному документу Минобрнауки России обязано в течение года после принятия того или иного профстандарта разработать проект соответствующего образовательного стандарта (либо внесения изменений в существующий образовательный стандарт) [2, с. 3]. Понятие профстандарта было закреплено в Федеральном законе от 3 декабря 2012 г. № 236-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 1 Федерального закона “О техническом регулировании”» [2, с. 5]. Первые профстандарты (педагога, специалиста по патентоведению и специалиста по социальной работе) были приняты в октябре 2013 г. С тех пор список регулярно пополняется (по состоянию на июль 2014 г. в нем появились 124 специальности). Всего в ближайшие годы планируется принять около 800 стандартов.

Следующей категориальной новеллой Закона № 273-ФЗ является широкий подход к определению понятия «обучающийся», под которым понимается лицо, не только зачисленное в организацию, но и получающее семейное образование и самообразование.

Закон № 273-ФЗ представил четкое определение понятия «образовательная деятельность», под которой понимается деятельность по реализации основных и дополнительных образовательных программ. При этом право на осуществление этой деятельности получили не только юридические лица, но и индивидуальные предприниматели. Законодатель подчеркнул, что образовательной организацией может именоваться только организация, для которой такого рода деятельность является основной (уставной).

Широкий подход отражен в Законе № 273-ФЗ к определению понятия «педагогический работник», куда предлагается включить не только лиц, осуществляющих образовательную деятельность, т. е. обучение и воспитание учащихся, но и лиц, занимающихся организацией воспитательного процесса (методистов, деканов и др.).

В Законе № 273-ФЗ даны определения образовательного процесса и его основополагающих компонентов, включающих в себя процесс обучения, воспитания и развития человека, осуществляемый во всех перечисленных выше формах обучения в форме реализации образовательных программ, учебных курсов, предметов и дисциплин. В рамках образовательного процесса осуществляется практика (учебная, производственная, преддипломная),

направленная на развитие и закрепление практических навыков обучаемых, их профессиональная ориентация и профильное обучение. Отдельно разъяснено понятие «трудоемкость обучения» — как количественная (в часах и степени сложности) характеристика учебной нагрузки обучаемого. Завершается каждый цикл учебного процесса, а также весь его объем аттестацией обучающихся (выпускников), под которой понимается процедура оценки уровня освоения обучающимися части или всего объема учебного курса, предмета, дисциплины или программы.

В соответствии с Международной стандартной классификацией образования уточняется система уровней образования в Российской Федерации, а также корректируются названия отдельных уровней.

В статье 10 Закона № 273-ФЗ на основе положений Конституции РФ и с учетом Болонской декларации все образование в Российской Федерации разделено на две большие группы: общее и профессиональное, критерием разграничения которых является направленность образовательных программ. В Законе № 273-ФЗ закрепляются следующие уровни общего образования: дошкольное, начальное общее, основное общее, среднее общее и уровни профессионального образования: среднее профессиональное, высшее (бакалавриат), высшее (специалитет, магистратура), высшее (подготовка кадров высшей квалификации).

Из содержания ст. 10 Закона № 273-ФЗ следует, что вводится еще один уровень высшего образования — подготовка кадров высшей квалификации, к которому отнесены программы подготовки научно-педагогических кадров, ординатуры, ассистентуры-стажировки. Такая форма подготовки научных кадров как докторантура, выведена из перечня образовательных программ и уровней образования.

Новацией содержательной части образования является отнесение к ней профессионального обучения, обеспечивающего возможность реализации права на образование на протяжении всей жизни (непрерывного образования). Гарантируются условия для непрерывного образования с учетом соблюдения преемственности основных и различных дополнительных образовательных программ. Кроме того, имеется возможность одновременного освоения нескольких образовательных программ, а также учитываются имеющиеся образование, квалификация, опыт практической деятельности при получении образования.

В развитие указанных положений п. 3 ст. 89 Закона № 273-ФЗ определена возможность допуска к освоению программ магистратуры лиц, имеющих высшее образование любого уровня. Однако реализация данного положения на практике привела к тому, что в магистратуру стали поступать лица, не имеющие базовых знаний по заявленному в магистерской программе направлению подготовки. Как следствие, освоение программы, требующей получения углубленных академических знаний, существенно затруднено. В связи с этим важно обратить внимание на необходимость корректировки либо уточнения данного положения, с указанием возможности поступления в магистратуру лиц, имеющих высшее образование соответствующего профиля.

В качестве новелл также можно отметить развитие механизмов участия общественных институтов и граждан в управлении образованием и деятельностью образовательных организаций. В Законе № 273-ФЗ закреплён ряд

норм, определяющих конкретные инструменты реализации государственного общественного характера управления образованием — нормы о педагогической экспертизе, впервые нашедшие свое отражение в ст. 94 Закона № 273-ФЗ. Педагогическая экспертиза может проводиться в отношении как уже принятых (действующих), так и готовящихся к принятию (проектов) нормативных актов; институт независимой оценки качества образования профессионально-общественной аккредитации образовательных программ, суть которой заключается в необходимости определения уровня обеспечения организации образовательного процесса, а также предоставлении необходимой информации потребителям образовательных услуг, формировании образовательного рейтинга среди образовательных организаций как внутри страны, так и на международной арене.

Итоговой составляющей деятельности по независимой оценке качества является повышение конкурентоспособности российских образовательных организаций на российском и международном рынке образовательных услуг. Именно качество образования становится основным критерием оценки: на основе результатов оценки качества образования формируются национальные и глобальные рейтинги образовательных программ, популярных в странах — участницах Болонского процесса (преимущественно в Западной Европе (Англия, Германия, Франция), а также в США и ряде развитых стран Азиатско-Тихоокеанского региона (КНР, Сингапур, Южнокорейская Республика)).

Новацией образовательного законодательства выступает появление в его нормах института общественной аккредитации, закрепленного в ст. 96 Закона № 273-ФЗ. Под общественной аккредитацией понимается признание соответствия уровня деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность, критериям и требованиям российских, иностранных и международных организаций. Такой инструмент публичного участия в контроле образовательной деятельности образовательных организаций широко распространен в западных странах и получает постепенное развитие в отечественной практике. Деятельность общественных аккредитационных структур строится на самостоятельности и автономии от аналогичной деятельности государственных аккредитационных органов. Поэтому организация, осуществляющая общественную аккредитацию, самостоятельно определяет порядок ее проведения и права, предоставляемые образовательной организации по итогам аккредитации.

Существенным фактором, способным повлиять на качество подготовки кадров и улучшение образовательного процесса, считается право объединений работодателей соответствующих отраслей осуществлять профессионально-общественную аккредитацию профессиональных образовательных программ, реализуемых организацией, осуществляющей образовательную деятельность.

Объектами общественно-профессиональной оценки образовательных программ являются:

1) качество образования:

- оценка результатов обучения, в том числе оценка соответствия ожидаемых и фактических результатов обучения актуальным запросам рынка труда;
- оценка востребованности выпускников на рынке труда;
- удовлетворенность студентов качеством образования;

-
- 2) гарантии качества образования, формируемые:
- образовательными целями образовательной программы;
 - структурой и содержанием образовательной программы;
 - учебно-методическими материалами, используемыми для реализации образовательной программы;
 - технологиями и методиками образовательной деятельности, применяемыми в рамках реализации образовательной программы;
 - профессорско-преподавательским составом, задействованным в реализации образовательной программы;
 - научно-исследовательской деятельностью и реализацией ее результатов в учебном процессе;
 - образовательными и материально-техническими ресурсами образовательной программы;
 - организацией и управлением процессом реализации образовательной программы;
 - участием работодателей в реализации образовательной программы;
 - участием студентов в определении содержания и организации учебного процесса;
 - студенческими сервисами;
 - оценкой качества подготовки абитуриентов.

По результатам профессионально-общественной аккредитации могут формироваться объективные и достоверные рейтинги образовательных организаций по конкретным специальностям (направлениям) подготовки.

Профессионально-общественным организациям и их объединениям предоставляется самостоятельность и автономия деятельности, что позволяет им самостоятельно устанавливать порядок проведения аккредитации и определять права аккредитованных ими образовательных организаций. Между тем, в отличие от общественной аккредитации, результаты профессионально-общественной аккредитации могут учитываться при проведении государственной аккредитации образовательной организации, осуществляемой аккредитационными контрольно-надзорными органами.

Организация профессионально-общественной аккредитации обеспечивается за счет средств соответствующих профессиональных объединений, поэтому не требует каких-либо дополнительных финансовых обязательств со стороны государства.

Завершая обзор вышеуказанных законодательных новелл, следует также обратить внимание на впервые закрепленные на законодательном уровне отдельные нормы Закона № 273-ФЗ, посвященные:

- кредитно-модульной системе организации образовательного процесса и системе зачетных единиц (ст. 13);
 - сетевому взаимодействию при реализации образовательных программ, включая механизм зачета результатов освоения отдельных частей образовательной программы в сторонних организациях (ст. 15);
 - использованию дистанционных образовательных технологий в образовательном процессе (ст. 16);
-

– обучению по интегрированным образовательным программам (ст. 72, 83, 84, 86);
– образовательным и информационным ресурсам в образовательном процессе (ст. 18, 19) и др.

Кроме того, впервые на законодательном уровне закрепляются особенности организации и предоставления образования гражданам, проявившим выдающиеся способности, иностранным гражданам и лицам без гражданства, а также лицам, нуждающимся в дополнительной социальной и правовой поддержке.

Список литературы:

1. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2012. — № 53, ч. 1, ст. 7598.
2. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О техническом регулировании» : федеральный закон РФ от 3 декабря 2012 г. № 236-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2012. — № 50, ч. 5, ст. 6959.
3. Кирилловых, А.А. Новое образовательное законодательство: базовые правовые институты и новации // Адвокат. — 2013. — № 2. — С. 5–19.
4. Правительство РФ обязало разработчиков образовательных стандартов учитывать профстандарты. URL: <http://www.garant.ru/news/564851/#ixzz3DXdBXdKp> (дата обращения: 16.09.2014).

References:

1. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon RF ot 29 dekabrja 2012 g. № 273-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2012. — № 53, ch. 1, st. 7598.
2. O vnesenii izmenenij v Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii i stat'ju 1 Federal'nogo zakona «O tehničeskom regulirovanii» : federal'nyj zakon RF ot 3 dekabrja 2012 g. № 236-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2012. — № 50, ch. 5, st. 6959.
3. Kirillovyh, A.A. Novoe obrazovatel'noe zakonodatel'stvo: bazovyje pravovyje instituty i novacii // Advokat. — 2013. — № 2. — S. 5–19.
4. Pravitel'stvo RF objazalo razrabotčikov obrazovatel'nyh standartov uchityvat' profstandarty. URL: <http://www.garant.ru/news/564851/#ixzz3DXdBXdKp> (data obrashhenija: 16.09.2014).

М.А. Захарова,
*начальник Главного управления,
Министерство юстиции Российской
Федерации по Ставропольскому краю*

М.А. Zaharova,
*The Chief of the Ministry of Justice
of the Russian Federation
for the Stavropol Territory
mvt68@yandex.ru*

**Организационно-правовые вопросы построения
системы территориальных органов федеральных
органов исполнительной власти**

Аннотация: актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения принципов, порядка и правового регулирования организации исполнительной власти в Российской Федерации. В соответствии с российским законодательством федеральные органы исполнительной власти создают

в субъектах Российской Федерации свои территориальные подразделения. Территориальные органы федеральных органов исполнительной власти имеют особый правовой статус, который отличается от правового статуса федеральных органов исполнительной власти и от правового статуса органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В статье рассмотрены отдельные вопросы нормативно-правового регулирования организации функционирования системы территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, включая проблемы их учреждения и формирования.

Ключевые слова: территориальные органы, исполнительная власть, федеральные органы, учреждение органов, формирование органов.

Organizational and legal issues of building a system of territorial bodies of federal executive bodies

Abstract: relevance of article is caused by need of studying of the principles, an order and legal regulation of the organization of executive power in the Russian Federation. According to the Russian legislation, federal executive authorities create the territorial divisions in subjects of the Russian Federation. Territorial authorities of federal executive authorities special legal status which differs from legal status of federal executive authorities and from legal status of executive authorities of subjects of the Russian Federation. In article single questions of standard and legal regulation of the organization of functioning of system of territorial authorities of federal executive authorities, including problems of their establishment and formation are considered.

Keywords: territorial bodies of the executive power, federal agencies, the establishment of bodies, the formation of organs.

Нормативным основанием формирования территориальных органов федеральных органов исполнительной власти служит ч. 1 ст. 78 Конституции РФ, где установлено, что федеральные органы исполнительной власти в целях реализации своих полномочий вправе создавать территориальные органы.

От того, насколько рационально организована система территориальных органов, во многом зависит эффективность государственного управления в целом, поскольку территориальные органы выполняют функции и полномочия федеральных органов исполнительной власти непосредственно на местах, осуществляя предоставление государственных услуг гражданам и организациям, управление государственным имуществом, контрольно-надзорные полномочия, деятельность по обеспечению законности и правопорядка.

Наличие конституционного статуса, а также важная роль в реализации целей и задач государственного управления обуславливают необходимость надлежащего нормативного закрепления правового положения территориальных органов федеральных органов исполнительной власти. Однако в настоящее время организационный и компетенционный элементы их правового статуса в общем виде установлены подзаконным нормативным актом, принятым более 20 лет назад, — Постановлением Правительства РФ от 27 мая 1993 г. № 491 «О порядке создания и деятельности территориальных органов министерств и ведомств Российской Федерации» [1], не претерпевшим с тех пор никаких изменений и закрепляющим архаичную модель организации территориальных органов на платформе, заложенной еще до проведения конституционной реформы. В силу этого ряд положений данного нормативного

акта не отражает существующих конституционно-правовых реалий, вступая с ними в противоречия.

Следует отметить наличие и параллельного подзаконного нормативно-правового регулирования организации территориальных органов, которым несколько модифицированы отдельные вопросы их организационно-правового статуса. В первую очередь, речь идет о Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти [2], в разд. 5 которого подобная регламентация имеет место. Данный правительственный акт в силу более поздней даты принятия должен применяться при разрешении коллизий в приоритетном порядке. Кроме того, установленные в нем правила в значительной степени продублированы и дополнены нормами разд. 9 Типового регламента внутренней организации федеральных органов исполнительной власти [3].

Обращает на себя внимание тот факт, что в этих регламентах отсутствуют какие-либо упоминания о полномочиях органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, связанных с созданием территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и назначением на должности их руководителей.

Во-первых, в типовых регламентах не оговаривается согласование с региональными органами вопросов создания, реорганизации и ликвидации территориальных органов. Образование территориального органа федерального органа исполнительной власти, а также его реорганизация или упразднение осуществляются руководителем федерального органа путем принятия решения на основании схемы размещения территориальных органов, утверждаемой либо Правительством РФ для подчиненных ему федеральных служб и федеральных агентств, либо федеральными министерствами для находящихся в их ведении федеральных органов исполнительной власти. Таким образом, установлен дифференцированный порядок учреждения территориальных органов в зависимости от их подчиненности, что согласуется с созданной в результате административной реформы трехзвенной системой федеральных органов исполнительной власти, предусматривающей подведомственность федеральных служб и агентств соответствующим федеральным министерствам либо непосредственно Президенту РФ или Правительству РФ [13].

Во-вторых, нормативно-правовое регулирование назначения на должность руководителей территориальных органов не содержит упоминания о согласовании кандидатур с исполнительными органами государственной власти тех субъектов Федерации, на территории которых функционируют данные органы. Таким образом, была учтена правовая позиция Конституционного Суда РФ, отраженная в двух его постановлениях [5, 6] по делам о проверке конституционности ряда положений основных законов субъектов Российской Федерации, которыми установлено их противоречие ч. 1 ст. 78 Конституции РФ в части обязательности согласования кандидатур на должности руководителей территориальных органов с органами государственной власти субъектов Российской Федерации. В связи с этим, как указал Конституционный Суд РФ, приоритетное значение в кадровом обеспечении федеральных органов исполнительной власти, имеет решение федерального

органа, возглавляющего соответствующую систему, если назначение руководителя территориального органа в порядке согласования не предусмотрено федеральным законом при условии возложения на соответствующие территориальные органы осуществления полномочий Российской Федерации по вопросам совместного ведения Федерации и ее субъектов.

Представляется, что и иные организационные моменты, для которых Постановлением Правительства РФ «О порядке создания и деятельности территориальных органов министерств и ведомств Российской Федерации» предусмотрено согласование с органами исполнительной власти субъектов Федерации, — численность аппарата, структура, штаты и фонд оплаты труда территориальных органов — должны решаться самостоятельно должностными лицами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Данный момент был отражен в п. 1.5 Типового регламента внутренней организации федеральных органов исполнительной власти, где указано, что структура и штатное расписание аппарата территориального органа федерального органа исполнительной власти утверждаются руководителем территориального органа в пределах установленного фонда оплаты труда и численности на основе утвержденной схемы размещения территориальных органов.

На законодательном уровне отдельные вопросы организационно-правового статуса территориальных органов урегулированы в ст. 24 и 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [14], где говорится об участии законодательного органа субъекта Российской Федерации в согласовании назначения на должность руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, если это предусмотрено в федеральном законе, и о реорганизации этих органов при передаче органам государственной власти субъектов Федерации полномочий Российской Федерации по предметам ее исключительного ведения или совместного ведения, осуществляемых территориальными органами федеральных органов исполнительной власти.

Согласно пункту 1 Постановления Правительства РФ «О порядке создания и деятельности территориальных органов министерств и ведомств Российской Федерации» территориальные органы федеральных органов исполнительной власти входят в систему органов исполнительной власти Российской Федерации, осуществляют свою деятельность под руководством соответствующих центральных органов, а по вопросам, входящим в компетенцию субъектов Федерации, — во взаимодействии с соответствующими органами исполнительной власти субъектов Федерации. Необходимо отметить некорректность (с точки зрения существующих конституционных реалий) формулировки о вхождении территориальных органов в систему органов исполнительной власти Российской Федерации, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 77 Конституции РФ единую систему исполнительной власти в Российской Федерации в пределах ее исключительного ведения и полномочий по предметам совместного ведения составляют два звена — федеральные органы ис-

полнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Территориальные органы как федеральных, так и региональных органов исполнительной власти не могут быть самостоятельными элементами структуры этой системы ввиду организационно-иерархической взаимосвязи с теми органами, в систему которых они входят.

Применительно к территориальным органам федеральных органов исполнительной власти следует сказать, что в качестве отдельного звена в системе федеральной исполнительной власти они также не рассматриваются, если исходить из содержания Указа Президента от 9 марта 2004 г. «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [13]. Поэтому наиболее корректным будет утверждение о вхождении этих органов в систему каждого федерального министерства, службы или агентства, по положениям о которых предполагается их создание, наряду с иными звеньями — центральным аппаратом федерального органа исполнительной власти, подведомственными ему федеральными государственными предприятиями и учреждениями и в ряде случаев некоторыми иными структурами (такими как загранучреждения МИД России).

Вместе с тем в своей совокупности территориальные органы сами образуют систему, поскольку такая совокупность обладает определенными признаками системности — едиными принципами организации, общим исполнительно-распорядительным характером деятельности, общей формой административной соподчиненности (иерархическая подчиненность вышестоящим территориальным органам и федеральному органу исполнительной власти), общими началами и едиными правилами организации различных территориальных органов (единые наименования, общий порядок формирования и др.) [6, с. 88; 10, с. 24; 11, с. 161].

Тем не менее одной из задач совершенствования нормативно-правового регулирования в данной сфере в настоящее время является устранение его разрозненности, дублирования и несогласованности, а также сведение всех правил, касающихся порядка организации и функционирования территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, в едином нормативном акте. Эта проблема касается в целом системы органов исполнительной власти в Российской Федерации, и совершенствование порядка организации территориальных органов должно осуществляться в контексте общих направлений модернизации исполнительной власти. В связи с этим следует поддержать позицию ученых-административистов о необходимости разработки и принятия федеральных законов о системе органов исполнительной власти [8, с. 56], о федеральных органах исполнительной власти [9, с. 16] в целях повышения обоснованности и эффективности системы и структуры органов исполнительной власти.

На наш взгляд, общие принципы организации территориальных органов исполнительной власти необходимо урегулировать в специальном разделе Федерального закона «О системе федеральных органов исполнительной власти», принятие которого позволит обеспечить стабильность федеральной исполнительной власти в целом и устранить бессистемное подзаконное регулирование организации деятельности территориальных органов.

Процесс создания органа государственной власти представляет собой неоднородную процедуру, включающую вопросы его учреждения и формирования.

Данные понятия следует отличать друг от друга, поскольку учредить орган означает дать ему наименование, обозначить его место в системе, а сформировать — значит установить его полномочия, определить звенья аппарата, осуществить подбор и расстановку кадров, т. е. сделать жизнеспособной структурой [7, с. 55].

В связи с этим необходимо законодательно четко определить и разграничить полномочия по учреждению территориального органа федерального органа исполнительной власти и по его формированию. Следует в систематизированном виде регламентировать вопросы учреждения территориальных органов в зависимости от подведомственности федеральных органов исполнительной власти, в систему которых они входят, т. е. порядок учреждения территориальных органов: а) федеральных министерств, служб и агентств, руководство деятельностью которых осуществляет Президент РФ; б) федеральных служб и агентств, подведомственных «президентским» министерствам; в) федеральных министерств, служб и агентств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство РФ; г) федеральных служб и агентств, подведомственных «правительственным» министерствам.

Так же детализированно в федеральном законе необходимо регламентировать вопросы формирования, в том числе назначения на должность руководителей территориальных органов, определения структуры аппарата, штатной численности, комплектования их состава и, кроме того, вопросы реорганизации и упразднения территориальных органов.

На федеральном уровне не определены также критерии отнесения тех или иных структур, выполняющих функции соответствующих федеральных органов исполнительной власти на территории России, к территориальным органам. Например, в системе Министерства обороны РФ функционируют управления военных округов, органы управления флотов, военные представительства министерства на предприятиях, которые согласно Положению о Минобороны России [12] к числу территориальных органов не отнесены, хотя данное министерство выполняет свои функции и полномочия как непосредственно, так и через вышеназванные органы управления. В то же время военные комиссариаты являются территориальными органами Минобороны России.

Кроме того, к территориальным органам традиционно относятся только те органы, которые осуществляют деятельность на территории Российской Федерации на различных уровнях — межрегиональном, в том числе по бассейновому принципу, региональном, межрайонном, районном, городском. В то же время отдельные федеральные органы исполнительной власти имеют структуры, реализующие их функции и полномочия за рубежом (Россотрудничество, МИД России, в перспективе Ростуризм), общие положения о статусе которых как территориальных органов или в ином качестве также необходимо урегулировать в федеральном законодательстве.

Законодательное решение изложенных выше вопросов, а также иных проблем, связанных с определением видов (организационно-правовых форм) территориальных органов, их компетенции позволит более эффективно организовать систему государственного управления, сформировать компактный и удобный механизм реализации федеральной исполнительной власти на местах.

Список литературы:

1. О порядке создания и деятельности территориальных органов министерств и ведомств Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 27 мая 1993 г. № 491 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 1993. — № 22.
2. О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти : постановление Правительства РФ от 19 января 2005 г. № 30 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2005. — № 4, ст. 305.
3. О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти : постановление Правительства РФ от 28 июля 2005 г. № 452 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2005. — № 31, ст. 3233.
4. По делу о проверке конституционности ряда положений Устава — Основного закона Читинской области : постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 1996 г. № 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 7, ст. 700.
5. По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Тамбовской области : постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 1997 г. № 19-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1997. — № 51, ст. 5877.
6. Конин, Н.М. Административное право : учебник для бакалавров / Н.М. Конин, Е.И. Маторина. — М.: Юрайт, 2014. — 574 с.
7. Манохин, В.М. Административное право России : учебник / В.М. Манохин. — Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2010. — 266 с.
8. Петров, М.П. Исполнительная власть и общество в условиях административной реформы / М.П. Петров. — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «СГАП», 2009. — 172 с.
9. Петров, М.П. Концепция институционального развития исполнительной власти в Российской Федерации (проект) / М.П. Петров. — Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «СГЮА», 2012. — 56 с.
10. Смирнов, Д.А. Принципы российского налогового права: теоретические и практические аспекты формирования и реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Д.А. Смирнов. — Саратов, 2011. — 58 с.
11. Смирнов, Д.А. Принципы современного российского налогового права / Д.А. Смирнов. — М.: Юрлитинформ, 2009. — 312 с.
12. Вопросы Министерства обороны Российской Федерации : Указ Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1082 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2004. — № 34, ст. 3538.
13. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2004. — № 11, ст. 945.
14. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федеральный закон РФ от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1999. — № 42, ст. 5005.

References:

1. O porjadke sozdanija i dejatel'nosti territorial'nyh organov ministerstv i ve-domstv Rossijskoj Federacii : postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27 maja 1993 g. № 491 // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF. — 1993. — № 22.
2. O Tipovom reglamente vzaimodejstvija federal'nyh organov ispolnitel'noj vla-sti : postanovlenie Pravitel'stva RF ot 19 janvarja 2005 g. № 30 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2005. — № 4, st. 305.
3. O Tipovom reglamente vnutrennej organizacii federal'nyh organov ispolni-tel'noj vlasti : postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28 ijulja 2005 g. № 452 // Sobr. zakono-datel'stva Ros. Federacii. — 2005. — № 31, st. 3233.

4. Po delu o proverke konstitucionnosti rjada polozhenij Ustava — Osnovnogo zakona Chitinskoj oblasti : postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 1 fevralja 1996 g. № 3-P // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 1996. — № 7, st. 700.
5. Po delu o proverke konstitucionnosti rjada polozhenij Ustava (Osnovnogo zakona) Tambovskoj oblasti : postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 10 dekabnja 1997 g. № 19-P // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 1997. — № 51, st. 5877.
6. Konin, N.M. Administrativnoe pravo : uchebnik dlja bakalavrov / N.M. Konin, E.I. Matorina. — M.: Jurajt, 2014. — 574 s.
7. Manohin, V.M. Administrativnoe pravo Rossii : uchebnik / V.M. Manohin. — Saratov: Aj Pi Jer Media, 2010. — 266 s.
8. Petrov, M.P. Iсполнител'naja vlast' i obshhestvo v uslovijah administrativnoj re-formy / M.P. Petrov. — Saratov: Izd-vo GOU VPO «SGAP», 2009. — 172 s.
9. Petrov, M.P. Koncepcija institucional'nogo razvitija ispolnitel'noj vlasti v Rossijskoj Federacii (proekt) / M.P. Petrov. — Saratov: Izd-vo FGBOU VPO «SGJuA», 2012. — 56 s.
10. Smirnov, D.A. Principy rossijskogo nalogovogo prava: teoreticheskie i prakticheskie aspekty formirovanija i realizacii : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / D.A. Smirnov. — Saratov, 2011. — 58 s.
11. Smirnov, D.A. Principy sovremennogo rossijskogo nalogovogo prava / D.A. Smirnov. — M.: Jurlitinform, 2009. — 312 s.
12. Voprosy Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii : Ukaz Prezidenta RF ot 16 avgusta 2004 g. № 1082 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2004. — № 34, st. 3538.
13. O sisteme i strukture federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti : Ukaz Prezidenta RF ot 9 marta 2004 g. № 314 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2004. — № 11, st. 945.
14. Ob obshhiih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'-nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti subjektov Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon RF ot 6 okjabnja 1999 g. № 184-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 1999. — № 42, st. 5005.

М.С. Трофимов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного и
финансового права,
Юридический институт Северо-
Кавказского федерального
университета

M.S. Trofimov,
candidate of jurisprudence,
associate professor of the administrative
and financial law,
Legal institute of the North Caucasian
federal university
sim-pai@mail.ru

Дискуссионность закрепления обязательности решений, принятых на публичных слушаниях и на основании опросов населения муниципального образования

Аннотация: в законодательстве Российской Федерации закреплено большое количество форм непосредственной демократии, которые помогают населению участвовать в управлении делами государства. Больше всего таких форм закреплено законодательством о местном самоуправлении. Формы непосредственной демократии в системе местного самоуправления имеют различное значение для организации управления. Решения населения, принятые на основании одних форм, будут обязательны для органов местного самоуправления, а решения, принятые на основе других форм, будут носить лишь рекомендательный характер. Статья посвящена исследованию влияния решений, принятых населением на основании опросов граждан и публичных слушаний, на деятельность органов местного самоуправления в Российской Федерации.

Ключевые слова: местное самоуправление, демократия, мнение населения, публичные слушания, опрос граждан.

Debatable fixing binding decision adopted at the public hearings and surveys of the population of the municipality

Abstract: The legislation of the Russian Federation contains a large number of forms of direct democracy which help the population to participate in administration of the state. Most of all such forms it is fixed by the legislation on local government. Forms of direct democracy in system of local government have various value for the organization of management. The decisions of the population made on the basis of one forms will be obligatory for local governments, and the decisions made on the basis of others a form will have only advisory nature. Article is devoted to research of influence of the decisions made by the population on the basis of polls of citizens and public hearings on activity of local governments in the Russian Federation.

Keywords: local government, democracy, opinion of the population, public hearings, poll of citizens.

Принципиально важно, что в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] (далее — Закон «Об общих принципах...») местное самоуправление понимается как форма народовластия. Именно население самостоятельно осуществляет местное самоуправление через формы непосредственной демократии и опосредованно участвует в управлении, реализуя свое право на самоуправление с помощью форм представительной демократии. Население муниципального образования определяет структуру и формирует органы местного самоуправления, делегируя им часть своих полномочий по осуществлению муниципального управления.

Следовательно, для наиболее эффективного и успешного осуществления местного самоуправления в законодательстве должны быть закреплены различные формы как прямой, так и опосредованной демократии.

В настоящей статье речь пойдет о некоторых формах непосредственной демократии в системе местного самоуправления, их месте в системе форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, о характере мнения населения, выясненного с помощью консультативных форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления и гарантировании эффективного осуществления местного самоуправления в России, в частности, через повышение значения мнения населения, выявленного на основе публичных слушаний и опросов граждан.

Итак, В.В. Комарова классифицирует формы непосредственной демократии при осуществлении местного самоуправления следующим образом:

- императивные формы прямого волеизъявления граждан — местный референдум; муниципальные выборы; отзыв выборного должностного лица и депутата выборного органа местного самоуправления избирателями; собрание (сход), съезд (конференция) населения муниципального образования;
- регулятивные формы прямого волеизъявления граждан — гражданская инициатива; обращения граждан; наказания избирателей; отчеты; территориальное общественное самоуправление;

— консультативные формы прямого волеизъявления граждан — митинги, шествия, демонстрации, пикетирования; публичные слушания; опросы граждан; консультативный референдум; народное обсуждение [6, с. 201].

При этом в Законе «Об общих принципах...» нашли свое закрепление не все из указанных выше форм прямой демократии в системе местного самоуправления. Соответственно, дополнительные формы, в силу открытого перечня форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, приведенного в гл. 5 указанного Закона, могут предусматриваться конституциями (уставами) и законами субъектов Российской Федерации или уставами муниципальных образований.

Определенный интерес представляет исследование всех форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, т. к. именно с их помощью граждане реализуют свое право на самоуправление, а их закрепление в законодательстве России рассматривается как правовая гарантия организации и осуществления местного самоуправления [7, с. 239–240]. Однако в настоящей статье мы коснемся только анализа влияния мнения населения, выявленного путем проведения публичных слушаний и опросов граждан, на осуществление местного самоуправления в части принятия органами местного самоуправления управленческих решений.

Такие формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, как публичные слушания и опрос граждан, закрепленные в ст. 28 и 31 Закона «Об общих принципах...», играют хотя и не ведущую, но весьма важную роль в системе местного самоуправления.

Публичные слушания проводятся для обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения с участием жителей муниципального образования. В соответствии с ч. 3 ст. 28 Закона «Об общих принципах...» на публичные слушания в обязательном порядке должны выноситься:

- 1) проект устава муниципального образования, а также проект муниципального правового акта о внесении изменений и дополнений в данный устав;
- 2) проект местного бюджета и отчет о его исполнении;
- 3) проекты планов и программ развития муниципального образования, проекты правил землепользования и застройки, проекты планировки территорий и проекты межевания территорий, а также вопросы предоставления разрешений на условно разрешенный вид использования земельных участков и объектов капитального строительства, вопросы отклонения от предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, вопросы изменения одного вида разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства на другой вид такого использования при отсутствии утвержденных правил землепользования и застройки;
- 4) вопросы о преобразовании муниципального образования.

При этом мы поддерживаем точку зрения ряда исследователей о том, что перечисленные в Законе случаи обязательного вынесения на публичные слушания проектов муниципальных правовых актов могут быть дополнены законодателями субъектов Федерации, а также в уставах муниципальных

образований. Кроме того, муниципальные нормативные правовые акты и правоприменительная практика в течение последних лет шли именно по этому пути [2, 3].

Опрос граждан проводится на всей территории муниципального образования или на части его территории для выявления мнения населения и его учета при принятии решений органами и должностными лицами местного самоуправления, а также органами государственной власти (ч. 1 ст. 31 Закона «Об общих принципах...»). Следовательно, для выявления мнения населения на опрос может быть вынесен любой вопрос или вопросы, которые непосредственно затрагивают интересы населения муниципального образования (части территории муниципального образования), относящиеся к компетенции местного самоуправления. При этом не должны обсуждаться вопросы, которые не могут быть вынесены на местный референдум, относящиеся к исключительной компетенции представительных органов муниципального образования, а также противоречащие законодательству Российской Федерации.

Несомненно, что опрос граждан и публичные слушания включены в новый федеральный закон о местном самоуправлении в целях предоставления населению больших возможностей для участия в принятии управленческих решений органами местного самоуправления.

Мнение населения, выявленное с помощью опросов граждан и публичных слушаний, по общему правилу носит рекомендательный характер. И в большинстве случаев это справедливо. Работа органов и должностных лиц местного самоуправления по решению вопросов местного значения и принятию связанных с этим управленческих решений связана с целенаправленной деятельностью в сфере муниципального управления и должным уровнем профессиональной подготовки (особенно для муниципальных служащих). Иными словами, выборные должностные лица органов местного самоуправления, муниципальные служащие, привлекаемые органами местного самоуправления представители различных учреждений и организаций, участвуют в разработке и принятии управленческих решений, применяя имеющиеся у них специальные познания и навыки в той области, к которой относится проблема. Тогда как общественность в лице населения не всегда объективна и далеко не всегда способна компетентно судить о технических и иных, требующих специальных познаний, сторонах принимаемых решений.

В то же время мы считаем возможным в Законе «Об общих принципах...», законодательных актах субъектов Российской Федерации, регулирующих вопросы организации и осуществления местного самоуправления, закрепить в исключительных случаях не рекомендательный, а обязательный характер выявленного мнения населения для всех субъектов муниципально-правовых отношений.

Такое предложение выносится нами на основе следующих доводов:

— рекомендательный характер мнения населения в Законе «Об общих принципах...» указан только для опроса граждан, тогда как в отношении публичных слушаний такого указания нет;

— обязательный характер мнения населения, выявленного путем опросов граждан или публичных слушаний, является дополнительной гарантией прав граждан в области местного самоуправления;

— местное самоуправление не противопоставляется государственной власти, но, по нашему мнению, нуждается в довольно жесткой опеке со стороны государства с одновременным предоставлением населению больших возможностей для участия в принятии управленческих решений.

В то же время нельзя не признать, что существуют и серьезные контраргументы:

— в Законе «Об общих принципах...» нет указания на возможность придания мнению населения, выявленному с помощью опросов граждан и публичных слушаний, обязательного характера;

— существует достаточное количество императивных форм непосредственного осуществления населением самоуправления, чтобы создавать еще одну;

— основную роль в муниципальном управлении играют органы местного самоуправления, которые действуют на основе делегированных населением полномочий по управлению, и именно они правомочны принимать обязательные для исполнения нормативные правовые акты;

— население всегда разнородно, представлено различными социальными группами, поэтому крайне трудно выявить единое мнение населения по тому или иному вопросу, выносимому на обсуждение.

Исходя из вышесказанного, вполне закономерен вопрос: насколько оправдано придание результатам опроса граждан или результатам публичных слушаний обязательного характера?

Конечно же, далеко не во всех случаях выявленное мнение населения может и должно носить для органов местного самоуправления обязательный характер. Придание в законодательстве субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актах обязательного характера мнению населения, выявленному органами местного самоуправления на основе проведения публичных слушаний и опросов граждан, должно основываться на тщательном анализе необходимости такого подхода. Дело в том, что не требуется, по нашему мнению, простое закрепление обязательного характера мнения населения в нормативных правовых актах. Однако есть смысл обязать органы местного самоуправления учитывать мнение населения в том случае, если органам местного самоуправления не удастся наладить диалог с населением, население не ощущает связи с органами местного самоуправления, условия жизни не улучшаются, и, как следствие, в обществе нарастают протестные настроения.

В связи с этим оговоримся, что существует такое понятие, как социальная диагностика. Согласно экоантропоцентрической концепции Т.М. Дридзе, отношения человека со средой обитания строятся как опосредуемые обстоятельствами его личной и социокультурной жизни многомерные пространственно-временные, прямые и обратные связи с окружением. Одна и та же ситуация может по-разному оцениваться отдельными людьми. Особенно это проявляется при возникновении проблемной (или конфликтной) жизненной ситуации. Такая ситуация требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений, а

также выбора той или иной стратегии деятельности, средств и способов достижения желаемого результата [4].

Следовательно, при возникновении конфликтной ситуации, требующей при принятии органами местного самоуправления управленческого решения (издании правового акта), учета мнения населения, необходимо учитывать также различные социальные факторы (социальный состав участников согласительных процедур, их уровень жизни, доходы, доступность различных благ и услуг, т. к. большинство из них предоставляются именно на местном уровне и т. д.). Такой подход к проблеме при принятии управленческого решения требует от органов местного самоуправления напряженной работы по повышению уровня жизни населения, деятельности во благо населения, хотя бы для того, чтобы снизить уровень социальной напряженности и свести к минимуму блокирование населением инициатив органов местного самоуправления в области муниципального управления.

Тем не менее одного уменьшения уровня социальной напряженности в обществе будет недостаточно для придания на законодательном уровне мнению населения, выявленному на основе публичных слушаний и опросов граждан, обязательного характера.

По нашему мнению, такая мера должна также служить защитным механизмом приоритетных направлений развития муниципальных образований, устанавливаемых в законодательстве субъектов Российской Федерации, в той или иной области деятельности местного самоуправления и связанных с решением вопросов местного значения.

В том случае, если деятельность органов местного самоуправления или проект нормативного правового акта органа муниципального образования может нанести ущерб приоритетам развития муниципального образования, население вполне может «блокировать» реализацию такого решения или принятие нормативного правового акта.

В частности, в качестве приоритетов развития территорий муниципальных образований в градостроительной сфере можно предусмотреть:

- строительство школ, детских садов, поликлиник, спортивных сооружений, детских площадок и других объектов социальной инфраструктуры;
- развитие торговой сети, строительство предприятий бытового обслуживания и общественного питания;
- строительство социального жилья, гостиниц, мотелей;
- развитие инженерной и транспортной инфраструктуры, в том числе тепловых узлов, телефонных станций;
- строительство и реконструкцию театров, кинотеатров, клубов и других учреждений культуры;
- реконструкцию и реставрацию памятников истории и культуры, восстановление церквей и других объектов недвижимости богослужебного назначения;
- расчистку завалов и пустырей, ликвидацию свалок, комплексное благоустройство территории;
- вывод на периферию муниципальных образований складских помещений и оптовых торговых предприятий;

— вывод автостоянок из дворов жилых домов, скверов, детских площадок и иных земельных участков;

— охрану лесных массивов, создание парков, скверов, клумб и иных природных объектов в границах муниципального образования;

— строительство сооружений газо-, электро- и водоснабжения населения.

Таким образом, обязательный характер мнения населения при обязательности проведения согласительных процедур будет играть охранительную функцию, служить гарантией осуществления местного самоуправления.

В то же время население муниципального образования не должно иметь возможности блокировать деятельность органов местного самоуправления по реализации управленческих решений. В данном случае главенствующее место занимают приоритетные направления развития муниципального образования, и мнение населения может и должно быть учтено, но не станет решающим.

Закрепление в законодательстве субъектов Российской Федерации приоритетов развития муниципальных образований и доведение их до общественности позволит органам местного самоуправления реализовывать свои планы в указанных направлениях, учитывая мнение населения лишь в качестве рекомендации.

В свою очередь, закрепление в законодательстве субъектов Российской Федерации приоритетных направлений развития муниципальных образований, а также допущение возможности придания мнению населения обязательного характера должно стимулировать органы местного самоуправления максимально информировать население о предполагаемой реализации управленческих решений, максимально аккуратно подходить к формулированию, разработке и принятию управленческих решений, максимально учитывать интересы граждан, проживающих на территории муниципального образования.

Как справедливо отмечает А.С. Карпов, огромное значение во взаимодействии органов местного самоуправления и населения в области принятия управленческих решений имеет информирование населения и общественные обсуждения. «Граждане, получившие возможность ознакомиться с полной информацией по проекту, далее сами выбирают форму своего участия, в том числе — такие варианты, как проведение общественной экспертизы или судебный процесс» [5, с. 10].

По нашему мнению, обязательный характер мнения населения не должен явиться препятствием для деятельности органов местного самоуправления. Как отмечает Н.Д. Сорокина, исследовавшая отношение жителей г. Москвы к строительству ряда объектов, «результаты опросов также показали, что, несмотря на достаточно большой протестный потенциал жителей, определенная часть из них готова участвовать в процессе согласования интересов. Более того, наряду с негативными последствиями строительства рационально мыслящая категория населения видит и позитивные результаты, прежде всего в решении проблемы благоустройства близлежащей территории. К тому же достаточно большая часть опрошенных не видит ущемления своих интересов в случае застройки. Эту часть жителей также

можно рассматривать как потенциально готовую к процессу согласования интересов» [8, с. 54].

Еще одним необходимым условием придания мнению населения, выявленному с помощью публичных слушаний и опросов граждан, обязательного характера, является внесение изменений в ст. 28 и 31 Закона «Об общих принципах...», указывающих на возможность для регионального законодателя или органов местного самоуправления самостоятельно устанавливать обязательность мнения населения для органов местного самоуправления.

Таким образом, использование региональным законодателем закрепления обязательного характера мнения населения, выявленного с помощью публичных слушаний и опросов граждан, способно положительным образом сказаться на возможности участия населения в принятии органами местного самоуправления управленческих решений и гарантировать такую сторону осуществления местного самоуправления, как принятие органами местного самоуправления управленческих решений в интересах населения.

При этом опросы граждан и публичные слушания необходимо рассматривать не иначе как способы (инструменты) согласования общественных интересов в муниципальных образованиях.

В завершение отметим, что институт согласования общественных интересов и учета мнения населения является одним из важнейших демократических институтов реализации местного самоуправления во всем мире. Только путем согласования интересов населения, органов публичной власти и третьих лиц, участвующих в муниципально-правовых отношениях, можно в будущем избежать конфликтов в принятии и реализации управленческих решений на уровне местного самоуправления и снизить социальную напряженность, свойственную некоторым муниципальным образованиям, вызванную отсутствием поддержки со стороны населения принимаемых органами местного самоуправления управленческих решений [9, 10, 11].

Список литературы:

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2003. — № 40, ст. 3822.
2. Об утверждении положения о проведении общественных слушаний по вопросам местного значения муниципального образования «Город Волжский» : постановление Волжской городской Думы Волгоградской области от 31 декабря 2002 г. // Волжская правда. — 2003. — № 5.
3. Положение об общественных слушаниях в городе Красноярске от 6 июля 2000 г. № 24-265 // Городские новости. — 2000. — 26 июня.
4. Дридзе, Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики / Социальная коммуникация и социальное управление в экантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах / отв. ред. Т.М. Дридзе. Кн. 1. — М.: Изд-во Института социологии РАН, 2000. — С. 5–42.
5. Карпов, А.С. Реализация технологии учета мнений заинтересованной общественности в законодательстве // Экологическая безопасность: природа и общество : тезисы докладов международной науч.-практ. конференции, г. Санкт-Петербург, 2–3 апреля 2004 г. — СПб., 2004. С. 9–12.
6. Муниципальное право / под ред. Ю.А. Дмитриева. — М.: Эксмо, 2005. — 1196 с.

7. Муниципальное право России / под ред. А.С. Прудникова, И.А. Алексеева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2009. — 319 с.

8. Сорокина, Н.Д. Место социальной диагностики в технологии согласования интересов при реализации градостроительных решений // Социальное управление, коммуникация и социально-проектные технологии : материалы всероссийской конференции. — М. : ИС РАН, 2005. — С. 52–57.

9. Трофимов, М.С. О создании правового механизма согласования общественных интересов при принятии управленческих решений органами местного самоуправления // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 13. — Ставрополь: Сервисшкола: СГУ, 2006. — С. 61–65.

10. Трофимов, М.С. Об обязательном учете мнения населения при реализации градостроительных решений // Сборник тезисов работ участников Второго Всероссийского конкурса молодежи образовательных учреждений и научных организаций на лучшую работу «Моя законотворческая инициатива». — М.: Государственная Дума ФС РФ, НС «ИНТЕГРАЦИЯ», 2007. — С. 460–461.

11. Трофимов, М.С. Рекомендательный и обязательный характер мнения населения, выявленного органами местного самоуправления на основе проведения публичных слушаний и опросов граждан // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2009. — № 1. — С. 70–74.

References:

1. Ob obshhikh principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Ros-sijskoj Federacii : federal'nyj zakon RF ot 6 oktjabrja 2003 g. № 131-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2003. — № 40, st. 3822.

2. Ob utverzhdenii polozhenija o provedenii obshhestvennyh slushanij po voprosam mestnogo znachenija municipal'nogo obrazovanija «Gorod Volzhskij» : postanovlenie Volzhskoj gorodskoj Dumy Volgogradskoj oblasti ot 31 dekabrja 2002 g. // Volzhskaja pravda. — 2003. — № 5.

3. Polozhenie ob obshhestvennyh slushanijah v gorode Krasnojarske ot 6 ijulja 2000 g. № 24-265 // Gorodskie novosti. — 2000. — 26 ijunja.

4. Dridze, T.M. Dve novye paradigmy dlja social'nogo poznanija i social'noj praktiki / Social'naja kommunikacija i social'noe upravlenie v jekoantropocentricheskoj i semiosociopsihologicheskoj paradigmah / otv. red. T.M. Dridze. Kn. 1. — М.: Izd-vo Instituta socio-logii RAN, 2000. — S. 5–42.

5. Karpov, A.S. Realizacija tehnologii ucheta mnenij zainteresovannoj obshhestvennosti v zakonodatel'stve // Jekologicheskaja bezopasnost': priroda i obshhestvo : tezisы dokladov mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii, g. Sankt-Peterburg, 2–3 aprelya 2004 g. — SPb., — 2004. S. 9–12.

6. Municipal'noe pravo / pod red. Ju.A. Dmitrieva. — М.: Jeksmo, 2005. — 1196 s.

7. Municipal'noe pravo Rossii / pod red. A.S. Prudnikova, I.A. Alekseeva. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2009. — 319 с.

8. Sорокина, N.D. Место social'noj diagnostiki v tehnologii soglasovanija interesov pri realizacii gradostroitel'nyh reshenij // Social'noe upravlenie, kommunikacija i social'no-proektnye tehnologii : materialy vserossijskoj konferencii. — М. : IS RAN, 2005. — С. 52–57.

9. Trofimov, M.S. O sozdanii pravovogo mehanizma soglasovanija obshhestvennyh interesov pri prinjatii upravlencheskih reshenij organami mestnogo samoupravlenija // Trudy juridicheskogo fakul'teta Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 13. — Stavropol': Servisshkola: SGU, 2006. — S. 61–65.

10. Trofimov, M.S. Ob objazatel'nom uchete mnenija naselenija pri realizacii gradostroitel'nyh reshenij // Sbornik tezisov работ uchastnikov Vtorogo Vserossijskogo konkursa molodezhi obrazovatel'nyh uchrezhdenij i nauchnyh organizacij na luchshuju

rabotu «Moja zakonotvorcheskaja iniciativa». — M.: Gosudarstvennaja Duma FS RF, NS «INTEGRACIJA», 2007. — S. 460–461.

11. Trofimov, M.S. Rekomendatel'nyj i objazatel'nyj harakter mnenija naselenija, vyjavlennogo organami mestnogo samoupravlenija na osnove provedenija publicnyh slushanij i oprosov grazhdan // Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik. — 2009. — № 1. — S. 70–74.

С.А. Иванов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и
процесса,
Юридический институт Северо-
Кавказского федерального университета

S.A. Ivanov
candidate of legal Sciences,
associate Professor of the Department of
criminal law and process,
North Caucasus Federal University
null_000@mail.ru

Обязанность суда по учету смягчающих и отягчающих обстоятельств при назначении наказания как коррупциогенный фактор уголовного закона

Аннотация: в статье говорится о том, что не предусматривающая каких-либо конкретных критериев исполнения обязанность суда по учету смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств на практике трансформируется в ничем не подкрепленную правовую декларацию. Кроме того, в ряде случаев обязанность суда учитывать при назначении наказания смягчающие и отягчающие обстоятельства может превращаться в средство давления на виновных лиц с целью вымогательства у них предмета взятки или установления с ними иных коррупционных отношений. Ведь суд, по сути дела, сам, по своему усмотрению решает вопрос о том, как и каким образом он будет учитывать при назначении наказания смягчающие и отягчающие обстоятельства. Поэтому для того чтобы избежать превращения учета отягчающих и смягчающих наказание обстоятельств в коррупциогенный фактор уголовного закона их влияние на меру наказания необходимо формализовать. Для этого, во-первых, следует определить, как именно соотносится учет смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств с санкцией статьи уголовного закона. А во-вторых — более детально раскрыть содержание самих обстоятельств, отягчающих и смягчающих наказание, с целью установить, какой круг случаев, совершенных общественно опасных деяний подпадает под то или иное обстоятельство. Однако полностью исключать судебное усмотрение из учета обстоятельств, отягчающих или смягчающих наказание, также нельзя. Его просто необходимо в определенной мере ограничивать, прежде всего для того, чтобы не создавались дополнительные условия возникновения и развития коррупциогенных отношений между судом и виновным лицом.

Ключевые слова: уголовный закон, коррупциогенный фактор, смягчающее наказание обстоятельство, отягчающее наказание обстоятельство, назначение наказания, правовая обязанность, метод уголовного права.

125

The duty of the account by the court when sentencing extenuating and aggravating circumstances as a corruption-generating factor of the criminal law

Summary: this article deals with the duty of the court that is not providing any specific measures of performance to incorporate mitigating and aggravating circumstances and in practice it transforms into unsubstantiated legal declaration. And moreover, in some cases the duty of the court to consider when sentencing mitigating and aggravating circumstances may become a means of pressure on the perpetrators to extort bribes from them or subject them to establish other corruption relations. Indeed, the Court in fact on its discretion in how and in what way it will be taken into account when sentencing mitigating and

aggravating circumstances. Therefore, in order to avoid turning the account aggravating and mitigating circumstances in the penalty factor is the corruption of the criminal law of their impact on the punishment should be formalized. To do this, first, determine exactly how accounting relates mitigating or aggravating circumstances, with the sanction of the Criminal Law. And secondly, in more detail to reveal the content of the aggravating circumstances and mitigating the punishment in order to establish a range of cases committed socially dangerous acts fall under a particular circumstance. However, to fully exclude the judicial discretion of the account of aggravating or mitigating circumstances, the punishment is also impossible. Its a must to some extent restrict primarily to not create additional conditions for the emergence and development of corruption-relationship between the court and the guilty person.

Keywords: *criminal law, corruptogenic factor, mitigating circumstance, aggravating circumstance, sentencing, legal duty, the method of criminal law.*

Согласно части 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Это положение уголовного закона недвусмысленно указывает на то, что учет обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, — одно из нескольких необходимых условий назначения справедливого наказания. Использование в указанной норме УК РФ глагола «учитываются» говорит о том, что суд обязан учитывать при определении вида и размера наказания все предусмотренные уголовным законом критерии, в том числе и обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание, установленные в совершенном преступлении, независимо от того, хочет он это делать или нет. Таким образом, учет обстоятельств, отягчающих или смягчающих наказание, является обязанностью, а не правом суда. Исключением, конечно, считается учет судом тех смягчающих наказание, обстоятельств, которые не предусмотрены ст. 61 УК РФ, и учет недавно закрепленного в п. 1.1 ст. 63 УК РФ такого обстоятельства, отягчающего наказание, как состояние опьянения, вызванное употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ. Учет указанных обстоятельств рассматривается уголовным законом как право, а не как обязанность суда.

Возложение на суд исполнения каких-либо обязанностей происходит в рамках такого метода регулирования общественных отношений, которым выступает обязывание. Этот метод относится к императивным методам права. Особенность обязывания в уголовном праве заключается в том, что это предусмотренное уголовно-правовыми нормами требование от субъекта определенного поведения, заключающегося в активном выполнении им предписаний уголовного закона. На первый взгляд, оно во многом сходно с методом запрета. Однако в отличие от запрета метод обязывания выражает преимущественно активно-действенную динамическую сторону механизма правового регулирования [1, с. 141]. Действие обязывания в уголовно-правовом отношении выражается в том, что оно заставляет субъекта поступать таким образом, как это предусмотрено в правовой норме, в то время как запрет наоборот требует от субъекта воздержаться от совершения определенных действий.

Неотъемлемым атрибутом обязывания как метода уголовно-правового регулирования выступает правовая обязанность. По мнению Г.Ф. Шершеневича,

правовая обязанность — «это, прежде всего, сознание связанности своей воли. Человек вынуждается соотносить свое поведение с предъявленными к нему извне требованиями. Юридически обязанным следует считать того, к кому обращено веление норм права: человек действует, т. к. побуждают его собственные интересы, он считает необходимым ограничить себя в возможном фактически осуществлении интересов из-за интересов других. На волю человека, готового действовать по побуждениям своей природы, оказывает давление фактор, вызывающий в нем сознание своей связанности, следовательно, в основе правовой обязанности, как и субъективного права, лежит воля, — воля пассивного субъекта [2, с. 124]».

Функциональное назначение обязывания как метода правового воздействия на общественные отношения состоит в том, что, являясь законной преградой на пути произвола, хаоса, своеволия, неорганизованности, оно привносит в механизм правового регулирования необходимое свойство порядка и дисциплины [3, с. 307]. Однако в отношении смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств обязывание суда их учитывать не выполняет своей упорядочивающей роли, поскольку не ограничивает ни в коей мере судебное усмотрение при назначении наказания. Основная проблема заключается в том, что в уголовном законодательстве нигде не закреплен конкретный механизм учета смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств. Это и превращает существование в законе обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, из средства, ограничивающего судебное усмотрение, в тот инструмент, которым суд может пользоваться по своему желанию и в тех пределах, в которых ему это выгодно. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда государство, закрепив за судом обязанность учитывать при назначении наказания смягчающие и отягчающие обстоятельства, фактически дополнительно увеличило объем правомочий суда по отношению к виновному лицу. Эти обстоятельства суд может использовать в качестве средства, оказывающего дополнительное давление на подсудимого, ведь их использование на практическом уровне осуществляется по известному еще с незапамятных времен принципу: «захочу казнь, а захочу помиловать». В условиях тотальной коррумпированности российского общества¹ это может превратиться в способ вымогательства предмета взятки судьями у подсудимых. И если посмотреть на ситуацию с учетом обстоятельств, отягчающих и смягчающих наказание, с точки зрения опасности совершения коррупциогенной сделки между судьей и виновным лицом, то она действительно содержит немало подобных моментов.

Первый коррупциогенный момент связан с тем, как именно необходимо отражать учет обстоятельств, отягчающих и смягчающих наказание, в приговоре суда. Формально суд обязан и при наличии, и при отсутствии обстоятельств, отягчающих или смягчающих наказание, назначать его в пределах санкции статьи, предусматривающей ответственность за то преступление, по которому осуждается виновное лицо. Никаких особых указаний по

¹ По индексу восприятия коррупции Россия получила 28 баллов, что сегодня соответствует 127 месту. Столько же получили Азербайджан, Пакистан, Никарагуа, Мали, Мадагаскар, Ливан, Гамбия и Коморские острова. — См.: URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriiatiia-korruptcii/zastriiali> (дата обращения: 12.11.2014).

поводу того, какой должна быть мера наказания в случае, если в совершенном лицом преступном деянии имеют место обстоятельства, отягчающие или смягчающие наказание, закон не содержит. За исключением лишь того правила, которое закреплено в ч. 1 ст. 62 УК РФ в отношении смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных пп. «и» или «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Да и в этом случае пределы судебного усмотрения ограничиваются снижением на одну треть максимального размера санкции, предусматривающей ответственность за то преступление, по которому осуждается виновное лицо.

Такое отсутствие законодательной регламентации учета обстоятельств, отягчающих и смягчающих наказание, создает широкие возможности для судебного произвола. Учитывая обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание, суд только на основе своего усмотрения по сути дела решает следующие немаловажные вопросы:

1. Как следует соотносить учет смягчающего или отягчающего наказания обстоятельства с применяемой к виновному лицу уголовно-правовой санкцией? От чего следует отталкиваться при определении вида и размера наказания: от нижнего предела санкции статьи или от каких-то ее средних показателей? На первый вопрос в уголовно-правовой науке нет однозначного ответа, потому что определенных критериев справедливости назначенного наказания не существует, хотя бы в силу того, что сама суть справедливости разные субъекты понимают по-разному. Назначение наказания можно только формализовать и в рамках этого процесса выработать определенные критерии, позволяющие учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства, соотнося их с различными значениями санкции статьи.

Что касается второго вопроса, то в теории уголовного права на него имеется вполне определенный ответ. Правда, изначально он касался уголовно-правовой системы Республики Казахстан, но, учитывая сходство всех постсоциалистических уголовных законодательств, ничто не мешает использовать его и в российском уголовном праве. Решение вопроса о том, от чего следует исходить при назначении наказания, было предложено А.Т. Кариповой, которая средние значения уголовно-правовых санкций удачно называет медианой и считает, что «наказания по уголовным делам должны равномерно располагаться в границах санкции, тяготея к ее среднему значению» [4, с. 20], взяв, таким образом, за точку отсчета среднее значение санкции статьи.

2. Что делать, если смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств несколько, должно ли это в более сильной степени снижать или повышать меру назначаемого наказания? В науке эта проблема успешно решалась в отношении обстоятельств, отягчающих наказание. Вот что пишет по этому поводу Н.Н. Сундеева: «Также возникнет необходимость решения вопроса о размерах типовой индивидуализации наказания при наличии сразу нескольких из рассматриваемых отягчающих признаков. Понятно, что совокупный эффект их влияния на наказание нельзя оценить механически, как сумму формализованных значений увеличения каждым из них минимума санкции. На практике осуждение по такой формуле привело бы во многих случаях к смещению пределов санкции и даже к выходу за ее верхнюю границу, что недопустимо в уголовном праве. Между тем ясно и другое: данный эффект

весомее в сравнении с типовым отягчением любого из обстоятельств, образующих совокупность. И чем больше их число, чем опаснее их разновидности, тем значительнее общая сила их действия. Этот момент, бесспорно, не может не накладывать отпечаток на определение искомой меры» [5, с. 22–23].

Сказанное означает, что Н.Н. Сундеева отрицает возможность чисто арифметического подхода к увеличению меры наказания в зависимости от количества обстоятельств, отягчающих наказание, поскольку суд в таком случае может выйти за границу санкции статьи. Вместе с тем она считает необходимым обеспечить учет каждого из обстоятельств, отягчающих наказание, в рамках уголовно-правовой санкции.

Такой подход вполне можно считать приемлемым и по отношению к обстоятельствам, смягчающим наказание, за тем только исключением, что при наличии множества смягчающих наказание обстоятельств суд может выйти за пределы санкции статьи, руководствуясь при этом положениями ст. 64 УК РФ.

3. Какую меру наказания следует назначать лицу, если в совершенном им деянии имеются и смягчающие, и отягчающие наказание обстоятельства? Основная трудность при решении этого вопроса заключается в том, что законодатель нигде в уголовном законе не указал, каким конкретно обстоятельствам, смягчающим или отягчающим наказание, отводится решающая роль в определении вида и размера наказания. Исходя из принципа экономии мер уголовно-правовой репрессии, можно предположить, что приоритет должен оставаться за обстоятельствами, смягчающими наказание. Однако эта формула не универсальна, потому что ставить на одну доску такое смягчающее обстоятельство, как наличие малолетних детей у виновного, и такое отягчающее обстоятельство, как особо опасный рецидив преступлений, нельзя, т. к. это нарушит принцип справедливости наказания, закрепленный в ч. 1 ст. 6 УК РФ. Эффективно решить данный вопрос поможет только различная оценка в законе влияния тех или иных смягчающих или отягчающих обстоятельств на меру наказания, что давно уже предлагают сделать некоторые ученые, выделяя «особо» отягчающие [5, с. 11] или «особые» смягчающие обстоятельства [6, с. 9].

Второй коррупциогенный момент при учете отягчающих или смягчающих наказание обстоятельств связан с определением содержания самих этих обстоятельств, т. е. с установлением факта их наличия в совершенном виновным лицом преступлении. Эта проблема возникает из-за того, что в формулировках смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств имеется немало терминов с весьма неопределенным содержанием. Что, например, следует понимать под термином «социальная группа», закрепленном п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ? Или какие случаи участия лица в совершенном преступлении должны относиться к особо активной роли в совершении преступления (п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ)? На эти вопросы ответа в уголовном законе найти нельзя. Судебная практика также не выработала каких-то единых критериев, на которые можно было бы опираться правоприменительным органам при определении наличия или отсутствия данных отягчающих обстоятельств в совершенном виновным лицом преступлении. А имеющие место в теории уголовного права высказывания по данным вопросам [5; 6; 8 и т. д.] настолько

противоречивы, что не дают даже примерных ориентиров, которым правоприменитель мог бы следовать при установлении на практике отягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных пп. «г», «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

При учете обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, непонятно также, являются ли обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, — самостоятельным фактором, который учитывается при назначении наказания, или они поглощаются другими факторами, влияющими на наказание, в частности характером и степенью общественной опасности преступления, а также личностью виновного? Буквальное толкование смысла ч. 3 ст. 60 УК РФ свидетельствует в пользу второй точки зрения. Об этом говорит следующая формулировка: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание...».

Такой же позиции придерживается и Э.Л. Сидоренко. В одной из своих работ она отмечает: «Смягчающие и отягчающие обстоятельства, на наш взгляд, не имеют самостоятельного значения. Они — выражение наиболее существенных обстоятельств, характеризующих опасность деяния и личность виновного [7, с. 226]». На первый взгляд, кажется, что проблема решена. И это, скорее всего, так, несмотря даже на то, что возникает несколько новых вопросов. Почему смягчающие и отягчающие обстоятельства заслужили отдельного упоминания в уголовном законе? Что представляет собой характер и степень общественной опасности преступления, а также личность виновного, если они не охватываются ни типовыми признаками состава преступления и выраженной в них общественной опасностью, ни обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание? Значит, существуют еще какие-то обстоятельства, которые раскрывают уровень общественной опасности преступления, характеризуют личность виновного и вследствие этого способны увеличивать или уменьшать меру наказания. Но тогда и обстоятельства, смягчающие наказание, и обстоятельства, отягчающие наказание, могут быть в принципе бесконечно разнообразными, в законе приводятся лишь их примерные перечни. При этом законодательно закрепленные смягчающие и отягчающие обстоятельства отличаются от не содержащихся в законе только тем, что их суд *обязан учитывать* при назначении наказания. Следовательно, указанные в ст. 61 и 63 УК РФ смягчающие и отягчающие обстоятельства составляют лишь часть обстоятельств, характеризующих общественную опасность преступления и личность виновного, но обладают повышенным уголовно-правовым значением и поэтому заслуживают отдельного упоминания в законе.

Подводя итог, обратим внимание на следующие моменты:

1. Обязанность суда учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства при назначении наказания, не обеспеченная какими-либо конкретными критериями, не может быть надлежащим образом исполнена и только усиливает судебный произвол.

2. На практике такая ситуация грозит перерасти в средство мощного коррупциогенного воздействия со стороны суда на осужденного лица. И вышестоящие судебные инстанции не смогут этому эффективным образом помешать, поскольку сами не имеют четких ориентиров для учета смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, а ссылки на несправедливое наказание малоубедительны. Не раз имели место факты, когда изменялся приговор суда в части назначенной меры наказания с указанием на то, что суд в недостаточной мере учел смягчающие и отягчающие обстоятельства, не указывая при этом конкретно, в чем проявилась эта недостаточность.

3. При учете обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, не следует полностью исключать судебное усмотрение, но его просто необходимо в значительной мере ограничивать, прежде всего, для того, чтобы не создавались дополнительные условия возникновения и развития коррупциогенных отношений между судом и виновным лицом.

Список литературы:

1. Доктринальные и законодательные понятия в современном уголовном праве / под ред. Г.И. Чечеля. Т. 4 (О). — Ростов н/Д: Ростовский юридический ин-т (филиал) РПА Минюста России, 2014. — 467 с.
2. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права : учеб. пособие по изданию 1910–1912 гг. : в 2 т. / Г.Ф. Шершеневич. — М.: Юридический колледж МГУ, 1995. — Т. 2. — 308 с.
3. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2001. — 701 с.
4. Карипова, А.Т. Механизм построения санкций уголовно-правовых норм законодательства Республики Казахстан в зависимости от степени тяжести преступных деяний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Т. Карипова. — Караганда, 2008. — 28 с.
5. Сундеева, Н.Н. Учет отягчающих обстоятельств при назначении наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Н. Сундеева. — Ростов н/Д, 2005. — 24 с.
6. Арапиди, С.Г. Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств : дис. ... канд. юрид. наук / С.Г. Арапиди. — М., 2005. — 173 с.
7. Сидоренко, Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон / Э.Л. Сидоренко. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. — 310 с.
8. Становский, М.Н. Назначение наказания / М.Н. Становский. — СПб. : Юридический центр Пресс, 1999. — 480 с.

References:

1. Doktrinal'nye i zakonodatel'nye ponjatija v sovremennom ugovolnom prave / pod red. G.I. Chechelja. T. 4 (O). — Rostov n/D: Rostovskij juridicheskij in-t (filial) RPA Minjusta Rossii, 2014. — 467 s.
2. Shershenevich, G.F. Obshhaja teorija prava : ucheb. posobie po izdaniju 1910–1912 gg. : v 2 t. / G.F. Shershenevich. — M.: Juridicheskij kolledzh MGU, 1995. — T. 2. — 308 s.
3. Teorija gosudarstva i prava : kurs lekcij / pod red. N.I. Matuzova, A.V. Mal'ko. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Jurist, 2001. — 701 s.
4. Karipova, A.T. Mehanizm postroenija sankcij ugovolno-pravovyh norm zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan v zavisimosti ot stepeni tjazhesti prestupnyh dejanij : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / A.T. Karipova. — Karaganda, 2008. — 28 s.
5. Sundeeva, N.N. Uchet otjagchajushhih obstojatel'stv pri naznachenii nakazanija : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / N.N. Sundeeva. — Rostov n/D, 2005. — 24 s.
6. Arapidi, S.G. Naznachenie nakazanija pri nalichii smjagchajushhih obstojatel'stv : dis. ... kand. jurid. nauk / S.G. Arapidi. — M., 2005. — 173 s.

7. Sidorenko, Je.L. Otricatel'noe povedenie poterpevshego i ugovnoyj zakon / Je.L. Sidorenko. — SPb. : Juridicheskij centr Press, 2003. — 310 s.

8. Stanovskij, M.N. Naznachenie nakazaniya / M.N. Stanovskij. — SPb. : Juridicheskij centr Press, 1999. — 480 s.

Н.Б. Нечаева,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
и процесса,
Юридический институт Северо-
Кавказского федерального университета

N.B. Nechaeva,
Candidate of Law, Associate Professor,
Legal institute of the North Caucasian
federal university
natalyanechaeva18@gmail.com

Видеонаблюдение как инновационный инструментарий субъекта расследования в криминалистическом комплексе

***Аннотация:** актуальность данной статьи обусловлена возрастом географии использования видеофиксирующей аппаратуры в расследовании, не только для фиксации следов в следственных действиях, но и в качестве профилактических мер, при обеспечении безопасности объектов жилого и нежилого секторов, автомобильных дорог, при биометрических технологиях автоматической идентификации (распознавании) человека по форме лица и т. д. Цель работы: актуализация вопросов включения видеофиксирующих систем в структуру инновационного криминалистического комплекса. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и собственно криминалистических (идентификация и т. д.) методов. Автор делает выводы, что система видеонаблюдения, во-первых, фиксирует следы события преступления в режиме настоящего времени, а во-вторых, являясь ориентирующей информацией и влияя на познавательные способности субъекта расследования, служит построению версий и, в конечном счете, принятию решения по делу.*

Автор указывает на сложности, возникающие на этапе обнаружения, выемки и сохранения видеозаписей; несовместимости старых и новых технических средств видеофиксации. Автор предлагает некоторые способы преодоления данных сложностей. Внесено также предложение сформировать соответствующую инфраструктуру портретных баз данных и включить ее в обще-европейскую систему криминалистических учетов.

***Ключевые слова:** видеонаблюдение, видеозаписывающие устройства, видеофиксирующая аппаратура, биометрические технологии, портретные базы данных, инновации, идентификация объектов.*

Video surveillance as an innovative tool in the forensic investigation of the subject complex

***Abstract:** the relevance of this article is due to an increase in the use of geography video fixation equipment in the investigation, not only to fix the traces in the investigation, but also as preventive measures, while ensuring the safety of residential and non-residential sectors, roads, biometric technologies for automatic identification (recognition) of human face shape, etc. The goal of the article is to mainstream inclusion video fixation systems in the structure of innovative forensic complex. Implementation of the tasks has been achieved with the help of general science (dialectic, analysis, synthesis) and the actual forensic techniques (identification, etc.). The author concludes that the system of CCTV : firstly, the traces of a crime committed in real time, and in — secondly being the orienting information and influencing the cognitive abilities of the subject of the investigation, contributes to the building of versions and, ultimately, the decision on the case. The author defines the complexities involved in the detection step, extracting and saving videos, incompatibility of old and new hardware video fixation, as well as the reasons for the impossibility of identifying objects recorded video recorders, set by private organizations, and as a result,*

there is a problem in the use of video as evidence and be attached to the case file. The author proposes some ways to overcome these difficulties. It makes a proposal to form an appropriate infrastructure portrait database and included in the European system of criminal records.

Keywords: video monitoring, video recording devices, video fixation equipment, biometric technology, portrait database, innovation, identification of objects.

Инновационным инструментальным методом, используемым правоохранительными органами для решения задачи защиты прав личности является получение криминалистически значимой информации с помощью систем видеонаблюдения.

Вопросы применения видеозаписи, наряду с фотографией и аудиозаписью, в криминалистике традиционно относят к блоку криминалистической техники. Названные средства рассматриваются, как правило, с точки зрения их применения в следственных действиях. Так, Н.П. Яблоков, анализируя применение видеозаписи, отмечал, что она «широко используется при следственной и оперативно-розыскной деятельности», в отличие от киносъемки, которая в условиях развития видеотехники при расследовании преступлений практически не применяется. Видеозаписи отдается предпочтение, если имеется необходимость сразу же использовать результаты визуального запечатления [1, с. 103].

Область применения видеофиксации постоянно расширяется. География ее использования смещается в сторону профилактических мер, а именно, обеспечения безопасности предприятий, магазинов, банков, объектов жилого сектора, автомобильных дорог, развития механизмов идентификации человека по форме лица с помощью биометрических технологий. Таким образом, видно, что потребность в использовании средств видеофиксации растет, а с ней растет и потребность в криминалистических знаниях об их обнаружении, изъятии, фиксации и приобщении к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств.

Активное использование информации с систем видеонаблюдения в расследовании делает актуальной задачу внесения некоторых дополнений в структуру науки криминалистики, расширения ее составляющих, в частности, введения отдельного блока изучения вопросов криминалистического видеонаблюдения в разделе криминалистической техники.

Если сопоставить процессы криминалистической видеозаписи и видеонаблюдения, то можно отметить, что они имеют как общие черты, так и ряд отличий.

Криминалистическую видеозапись определяют как систему методов, приемов и средств фиксации динамической информации [2, с. 81]. Видеонаблюдение, в свою очередь, — это процесс визуального контроля над определенной территорией либо объектами, и, в отдельных случаях, автоматического анализа объектов, с применением видеозаписывающего оборудования. Видеозапись может рассматриваться как процесс и как конечный результат (вещественное доказательство), в то время как видеонаблюдение является только процессом, конечным результатом которого всегда будет видеозапись. Информация, полученная с помощью систем видеонаблюдения, представляет собой фиксацию действий, происходивших в прошлом, в свою очередь, криминалистическая видеозапись в классическом понимании — это фиксация событий, обстановки

настоящего. Наконец, видеонаблюдение может охватывать гораздо больший спектр наблюдаемых предметов, поскольку осуществляется, как правило, в течение значительно более длительного периода.

Информация, полученная посредством видеонаблюдения, помогает субъекту расследования выяснить, во что был одет преступник, особенности его поведения, установить орудия преступления, определить марку и цвет автомобиля, установить очевидцев и проезжавший мимо автотранспорт и т. п., а при отсутствии в объективе камеры самого совершаемого преступления выявить подготовительные действия преступников. Все это служит, в конечном итоге, построению моделей версий совершенного преступления, установлению механизма преступления.

При анализе видов видеозаписей целесообразно выделять несколько групп:

- видеозаписи с запечатленным событием преступления;
- съемки, фиксирующие проведения отдельных следственных действий, в частности, осмотра места происшествия.
- видеозаписи, изготавливаемые при производстве судебных экспертиз, и являющихся иллюстративным материалом;
- видеозаписи, изъятые с систем видеонаблюдения;
- бытовые видеозаписи.

Первая группа — это видеозаписи преступного события. Они могут быть изъятые как с камер видеонаблюдения, так и с любительских видеокамер. Эти видеозаписи «могут являться: контрафактной продукцией; средствами шантажа; средствами хищения; передачи конфиденциальной или секретной информации; средствами достижения желаемого преступного результата» [3, с. 160].

Вторая группа включает видеозаписи фиксации следственных действий. Наиболее распространена съемка осмотра места происшествия. Осмотр относится к одному из первых этапов предварительного расследования, в том числе и по причине возможности скорой утраты следов окружающего мира. «Даже организованная самым лучшим образом охрана места происшествия не может быть длительной и не обеспечит сохранения обстановки в неприкосновенности, не говоря уже о тех случаях, когда место происшествия охраняется плохо или не охраняется вообще, что очень часто случается на практике» [4, с. 38]. После просмотра видеозаписи у следователя может возникнуть необходимость повторного осмотра места происшествия, который, в свою очередь, даст определенный результат. Видеозапись, образно говоря, «консервирует» место происшествия, в отдельных случаях решая проблему сохранности обстановки, и позволяет взглянуть на ситуацию со стороны.

Видеозаписи, составляющие третью группу, изготавливаемые при производстве судебных экспертиз, имеют важное доказательственное значение. Определенные трудности возникают при получении сравнительных образцов у подозреваемого (обвиняемого), который отрицает свою вину и отказывается от дачи показаний либо умышленно искажает свои внешние признаки. Альтернатива: изъятие записей из домашнего архива, с жесткого диска компьютера, мобильного телефона либо выемка записи с камер наблюдения полиции при явке подозреваемого на допрос или иное следственное действие.

К следующей группе относятся видеозаписи, изъятые с систем видеонаблюдения. Выполняемые средствами контроля за производственной деятельностью, охранными системами, они «изготавливаются в процессе производственной деятельности или охранных мероприятий по правилам, предусмотренным технологическим (производственным) процессом или документами, регламентирующими систему охраны» [3, с. 160]. Широкое распространение получает видеонаблюдение в сфере различных биометрических технологий распознавания лиц, предполагающее наличие системы по созданию, хранению, архивации цифровых фотографий и передаче информации дистанционно сотрудникам полиции. В России подобные автоматизированные программы — алгоритмы лицевого распознавания — создаются в государственных и силовых структурах и используются в основном в сфере пограничного паспортного контроля как инструмент идентификации для выявления возможных террористических угроз.

Западный опыт внедрения биометрических систем показал, что у них есть не только сторонники, но и яростные противники, рассматривающие эту технологию как нарушение гражданских свобод и инструмент для построения общества тотального контроля граждан.

Отдельную группу занимают бытовые видеозаписи, так называемое любительское видео, предназначенные для семейного просмотра либо выставляемые в Интернете, автомобильная видеофиксация, а также частная охранная видеозапись с камер наблюдения объектов жилого сектора.

Однако в системах, используемых охранными службами, возникают проблемы с идентификацией, особенно если речь идет о видеозаписывающих устройствах, установленных частными организациями. Среди причин: слабые технические характеристики видеозаписывающей аппаратуры, низкая разрешающая способность камеры и скорость записи. В техническом задании на проектирование охранного телевидения не указывается задача идентификации, а лишь установление того факта, что в поле зрения попал человек, а не птица и не животное, определение его пола, возраста, если речь идет о транспортных средствах, что это автомобиль, а не мотоцикл, его марка, тип кузова. Негативное влияние оказывают также неправильный угол установки камеры, игнорирование при установке направления источников освещения. Запечатленные лица при этом оказываются нерезкими, затемненными, не видны мелкие объекты, отражено лишь общее событие, происходящее на экране.

Экспертные учреждения имеют технические возможности для улучшения качества записи, что позволяет, например, устанавливать государственные номера автотранспорта, выделять интересные следствие детали обстановки и т. п. Помимо этого также возможно видеозапись с места происшествия, стоп-кадры с изображением неустановленных преступников показать по общественному телевидению для установления очевидцев происшедшего.

Отдельные проблемы связаны с этапом обнаружения и выемки видеозаписей. При организации и производстве выемки носителей интересующих видеозаписей либо их копировании необходимо учитывать, что информация записывается на дисковый накопитель до полного заполнения, а потом постепенно стирается, т. к. новая наслаивается на уже имеющуюся. В среднем,

информация может храниться от трех дней до месяца. В связи с этим выемку производят в максимально сжатые сроки.

Особое внимание при заполнении протокола обращается на показания таймера начала и окончания записи, которые следователь указывает помимо длительности записи (размер файла в Кб), и описания первых и заключительных кадров записи. Настройки таймера нередко могут существенно отличаться от реального времени. Поэтому, если в протоколе не отразить данное расхождение, то это лишит материал статуса доказательства. Носителем информации на видеокамере кроме карты памяти может быть жесткий диск либо собственная встроенная память, в этом случае необходимо изымать саму видеокамеру.

Существует необходимость в создании государственными службами архивов записей по программе видеофиксации правонарушений и нормативном урегулировании вопроса сохранности записей частными компаниями, предоставляющими услуги по использованию видеофиксирующей аппаратуры, не менее 3 лет.

Следует обратить внимание также на проблему, которая может появиться в недалеком будущем. Общая тенденция стремительного развития технологий определенно вызовет появление средств видеофиксации нового поколения, которые могут иметь с нынешними средствами несовместимость, несогласованность форматов, т. е. необходимая информация будет попросту недоступна. Обеспечением переноса (пересохранения) архивных видеозаписей могла бы заниматься соответствующая служба, как это успешно произведено с переносом с бумажных носителей на цифровые базы дактилоскопических данных.

Активное внедрение в расследование новых технических средств, таких как видеонаблюдение, неизбежно влечет за собой изменение в частных методиках расследования. Информация, зафиксированная видеооборудованием, вне рамок следственных действий носит ориентирующий (направляющий) характер. Такая «ориентирующая информация», влияя на познавательные способности субъекта расследования, программирует круг следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий,

Список литературы:

1. Яблоков, Н.П. Криминалистика : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. / Н.П. Яблоков. — М.: Норма, 2012. — 400 с.
2. Россинская, Е.Р. Криминалистика : учебник / Е.Р. Россинская. — М.: Норма — ИНФРА·М, 2012. — 454 с.
3. Настольная книга следователя / рук. авт. кол. Н.П. Дудин; отв. ред. О.Н. Коршунова, В.С. Шадрин. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. — 908 с.
4. Сборник лекций по криминалистике (криминалистическая тактика) / под ред. С.С. Овчинского и Ю.К. Шевелева. — М. : Научно-исследовательский институт милиции Министерства охраны общественного порядка РСФСР, 1963. — 134 с.

References:

1. Jablovok, N.P. Kriminalistika : uchebnik. — 2-e izd., pererab. i dop. / N.P. Jablovok. — M.: Norma, 2012. — 400 s.
2. Rossinskaja, E.R. Kriminalistika : uchebnik / E.R. Rossinskaja. — M.: Norma — INFRA·M, 2012. — 454 s.

3. Nastol'naja kniga sledovatelja / ruk. avt. kol. N.P. Dudin; otv. red. O.N. Korshunova, V.S. Shadrin. — SPb.: Juridicheskij centr Press, 2008. — 908 s.

4. Sbornik lekcij po kriminalistike (kriminalisticheskaja taktika) / pod red. S.S. Ovchinskogo i Ju.K. Sheveleva. — M. : Nauchno-issledovatel'skij institut milicii Ministerstva ohrany obshhestvennogo porjadka RSFSR, 1963. — 134 s.

Н.Ю. Шлюндт,
кандидат юридических наук,
кафедра конституционного и
международного права,
Юридический институт
Северо-Кавказского федерального
университета

N.Y. Shlyundt,
Candidate of Law, Associate Professor,
Legal institute of the North Caucasian
federal university
nshlundt@mail.ru

Конкордат в механизме международно-правового регулирования

Аннотация: статья посвящена анализу особого рода соглашений — конкордатам. Цель исследования — определить с помощью содержательных и формальных признаков механизма международно-правового регулирования возможность договорного обеспечения беспрепятственного движения интересов субъектов к поставленным целям. Конкордат, являясь непосредственным источником действенной и действительной силы международно-правового регулирования, координирует и направляет взаимодействие мощных государственно-организованных социальных сил и опирается на их поддержку. Особая содержательная роль конкордата представляется в объективизации норм международного права, призванных обеспечить стабильность определенной сферы взаимоотношений на международной арене, путем наиболее оптимального сочетания интересов участников, обладающих международной правосубъектностью. Анализ предшествующего историко-юридического опыта позволил автору сделать вывод о том, что конкордат, будучи итогом деятельности сторон по осуществлению норм международного права, позволяет не только выявить его позитивную динамику, определить механизм реального функционирования национального права, но и учесть особенности конкретных областей межгосударственного общения.

Ключевые слова: конкордат, католическая церковь, договор, светская власть, глава государства, механизм, международно-правовое регулирование, субъекты, интерес.

The concordat in the mechanism international legal regulation

Abstract: this article analyzes a particular kind of agreements Concordat. The purpose of the study to determine with the help of content and formal features of the mechanism of international legal regulation of contractual opportunity to ensure the smooth movement of the subjects of interest to the goals. In this regard, the concordat, being a direct source of effective and active forces of international legal regulation, coordinates and directs the interaction of powerful state-organized social forces and relies on their support. Special meaningful role concordat seems to the author in objectification of international law, to ensure the stability of a certain sphere of relations in the international arena, through the optimal combination of interests of participants with international legal personality. Analysis of the preceding historical — legal expertise, has allowed the author to conclude that the concordat, being the result of the parties' implementation of international law, not only to reveal its positive momentum, to determine the mechanism of the real functioning of the national law, but also take into account the peculiarities of the specific areas of interstate communication.

Keywords: the concordat, the Catholic Church, the contract, the temporal power, the President, the mechanism of international legal regulation, the entities of interest.

Как система юридических средств, организованных наиболее последовательным образом, механизм международно-правового регулирования в своем функционировании имеет целью преодолеть политико-правовые препятствия, стоящие на пути удовлетворения интересов властных субъектов. Потребность в различных юридических средствах, действующих в механизме международно-правового регулирования, определяется разным характером движения интересов субъектов к поставленным целям и наличием многочисленных препятствий. В связи с этим договор, проводя волю субъектов, насколько это соответствует их интересам, объективирует основополагающие принципы в их взаимоотношениях. Все это позволяет выявить динамику международного права, механизм реального функционирования национального права и определить специфические особенности конкретной области межгосударственного общения.

Без эффективного функционирования субъектов и регулирования международно-правовых отношений невозможна социально-экономическая, политическая, правовая, религиозная стабильность самих первичных участников этих правоотношений.

Ключевым фактором подобной устойчивости служит наличие системы договорного упорядочения в механизме международно-правового регулирования, дающей возможность объективировать взаимные интересы контрагентов — участников многочисленных международных соглашений, поскольку и на международном уровне во взаимоотношениях сторон неизбежно прослеживается параллельное сосуществование двух тенденций: во-первых, общность интересов, связанных с увеличением компромиссных объектов международно-правового регулирования, во-вторых, противоположность механизмов реализации, в частности, конфессиональных традиций. Поэтому для поддержания политического порядка в договорной сфере международного уровня ярчайшей фигурой, привносящей «вероисповедальный» компонент в политико-правовое сотрудничество, являлась и является Церковь.

Одним из древнейших источников церковного права, преследующего вполне обоснованную цель — прекратить либо избежать столкновений разного толка, имеющих разнообразные предпосылки, между церковью и государством, выступают конкордаты. Будучи особыми соглашениями, они объективируют интересы государственной власти, с одной стороны, и Папы как церковной главы католических подданных — с другой. При этом не имеет значения, к какому вероисповеданию принадлежит сам представитель государства, и какая религия господствует в представляемом государстве.

Конкордат заключается между апостольской столицей и каким-либо государством и регулирует правовой статус католической церкви в данной стране. Учитывая особый статус Ватикана, следует отметить, что субъектом такого международного соглашения, как конкордат, со стороны церкви выступает Ватикан как апостольская столица — конфессиональный центр и сфера компетенции папы римского в качестве главы католической церкви, а также Римская курия, но не Ватикан как нетипичный субъект международного права.

Регламентации подлежат разнообразные вопросы, как имеющие общий характер, так и специальные, касающиеся отдельных юридических вопросов: положение католической церкви на территории государства-контрагента, вопросы правового режима церковной собственности, освобождение духовенства от налогов и воинской

повинности и т. д. Иными словами, конкордат — это соглашение со всей католической церковью, которая, как любят повторять сами католики, единственная среди мировых религиозных сообществ, владеет международной правосубъектностью и имеет возможность от своего имени выступать участником международных соглашений [1, с. 133]. При этом органы партикулярной католической церкви не являются субъектами-партнерами при подготовке и подписании конкордата [2]. В широком смысле слова конкордат означает любую форму соглашения между апостольской столицей и государством либо иным субъектом международного права [3, с. 25].

Поскольку конкордат — результат соглашения сторон, призванный служить достижению их целей, стороны представляют важнейший элемент этого договорного правоотношения. Их состав и характер определяют содержание договора, его юридическое и политическое значение [4, с. 54–55]. Выяснение того, кто участвует в договоре и кто не участвует, имеет первостепенное значение для определения характера договора.

Традиционно официальным представителем апостольской столицы выступает Государственный секретарь (*Secretaria Status*), действующий на основе Кодекса канонического права (1983 г.), однако и нунции оказываются непосредственными участниками подобных соглашений, ибо представляют апостольскую столицу в партикулярных католических церквях или перед государствами и публичными властями, к которым направлены.

Вторая сторона — светская, которая самостоятельно вырабатывает свой подход к процедуре заключения международных договоров. К примеру, в Российской Федерации выбор представителей, определение компетенции лиц и органов, порядок заключения международных договоров регулируется действующей Конституцией РФ, общепризнанными принципами международного права, Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., другими международными договорами Российской Федерации, Законом РФ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [5] и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Существующие в международном праве названия: конвенция, соглашение, договор, договоренность, *modus vivendi*, протокол, коммюнике, конкордат являются неотъемлемой частью самого международного договора. Как отмечал В.Н. Шуршалов, наименование договора не лишено определенного практического значения [6, с. 199]. Содержание конкордата отличается не меньшей специфичностью — две высокие стороны, апостольская столица и государство, заключают соглашение, в соответствии с которым по взаимному согласию регулируются существование, правовой статус и порядок деятельности на территории той или иной страны религиозных организаций и учреждений, принадлежащих Римско-католической церкви.

Первым считается Вормский конкордат (лат. *Pax Wormatiensis cum Calixto II*) как компромиссное соглашение между Папой Римским Каликстом II и императором Священной Римской империи Герихом V, завершившее борьбу за так называемую инвеституру [7]. Он был заключен 23 сентября 1122 г. в Вормсе, ратифицирован на Первом Латеранском соборе (1123 г.).

В соответствии с данным соглашением урегулированию подлежали спорные вопросы правового режима имущества, захваченного у местных церквей

в ходе конфликта, вопросы назначения церковных иерархов, правового и социального положения епископов, которые входили одновременно и в церковную, и в феодальную иерархию. За императором сохранялось право наделять епископов ленами и светской властью. В договоре были учтены три уступки, сделанные папской стороной. Во-первых, несение епископами вассальных обязанностей перед императором, во-вторых, присутствие императора при избрании епископов на немецкой территории, в-третьих, учет мнения императора в частных спорных случаях. Император, в свою очередь, обещал, что выборы будут проходить «без симонии и принуждения» [8, с. 121–122]. В Италии и Бургундии император лишился права участвовать в избрании и вручал инвеституру по прошествии шести месяцев [9, с. 190–191].

Следующим был Болонский конкордат — соглашение между французским королем Франциском I и Папой Римским Львом X, заключенное 18 августа 1516 г. в Болонье. Согласно данному конкордату за папой сохранялся статус верховной инстанции церковного суда, а французскому королю, в свою очередь, предоставлялось право назначения на высшие церковные должности. Таким образом, на территории Франции было юридически закреплено подчиненное положение церкви по отношению к королевской власти. Параллельно был решен вопрос о секуляризации церковных земель во Франции [10].

Проведенный анализ позволяет констатировать тот факт, что заключенные конкордаты до начала XIX в. исходили из принципа примата духовной власти над светской. Однако подобная тенденция была прервана конкордатов Наполеона, заключенным 15 июля 1801 г., по которому Рим признавал новую французскую власть, католицизм был объявлен религией большинства французов. При этом свобода вероисповедания сохранялась. Подобные, так называемые наполеоновские, конкордаты впоследствии были заключены между Папой Пием VII и Итальянской Республикой (1803), Папой Пием XI и Латвией (1922), Баварией (1924), Польшей (1925), Румынией (1927), Литвой (1927), Пруссией (1929), Италией (1929), Германией (1933), Австрией (1933), Югославией (1935) и др. Считается, что заключенные в этот период соглашения имели статус международных документов, а обе стороны формально выступали в них равноправными субъектами международного права [11, с. 89].

В феврале 1929 г. в Латеранском апостольском дворце (Palazzo Laterano) кардиналом Пьетро Гаспарри и премьер-министром Италии Б. Муссолини были заключены Латеранские соглашения, представляющие собой систему договоров между Святым Престолом и итальянским государством.

Структурно эта система состоит из договора, финансовой конвенции и конкордата. Договор признает католицизм «единственной государственной религией» Италии (ст. 1); светский суверенитет Святого Престола, включая международные дела (ст. 2); предусматривает формальное признание за Ватиканом статуса суверенной территории, управляемой Святым Престолом, формально именуя Ватикан — Городом Ватикан (*Citta del Vaticano*), границы которого определяются планом, приложенным к договору (ст. 3). Ряд статей регулирует административные вопросы, права и привилегии католической церкви в Италии (ст. 11, 12, 13) [12] и т. п.

20 июля 1933 г. был заключен конкордат между Германией и Святым Престолом, определивший свободу церкви в решении внутренних вопросов: во-первых, предоставлением широких возможностей для католического образования, во-вторых, расширением сферы применения церковного брака, в-третьих, позволением священникам служить в государственных госпиталях, тюрьмах и схожих государственных учреждениях [13, с. 80–83].

Формально сохраняющий силу до настоящего времени, конкордат в большинстве его положений не применяется ввиду морального устаревания и, как следствие, противоречия действующему немецкому национальному законодательству.

Россия также побывала в качестве контрагента конкордата. Этому способствовали исторические процессы, стремительно протекавшие в XVIII в. — вхождение в состав Российской империи земель с преимущественно католическим населением, в частности, Литвы и западной части Белоруссии в результате третьего раздела Польши. В этом случае конкордат должен был явиться нормативно-правовой базой для функционирования самостоятельной католической церковной иерархии.

Положения конкордата 1818 г. действовали вплоть до 1831 г. Вторая попытка озаменована 1847 г., однако и она оказалась несостоятельной — Россия в 1865 г. расторгла конкордат [14].

Анализ содержания заключаемых апостольской столицей после II Ватиканского собора (1962–1965) двусторонних документов, датированных 1960–2000 гг. (с Мальтой, Перу, Испанией, Польшей, Словакией и другими странами), позволяет констатировать очевидный селективный подход Ватикана к политике заключаемых соглашений.

На сегодняшний день Святым Престолом заключено более 60 двусторонних дипломатических договоров. В собственном смысле слова, в современный период конкордат был заключен только с Польшей в 1993 г. В классическом виде подобное соглашение становится редкостью, однако те документы, официально именуемые «договорами», рассматриваются именно как конкордаты [15, с. 184], в частности до сих пор ведутся переговоры между Святым Престолом и Республикой Беларусь.

Подобное сотрудничество светской и церковной власти объясняется потребностью включения религии в правовое пространство, которое может облекаться в разнообразные формы. Так, конкордат может быть исключительной привилегией, даруемой Папой государственной власти (ультрамонтанская теория), соответственно, в любой момент данная привилегия может быть отменена, в то время как светское правительство лишено права отменять конкордат, но это следствие средневековой теократической доктрины о верховенстве пап над всеми государствами, из учения «о двух мечях». Позиционируя католическую церковь, находящуюся на территории государства как одну из корпораций, контролируемых государством, конкордаты в этом случае приобретают статус законов, исходящих от государства (легалистическая теория). Однако реальному положению дел соответствует договорная природа конкордатов, где Папа и светское правительство — равноправные контрагенты [16].

Итак, представляя собой особый тип соглашения, заключенный в торжественной обстановке на долговременный срок и регулирующий всю совокупность отношений между государством и католической церковью в каждой

конкретной стране, регламентирующий вопросы социальной работы, воспитания детей, финансовой поддержки, системы льгот и защиты и т. п., конкордат является своего рода ответом посредством норм права на потребности социума.

Его оправданность зависит от соответствия той социальной потребности, которая привела заинтересованные стороны к переговорам. При этом возникает вопрос о необходимости использования подобной модели в отдельных странах, например, в России. Поддержим мнение Е.А. Лагоды о том, что, с одной стороны, для Российской Федерации не существует острой необходимости в использовании конкордатной системы в связи с тем, что она получила распространение в механизме реализации иной конфессиональной традиции, а именно католичества, однако, с другой стороны, сама система подобных соглашений, активно распространяясь на сферу публичных правоотношений, может оказаться вполне востребованной и для России [17, с. 57–60].

Вполне очевидно, что политику, с одной стороны, можно отнести к определенной форме духовной практики, регулирующей международные отношения, с другой стороны, религия одной из первых сформировала эти отношения. Также общеизвестно, что во многих религиозных учениях присутствует социальная составляющая доктрины католической, протестантской, православной церкви. Поэтому в системе механизма международно-правового регулирования конкордат при формировании цели моделирует желаемый результат, являясь мотивированным элементом, способным привести к заявленной цели. При этом соотношение между фактическими результатами действия правовых предписаний и целью, для достижения которых они были приняты, коррелирует эффективность международно-правового регулирования.

Совместная деятельность суверенных субъектов по осуществлению норм международного права является главным элементом всей системы международно-правового регулирования. И как итог сотрудничества сторон, конкордат включает в себя определенные установки, порождает определенную юридико-политическую связь, опирающуюся на совокупность индивидуальных или совместных идей и представлений о необходимости существования международного порядка, разделяемых участниками международных правоотношений.

Список литературы:

1. Правовые системы стран мира: энциклопедический справочник. — 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.Я. Сухарев. — М.: НОРМА, 2008. — 976 с.
2. Овсиенко, Ф.Г. Религиоведение : Энциклопедический словарь / Ф.Г. Овсиенко. — М.: Академический проект, 2006. — URL: <http://religa.narod.ru/zabijako/> (дата обращения: 12.12.2013).
3. Кодекс канонического права. Канон 3. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. — 620 с.
4. Zemanek, K. Das Vertragsrecht der internationalen Organisationen / K. Zemanek. — Wien, 1957. — 159 p.
5. О международных договорах Российской Федерации : закон РФ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (ред. от 12 марта 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1995. — № 29, ст. 2757.
6. Шуршалов, В.Н. Основные вопросы теории международного договора / В.Н. Шуршалов. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — 250 с.

-
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб. : Акционерное издательское общество Ф. А. Брокгауз, 1890—1907.
 8. Дирльмайер, У. Краткая история Германии / У. Дирльмаейр, А. Гестрих, У. Херманн. — СПб.: Евразия, 2008. — 545 с.
 9. Хлевов, А. Краткая история Средних веков / А. Хлевов. — СПб.: Амфора, 2008. — 368 с.
 10. Avocats, D.D. En savoir plus sur Me Christian Dufourd... L'expérience fait la différence. Matter or object of a concordat / D. D. Avocats // L'expérience fait la différence Patrimoine familial, Pension, Garde. — URL:<http://www.newadvent.org/cathen> (дата обращения: 13.01.2014).
 11. Qui Christi Domini. Bullarii romani continuatio, Tomo XI / Q.C. Domini. — Romae, 1845. — 249 p.
 12. Латеранские соглашения : Договор Святого Престола и Италии (11 февраля 1929 г.) — URL: <http://vaticancitystate.ru> (дата обращения: 20.01.2014).
 13. Lewy, G. The Catholic Church and Nazi Germany / G. Lewy. — DaCapoPress, 2000. — 416 p.
 14. Акты и грамоты о устройстве и управлении Римско-католической церкви в империи Российской и Царстве Польском. — СПб. : Тип. 2-го отд. собственной Е. И. В. канцелярии, 1849. — 240 с.
 15. Хвостова, Г.И. Государственно-конфессиональные отношения в Волгоградской области в 1975—1990 гг. / Г.И. Хвостова. — Волгоград, 2010. — 225 с.
 16. Цыпин, В.А. Церковное право. Часть I. Источники церковного права на западе / В.А. Цыпин. — URL: <http://azbyka.ru/dictionary> (дата обращения: 20.01.2014).
 17. Лагода, Е.А. Конкордатная система как модель правового регулирования государственно-церковных отношений // Общество: политика, экономика, право. — 2010. — № 2. — С. 57—60.

References:

1. Pravovye sistemy stran mira: jenciklopedicheskij spravocnik. — 3-e izd., pererab. i dop. / otv. red. A.Ja. Suharev. — M.: NORMA, 2008. — 976 s.
 2. Ovsienko, F.G. Religiovedenie : Jenciklopedicheskij slovar' / F.G. Ovsienko. — M.: Akademicheskij proekt, 2006. — URL: <http://religa.narod.ru/zabijako/> (data obrashhenija: 12.12.2013).
 3. Kodeks kanonicheskogo prava. Kanon 3. — M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2007. — 620 s.
 4. Zemanek, K. Das Vertragsrecht der internationalen Organisationen / K. Zemanek. — Wien, 1957. — 159 p.
 5. O mezhdunarodnyh dogovorah Rossijskoj Federacii : zakon RF ot 15 ijulja 1995 g. № 101-FZ (red. ot 12 marta 2014 g.) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 1995. — № 29, st. 2757.
 6. Shurshalov, V.N. Osnovnye voprosy teorii mezhdunarodnogo dogovora / V.N. Shurshalov. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. — 250 s.
 7. Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona : v 86 tomah (82 t. i 4 dop.). — SPb. : Akcionernoe izdatel'skoe obshhestvo F. A. Brokgauz, 1890—1907.
 8. Dirl'majer, U. Kratkaja istorija Germanii / U. Dirl'maejr, A. Gestrih, U. Hermann. — SPb.: Evrazija, 2008. — 545 s.
 9. Hlevov, A. Kratkaja istorija Srednih vekov / A. Hlevov. — SPb.: Amfora, 2008. — 368 s.
 10. Dufourd Dion Avocats. En savoir plus sur Me Christian Dufourd... L'expérience fait la différence. Matter or object of a concordat / D. D. Avocats // L'expérience fait la
-

différence Patrimoine familial, Pension, Garde. — URL:<http://www.newadvent.org/cathen> (data obrashhenija: 13.01.2014).

11. Qui Christi Domini. Bullarii romani continuatio, Tomo XI / Q.C. Domini. — Romae, 1845. — 249 p.

12. Lateranskie soglashenija : Dogovor Svjatogo Prestola i Italii (11 fevralja 1929 g.) — URL: <http://vaticancitystate.ru> (data obrashhenija: 20.01.2014).

13. Lewy, G. The Catholic Church and Nazi Germany / G. Lewy. — DaCapoPress, 2000. — 416 p.

14. Akty i gramoty o ustrojstve i upravlenii Rimsko-katolicheskoj cerkvi v imperii Rossijskoj i Carstve Pol'skom. — SPb. : Tip. 2-go otd. sobstvennoj E. I. V. kanceljarii, 1849. — 240 s.

15. Hvosstova, G.I. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnoshenija v Volgogradskoj oblasti v 1975–1990 gg. / G.I. Hvosstova. — Volgograd, 2010. — 225 s.

16. Cypin, V.A. Cerkovnoe pravo. Chast' I. Istochniki cerkovnogo prava na zapade / V.A. Cypin. — URL: <http://azbyka.ru/dictionary> (data obrashhenija: 20.01.2014).

17. Lagoda, E.A. Konkordatnaja sistema kak model' pravovogo regulirovanija gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. — 2010. — № 2. — S. 57–60.

А.П. Жуков,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного и
финансового права,
Юридический институт Северо-
Кавказского федерального
университета

A.P. Zhukov,
Candidate of Law,
associate professor of the administrative
and financial law,
Legal institute of the North Caucasian
federal university
ui@urinst.ru

К вопросу о системе законодательства об административной ответственности за правонарушения в сфере образования

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью административно-правовой защиты образовательных правоотношений, которые занимают центральное положение в системе государственного управления социокультурной сферой жизни общества. Цель статьи — проанализировать систему законодательства Российской Федерации и ее субъектов, устанавливающего права, обязанности и административную ответственность участников образовательных правоотношений. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализ, синтез) и частнонаучных методов (формально-юридический, сравнительно-правовой). Автор делает выводы, что административная ответственность участников образовательных правоотношений представляет собой комплексный правовой институт, включающий в себя как законодательство Российской Федерации и ее субъектов об административных правонарушениях, так и нормативно правовые акты, законодательные и подзаконные, устанавливающие правила поведения и основания ответственности участников образовательных правоотношений. Несмотря на то что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях определяет, что систему законодательства об административных правонарушениях составляет как сам Кодекс, так и законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, автор, опираясь на устоявшиеся в науке административного права понятия «административное правонарушение» и «административная ответственность» делает обоснованный вывод, что система законодательства об административной ответственности шире, чем система законодательства об административных правонарушениях.

Законодательство Российской Федерации и ее субъектов об образовании устанавливает права, свободы, обязанности участников образовательных правоотношений, наиболее важные из которых административно-деликтное законодательство России и субъектов Российской Федерации берет под свою защиту. В этом проявляется единство системы законодательства об административной ответственности за административные правонарушения в сфере образования.

Ключевые слова: административная ответственность, образование, участники образовательных правоотношений, система законодательства, административное правонарушение.

On the question of the system of legislation on administrative responsibility for offenses in the sphere of education

Abstract: the relevance of the article due importance administrative remedies educational relationships that occupy a central position in the system of governance of social and cultural spheres of society.

The purpose of the article — to analyze the legislative system of the Russian Federation and its subjects, establishing the rights, duties and administrative responsibilities of participants of educational relations.

Accomplish the task was achieved by means of general scientific (dialectical, analysis, synthesis) and special scientific (formal-legal, comparative legal). The author concludes that the administrative responsibility of the participants of educational relations is a complex legal institution, including both legislation of the Russian Federation and its subjects of the administrative offenses and regulatory legal acts, legislation and regulations, establishing rules of conduct and basis of liability of participants of educational relations. Despite the fact that the Offences Code of Russia determines that the system of legislation on administrative violations of the Code itself as well as the laws of the Russian Federation on Administrative Violations, the author, based on established science of administrative law concept of “administrative offense” and “administrative responsibility” makes reasonable conclusion that the system of legislation on administrative responsibility is broader than the system of legislation on administrative offenses. The legislation of the Russian Federation and its subjects on Education establishes the rights, freedoms, duties of participants of educational relations, the most important of which are the administrative tort law in Russia and the Russian Federation subjects takes under his protection. This reflects the unity of the law on administrative responsibility for administrative violations in the field of education.

Keywords: administrative responsibility, education, educational, participants of legal relations, the system of legislation, administrative offense.

Проводимая реформа системы образования ставит перед институтом административной ответственности новые задачи по охране общественных отношений в этой важнейшей сфере государственного управления, обеспечения прав, законных интересов и исполнения обязанностей всех участников образовательных отношений.

Система законодательства, регулирующая административную ответственность и тем самым охраняющая правоотношения в сфере образования, представлена многочисленными нормативными правовыми актами, среди которых стоит особо отметить следующие:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. (в ред. от 4 ноября 2014 г.).
3. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 21 июля 2014 г.) [1].
4. Подзаконные нормативные правовые акты Российской Федерации.
5. Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации.

Конституция РФ как Основной Закон нашего государства выстраивает фундамент для законодательства, в том числе устанавливающего администра-

тивную ответственность в сфере образования. Устанавливая нормы-принципы (ст. 43) и разграничивая компетенцию между Российской Федерации и ее субъектами (п. «е») ч. 1 ст. 72), Конституция тем самым закрепляет основу для развития и охраны правоотношений в сфере образования. Например, принцип обязательности основного общего образования, устанавливаемый ч. 4 ст. 43 Конституции РФ, выступает конституционной основой административной ответственности родителей за невыполнение обязанностей по воспитанию и обучению своих детей, предусмотренных ст. 5.35 КоАП РФ.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях запрещает те или иные деяния в сфере образования под страхом административного наказания и регулирует порядок привлечения к административной ответственности участников образовательных отношений за совершение административных правонарушений.

К основным статьям Особенной части КоАП РФ, устанавливающим административную ответственность за правонарушения в сфере образования, можно отнести следующие: ст. 5.35. Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних; ст. 5.57. Нарушение права на образование и предусмотренных законодательством об образовании прав и свобод обучающихся образовательных организаций; ст. 6.7. Нарушение санитарно-эпидемиологических требований к условиям отдыха и оздоровления детей, их воспитания и обучения; ст. 19.30. Нарушение требований к ведению образовательной деятельности и организации образовательного процесса. Все перечисленные административные правонарушения имеют в качестве объекта охраняемые законом правоотношения в сфере образования. Однако проведенный нами анализ административных правонарушений в сфере образования показал, что это далеко не все правонарушения, где субъектами могут выступать участники образовательных правоотношений [2, с. 3].

Несмотря на то что ч. 1 ст. 1.1 КоАП РФ к системе законодательства об административных правонарушениях относит собственно сам Кодекс и принятые в соответствии с ним законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, мы считаем, что система законодательства об административной ответственности в сфере образования представлена и другими нормативными правовыми актами.

Во-первых, как указывалось выше и в соответствии с ч. 2 ст. 1.1 КоАП РФ, законодательство об административных правонарушениях основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации, что уже расширяет круг правовых источников административной ответственности. Конституция РФ в силу своей особой правовой природы является нормативным правовым актом прямого действия и в случаях, когда в самом Кодексе не учтены те или иные положения Конституции РФ, это не означает, что они (эти положения) не применяются в административно-юрисдикционном процессе.

Во-вторых, под административным правонарушением, понятие которого дает законодатель в ст. 2.1 КоАП РФ, понимается противоправное, виновное

действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Административная ответственность законодательно не определяется, но и при анализе понятия административного правонарушения понятно, что оно соотносится с административной ответственностью как причина и следствие. Не ставя перед собой цели самостоятельного определения административной ответственности в рамках данного исследования, для полной ясности используем мнение А.Б. Агапова, который под административной ответственностью понимает меры принудительного воздействия, применяемые к лицу, виновному в совершении административного правонарушения, ограничивающие имущественные (неимущественные) права нарушителя либо устанавливающие его дополнительные обязанности [3, с. 13]. Соглашаясь с данным понятием, обратим внимание на следующие моменты:

1) автор не уточняет, каким именно законодательством установлены меры принудительного воздействия, т. е. предполагается, что меры принуждения за совершение административного правонарушения устанавливаются не только КоАП РФ, но и соответствующими законами субъектов Федерации;

2) административная ответственность не сводится только к применению мер административной ответственности и обеспечительных мер принуждения, предусмотренных гл. 27 КоАП РФ, но может находить свое выражение в возникновении дополнительных обязанностей правонарушителя и иных ограничительных мерах принуждения. Примером может стать возникновение обязанности образовательного учреждения, в случае признания его лицом, виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 19.30 КоАП РФ «Нарушение установленного законодательством об образовании порядка приема в образовательную организацию», принять в образовательное учреждение то лицо, в отношении которого было совершено данное правонарушение.

Подтверждением вышеуказанных выводов может послужить утверждение А.Б. Агапова, что законодательство об административной ответственности может выходить за рамки КоАП РФ и аналогичного законодательства субъектов Российской Федерации, и меры административного принуждения, применяемые к лицу, виновному (подозреваемому) в совершении административного правонарушения, регулируются и другими нормативными правовыми актами [4, с. 18]. В качестве примера автор приводит таможенное законодательство, законодательство о налогах и сборах и иное законодательство, регулирующее процессуальную деятельность органов исполнительной власти, связанную с применением мер административного принуждения в связи с совершенным административным правонарушением.

Учитывая, что административное правонарушение является лишь основанием административной ответственности, можно сделать вывод о том, что система законодательства об административной ответственности шире, чем система законодательства об административных правонарушениях, и соотносятся они как целое и часть соответственно.

В-третьих, анализ вышеперечисленных норм Особенной части КоАП РФ, устанавливающих административную ответственность за правонарушения в сфере образования, показал, что все они являются бланкетными. Описание

самих правил поведения участников образовательных правоотношений, за нарушение которых наступает административная ответственность в соответствии с КоАП РФ, содержится в иных нормативных правовых актах, в том числе и подзаконных. Роль Кодекса заключается в том, что наиболее важные права и интересы участников образовательных правоотношений, устанавливаемые нормативными правовыми актами в сфере образования, находят в нем свое отражение и тем самым берутся под защиту. Установленные в законодательстве в сфере образования те или иные права, свободы, обязанности участников образовательных правоотношений, а также порядок их реализации наполняют содержанием объект и объективную сторону административных правонарушений.

Приведем пример в качестве аргумента. Статья 6.7 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических требований к условиям отдыха и оздоровления детей, их воспитания и обучения. Сами нормы содержатся в ряде санитарно-эпидемиологических правил и нормативов, утвержденных подзаконными нормативно-правовыми актами (постановлениями главного санитарного врача). В указанных нормативных правовых актах подробно регламентированы требования к зданиям, помещениям образовательных учреждений, оборудованию, используемому в процессе обучения и воспитания, и т. д. Изменение или отмена тех или иных требований, нормативов напрямую влияет на содержание обязанностей образовательных учреждений и, как следствие, на их административную ответственность. Тем самым прослеживается прямая связь между нормами законодательства, регулирующего образовательные правоотношения, и положений законодательства, устанавливающего административную ответственность в сфере образования, что позволяет говорить о целостности системы законодательства в указанной сфере.

Правила поведения участников образовательных правоотношений, нарушение которых влечет за собой в том числе и административную ответственность, как уже отмечалось, регулируется многочисленными нормативными правовыми актами, центральное положение среди которых имеет Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Указанный Закон устанавливает основные понятия, используемые при регулировании образовательных правоотношений, права, обязанности их участников, закрепляет принципы государственной политики в сфере образования, разграничивает полномочия федеральных, региональных и местных органов власти по регулированию образовательных правоотношений, устанавливает систему образования в Российской Федерации и закрепляет иные правовые институты.

Рассматриваемый Закон имеет ряд положений, предусматривающих основания для административной ответственности участников образовательных правоотношений.

В частности, ст. 28 Закона «Компетенция, права, обязанности и ответственность образовательной организации», устанавливая обязанности образовательной организации, в ч. 7 предусматривает возможность привлечения указанной организации к административной ответственности в соответствии с КоАП РФ.

Статья 93 Закона дает определение государственному контролю (надзору) в сфере образования, устанавливает полномочия контролирующих органов в сфере

образования, порядок и уровни осуществления государственного контроля, ч. 7 рассматриваемой статьи устанавливает обязанность органа по контролю и надзору в сфере образования возбудить дело об административном правонарушении; ч. 9 указанной статьи Закона регламентирует порядок осуществления контрольных полномочий органа в сфере образования в случаях привлечения к административной ответственности образовательной организации по решению суда.

Систему подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих образовательные правоотношения, составляют указы Президента РФ [5], Правительства РФ [6], Приказы Министерства образования и науки РФ [7] и др. Подзаконные нормативные правовые акты в рассматриваемой сфере имеют двойное предназначение: с одной стороны, их задача состоит в обеспечении условий реализации федеральных законов, с другой стороны, они устанавливают и конкретизируют дополнительные по отношению к законам права, обязанности участников образовательных правоотношений и детально регулируют порядок их реализации. Например, ст. 11 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает обязательность федеральных государственных образовательных стандартов, а также раскрывает их предназначение. Сами указанные стандарты содержатся в приказах Минобрнауки России [7]. КоАП РФ в ч. 2, 3 ст. 19.30 предусматривает административную ответственность за реализацию не в полном объеме образовательных программ в соответствии с учебным планом и за выдачу организацией, осуществляющей образовательную деятельность, по не имеющим государственной аккредитации образовательным программам документов об образовании, документов об образовании и о квалификации установленного в соответствии с законодательством об образовании образца.

В соответствии с пп. «е» и «к» ст. 72 Конституции РФ в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находятся общие вопросы воспитания, образования; административные и административно-процессуальные вопросы находятся в совместном правовом регулировании. Данное положение Основного Закона предоставляет право субъектам Российской Федерации регулировать с учетом положений федерального законодательства правоотношения в сфере образования и устанавливать административную ответственность участников образовательных правоотношений. Другими словами, субъектам Российской Федерации предоставлено право конкретизировать положения федерального законодательства в сфере образования, а также дополнять, расширять права и обязанности участников образовательных правоотношений, устанавливать основания для возникновения новых образовательных правоотношений и устанавливать административно-правовые меры защиты указанных правоотношений в своем законодательстве об административных правонарушениях. Данное положение с учетом обозначенных выше выводов позволяют нам определить законодательство субъектов РФ в сфере образования и региональное законодательство об административных правонарушениях в качестве элементов системы законодательства Российской Федерации об административной ответственности в сфере образования.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что система законодательства, устанавливающего административную ответственность в

сфере образования, представлена не только Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и аналогичными принятыми на его основе законами субъектов Федерации об административных правонарушениях, но и законодательством, регулирующим правоотношения в сфере образования.

Список литературы:

1. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2012. — № 53, ч. 1, ст. 7598.

2. Жуков, А.П. Административная ответственность лиц, осуществляющих образовательную деятельность в Республике Южная Осетия // Труды Юридического института Северо-Кавказского федерального университета. Вып. 1. — Ставрополь : Параграф, 2014. — 150 с.

3. Агапов, А.Б. Административная ответственность : учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. / А.Б. Агапов. — М. : Эксмо, 2007. — 400 с.

4. Агапов, А.Б. Административная ответственность : учебник для магистров. — 4-е изд., перераб. и доп. / А.Б. Агапов. — М. : Юрайт, 2012. — 435 с.

5. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки : Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.05.2012).

6. Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки : постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 594 (в ред. от 27 декабря 2013 г.). — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.07.2013).

7. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр») : приказ Минобрнауки России от 4 мая 2010 г. № 464 (в ред. от 31 мая 2011 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2010. — № 26.

References:

1. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon RF ot 29 dekabrja 2012 g. № 273-FZ (v red. ot 21 ijulja 2014 g.) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2012. — № 53, ch. 1, st. 7598.

2. Zhukov, A.P. Administrativnaja otvetstvennost' lic, osushhestvlyajushhih obrazovatel'nuju dejatel'nost' v Respublike Juzhnaja Osetija // Trudy Juridicheskogo instituta Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. Vyp. 1. — Stavropol': Paragraf, 2014. — 150 s.

3. Agapov, A.B. Administrativnaja otvetstvennost' : uchebnik. — 3-e izd., pererab. i dop. / A.B. Agapov. — M. : Jeksmo, 2007. — 400 s.

4. Agapov, A.B. Administrativnaja otvetstvennost' : uchebnik dlja magistrrov. 4-e izd., pererab. i dop. / A.B. Agapov. — M. : Jurajt, 2012. — 435 s.

5. O merah po realizacii gosudarstvennoj politiki v oblasti obrazovanija i nauki : Ukaz Prezidenta RF ot 7 maja 2012 g. № 599. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashhenija: 07.05.2012).

6. Ob utverzhenii Polozhenija o Federal'noj sluzhbe po nadzoru v sfere obrazovanija i nauki : postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 ijulja 2013 g. № 594 (v red. ot 27 dekabrja 2013 g.). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashhenija: 18.07.2013).

7. Ob utverzhenii i vvedenii v dejstvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovanija po napravleniju podgotovki 030900 Jurisprudencija (kvalifikacija (stepen') «bakalavr») : prikaz Minobrnauki Rossii ot 4 maja 2010 g. № 464 (v red. ot 31 maja 2011 g.) // Bjulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. — 2010. — № 26.

• ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО •

В.А. Мун,
аспирант,
кафедра
теории и истории права и государства,
Волгоградский филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

V.A. Mun,
Postgraduate student,
Volgograd branch of the Russian Academy
of National Economy and State Service
under the President of the Russian
Federation
mun.viktoriya@mail.ru

Государственно-правовая политика России во второй половине XIX века в области трудового права

***Аннотация:** актуальность статьи определяется возрастающим интересом к определению государственно-правовой политики российского государства в сфере трудового права. В настоящее время в Российской Федерации выявлена активность государственной деятельности в области социальной сферы, в частности трудового права. Вместе с тем развитие государственной деятельности в Российской империи началось именно в рассматриваемый период — во второй половине XIX в. Кроме того, правовые процессы в области фабричного законодательства, происходившие в России в указанный период, имели схожую социально-экономическую обстановку, которая характерна для настоящего времени. К примеру, забастовки, недовольство низкой оплатой труда, ущемление прав работников тяжелыми условиями труда, задержка заработной платы — все эти проблемы имеются и в настоящее время. Отмеченный факт предопределяет актуальность всестороннего историко-правового исследования процесса разработки и реализации государственной политики России в области трудового права во второй половине XIX в.*

***Ключевые слова:** фабричное законодательство, наниматель, фабричные лавки, штрафы, рабочее время, ночное время, сверхурочная работа, договор, рабочие книжки, санкции, фабричная инспекция.*

State legal policy of Russia in the second half of the nineteenth century in labour law

***Abstract:** the topicality of the article is determined by the growing interest to the definition of the state legal policy of the Russian state in the sphere of labor law. In present in the Russian Federation identified the activity of state activity in the field of social sphere, in particular labour rights. However, the development of public activity in the Russian Empire started in the period under review — in the second half of the nineteenth century. In addition, the legal processes in the field of factory legislation that took place in Russia in the specified period, had a similar socio-economic situation that we have now. For example, strikes, dissatisfaction with the low wages, the infringement of the rights of workers difficult working conditions, delayed wages — all these problems also exist in the present. Noted the fact predetermines the relevance of a comprehensive historical and legal research of the process of developing and implementing state policy of Russia in the field of labour law in the second half of the nineteenth century.*

***Keywords:** factory legislation, the employer, factory shop, fines, working time, night time, overtime work, contract, working books, sanctions, the factory inspection.*

Государственная политика России во второй половине XIX в. напрямую связана с отменой крепостного права, реформированием аграрных отношений. В указанное время в России наблюдалось развитие различ-

ных отраслей промышленности, появлялись промышленные центры, происходил процесс пролетаризации крестьянства, что вело к возникновению классовых и иных противоречий.

Относительно вопроса о том, с какого момента фабричное законодательство начинает свою историю, нет единого мнения. Так, М.И. Туган-Барановский [1, с. 311], И.И. Янжул [2, с. 8], В.П. Литвинов-Фалинский [3, с. 20] занимают позицию, согласно которой фабричное законодательство начинает свою историю в России с принятия Закона от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на фабриках». С точки зрения Л.Н. Нисселовича, история фабричного законодательства в России началась со времен Петра I, т. к. именно в это время появились первые законодательные нормы, направленные на правовое регулирование труда рабочих и деятельности фабрично-заводской промышленности в целом [4, с. 9]. Согласно другой точке зрения, формирование фабричного законодательства следует начинать с Временных правил о найме рабочих, утвержденных 31 марта 1861 г., призванных регулировать найм сельских рабочих и служащих. Впоследствии же на этой основе будет сформировано фабричное законодательство.

Так, Временные правила устанавливались для лиц всех сословий с целью исполнения казенных, общественных или государственных работ. Указанные правила детально регламентировали порядок исполнения договоров. Кроме того, Временные правила уделяли отдельное внимание как требованиям о содержании помещений рабочих, так и вопросам о качестве пищи, лечении больных рабочих, а также о денежных расчетах. «До прибытия рабочих на место работ подрядчик заботится о приготовлении им здоровых и поместительных жилищ». Особые помещения должны быть отведены для кухни, пекарни, бани за счет подрядчика. «Подрядчик обязан довольствовать рабочих свежей, здоровой и обильной пищей и обеспечивать здоровой водой» [5].

Следующим этапом в становлении и развитии правовых отношений между рабочими и нанимателями стало принятие 1 апреля 1863 г. Закона «О временных правилах для найма сельских рабочих и служащих», который предусматривал ответственность рабочих за самовольную отлучку, за лень, пьянство и нерадение, а также за порчу имущества. «Винные рабочие и служащие подвергаются денежному взысканию в пользу нанимателя, в тех размерах, которые определены в договоре» [6].

В 50-х гг. XIX в. возник вопрос об ограничении работы малолетних. Так, учрежденная в 1859 г. по Высочайшему повелению при Санкт-Петербургском генерал-губернаторе комиссия для осмотра фабрик и заводов в Санкт-Петербурге и его уезде, собрав самые подробные сведения о малолетних рабочих на Санкт-Петербургских фабриках и убедившись в губительном влиянии, которое подобная работа оказывает на слишком слабый организм детей раннего возраста, признала нужным постановить ограничительные правила — как относительно возраста детей, так и относительно времени и часов работы. Первым с предложением о необходимости определить наибольшее число часов работ на фабриках малолетних и устройстве для них школ выступил в 1874 г. Владимирский губернатор. После озвученного предложения началась работа комиссий и подготовка первых проектов.

Труды комиссий завершились принятием Закона «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», утвержденного в 1882 г., который регламентировал порядок найма малолетних, работающих на заводах, фабриках и в других промышленных заведениях [7]. Так, Законом был установлен минимальный возраст детей, не допускаемых к работам — до 12 лет, а также установлена обязанность владельцев заводов, фабрик и мануфактур предоставлять возможность малолетним посещать учебные заведения не менее 3 часов в день или 18 часов в неделю.

Следующим шагом в области формирования фабричного законодательства было принятие 3 июня 1885 г. Закона «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» [8], который запрещал ночные работы для женщин и подростков, не достигших семнадцатилетнего возраста, на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках. Указанная норма была введена в виде опыта на три года, начиная с 1 октября 1885 г. В Законе 1885 г. содержалось указание на необходимость детальной разработки данного вопроса.

Издание Закона 1885 г. было тесно связано с существовавшим в то время промышленным кризисом, что особенно неблагоприятно отразилось на Санкт-петербургских фабрикантах, которые и подняли вопрос о необходимости прекращения ночных работ на мануфактурах, видя в подобном законе не только выход из затруднительного положения, созданного кризисом, но и меру, устраняющую до известной степени преимущества московских фабрикантов.

Законами 1882 г. и 1885 г. было нормировано лишь рабочее время малолетних, подростков и женщин, вопрос же об условиях найма, как этих категорий рабочих, так и взрослых рабочих, равно как вообще взаимные отношения фабрикантов и рабочих оставался открытым.

Несовершенство и неполнота законов о личном найме выражались, прежде всего, в злоупотреблениях на почве корыстных побуждений хозяев фабрик и заводов. Проявлялось это, в первую очередь, в различных удержаниях из заработной платы рабочих. Как указывает В.П. Литвинов-Фалинский, «печальную известность приобрели фабричные лавки» [3, с. 59]. Весьма широко практиковалась выдача заработной платы рабочим купонами, которые можно было обналичить в лавке. При этом товары и продукты, реализуемые в фабричных лавках, были плохого качества и непомерно дорогими. Таким образом, рабочие смотрели на лавки, как на источник злоупотреблений со стороны фабрикантов.

Другим средством злоупотреблений являлось взыскание с рабочих штрафов, которые достигали значительных размеров и уменьшали заработок рабочих на 40 и более процентов. С учетом того, что заработная плата рабочим выдавалась с задержками, дополнительное наложение штрафов и вычетов, а также взимание с рабочих платы за врачебную помощь, за освещение мастерских, за пользование орудиями производства, квартирами, банями, столовыми и прочим наводило крестьян на мысль о необходимости огородить себя от произвола хозяев. Единственный выход для себя крестьяне видели в проведении стачек и устройстве беспорядков, поскольку законных средств защиты своих прав они были лишены.

Фабричные беспорядки, охватившие почти весь московский район в конце 1884 г. и в начале 1885 г., свидетельствовали о том, что отношения, установившиеся между хозяевами и рабочими, нуждались в коренном преобразовании. Для пересмотра действовавших постановлений в начале 1885 г. была образована особая комиссия при министерстве Внутренних дел, под председательством сенатора В.К. Плеве, труды которой были утверждены 3 июня 1886 г. Основная цель работы комиссии заключалась в устранении злоупотреблений, которые могли иметь место лишь благодаря неполноте и несовершенству действовавших до 1886 г. законов.

Итак, 3 июня 1886 г. были утверждены Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа членов фабричной инспекции, согласно которым рабочим предоставлялось право требовать расторжения договора по обстоятельствам, явно нарушающим их права. К таким случаям отнеслись: «побои, тяжкие оскорбления и дурное обращение со стороны хозяина, его семейства; нарушение условий по снабжению рабочих пищей и помещением; выполнение работ, разрушительно действующих на здоровье» [9]. Отдельное внимание уделено стачечному движению. Под стачками подразумевалось всякое нарушение тишины или порядка, повлекшее принятие чрезвычайных мер для подавления беспорядков. За совершение указанных проступков действовала санкция: арест до трех месяцев.

Таким образом, Закон 1886 г. регламентировал те проблемы между фабрикантами и рабочими, которые стояли наиболее остро и нуждались в законодательном урегулировании.

12 июня 1886 г. было принято Положение о найме на сельские работы [10]. Поскольку указанный документ был призван регулировать трудовые отношения на сельских работах, в нем было закреплено понятие «сельские работы». Анализ положения 1886 г. позволяет проследить увеличение количества оснований для прекращения договора найма по инициативе нанятого, в связи с чем можно сделать вывод об обеспечении интересов землевладельцев.

Следующим этапом становления фабричного законодательства было принятие Закона от 24 апреля 1890 г. «О работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении на ремесленные заведения», согласно которому малолетние в возрасте от 12 до 15 лет могли работать до шести часов подряд, чтобы общая продолжительность их работы не превышала шести часов в сутки [11]. Закон 1890 г. предусматривал уголовную ответственность за ненадлежащее исполнение установленных предписаний в отношении работы малолетних и женщин. Санкция за нарушение указанных норм составляла «арест не свыше одного года или денежное взыскание не свыше ста рублей».

Основные понятия, связанные со временем работы, например, такими, как «рабочее время», «ночное время», «сверхурочная работа», были сформулированы в Законе «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности», принятом 2 июня 1897 г.

Таким образом, анализ государственно-правовой политики России во второй половине XIX в. в области трудового права позволяет нам сделать вывод о том, что в указанное время фабричное законодательство начало свое формирование.

Освобождение крестьян в 1861 г. дало сильный толчок развитию капитализма в России, но темп его оставался первые десятилетия еще очень медленным. Мало было освободить труд, нужно было его организовать. Организация же рабочего класса была тесно связана с уровнем его классового самосознания, последнее формировалось в процессе борьбы. В регулировании фабричных отношений по применению наемного труда на предприятиях фабрично-заводской промышленности доминировал императивный метод правового регулирования.

В рассматриваемый нами период зарождалась и развивалась борьба рабочего класса с враждебными ему силами, повышался уровень его самосознания и укреплялись его организации. Рабочий класс только зарождался. Он был не только малочислен, но и не успел еще определиться в качестве самостоятельной категории: фабрика была еще не в силах стереть с него той печати, которую оставила на нем земля. Большинство рабочих на фабриках продолжали сохранять связь с земледелием. Как бы ни были слабо развиты капиталистические отношения в России, внутренние противоречия, присущие капиталистическому строю, начали проникать в сознание трудящихся масс. Показателем этого пробуждающегося сознания и духа протеста стали стачки. Однако в рассматриваемое время стачки носили чаще всего оборонительный характер, что было вызвано злоупотреблениями, произволом и эксплуатацией рабочих. Рабочее движение только формировалось. Фабричное законодательство внесло огромный вклад в развитие трудового законодательства.

Список литературы:

1. Туган-Барановский, М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем / М.И. Туган-Барановский. — М. : Соцэкгиз, 1938. — 562 с.
2. Янжул, И.И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва / И.И. Янжул. — СПб. : Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1907. — 240 с.
3. Литвинов-Фалинский, В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России / В.П. Литвинов-Фалинский. — СПб. : Типография А.С. Суворина, 1900. — 372 с.
4. Нисселович, Л.Н. История заводско-фабричного законодательства Российской империи / Л.Н. Нисселович. — СПб. : М-во фин., 1883. — 359 с.
5. Временные правила о найме рабочих от 31 марта 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. — 1961. — Т. XXXVI. — № 36793.
6. О временных правилах для найма сельских рабочих и служителей : Высочайший указ от 1 апреля 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. — 1961. — Т. XXXVIII, № 39448.
7. О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах : закон от 1 июня 1882 г. // Полное собрание законов Российской империи. — 1886. — Т. II, № 931.
8. О воспреещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах : закон от 3 июня 1885 г. // Полное собрание законов Российской империи. — 1887. — Т. V, № 3015.
9. Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа членов фабричной инспекции от 3 июня 1886 г. // Полное собрание законов Российской империи. 1886. — Т. VI, № 3769.
10. Положение о найме на сельские работы от 12 июня 1886 г. // Полное собрание законов Российской империи. — 1888. — Т. VI, № 294.
11. О работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении на ремесленные

заведения : закон от 24 апреля 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. — 1890. — Т. X, № 6742.

References:

1. Tugan-Baranovskij, M.I. Russkaja fabrika v proshlom i nastojashhem / M.I. Tugan-Baranovskij. — M. : Socjkgiz, 1938. — 562 s.
2. Janzhul, I.I. Iz vospominanij i perepiski fabrichnogo inspektora pervogo prizyva / I.I. Janzhul. — SPb. : Tipografija Akc. obshh. Brokgauz-Efron, 1907. — 240 s.
3. Litvinov-Falinskij, V.P. Fabrichnoe zakonodatel'stvo i fabrichnaja inspekcija v Rossii / V.P. Litvinov-Falinskij. — SPb. : Tipografija A.S. Suvorina, 1900. — 372 s.
4. Nisselovich, L.N. Istorija zavodsko-fabrichnogo zakonodatel'stva Rossijskoj imperii / L.N. Nisselovich. — SPb. : M-vo fin., 1883. — 359 s.
5. Vremennye pravila o najme rabochih ot 31 marta 1861 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. — 1961. — Т. XXXVI, № 36793.
6. O vremennyh pravilah dlja najma sel'skih rabochih i sluzhitelej : Vyschajshij ukaz ot 1 aprelya 1863 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. — 1961. — Т. XXXVIII, № 39448.
7. O maloletnih, rabotajushhij na zavodah, fabrikah i manufakturah : zakon ot 1 ijunja 1882 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. — 1886. — Т. II, № 931.
8. O vospreshhenii nochnoj raboty nesovershennoletnim i zhenshinam na fabrikah, zavodah i manufakturah : Zakon ot 3 ijunja 1885 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. — 1887. — Т. V, № 3015.
9. Pravila o nadzore za zavedenijami fabričnoj promyshlennosti i o vzaimnyh otnoshenijah fabrikantov i rabochih i ob uvelichenii chisla chlenov fabričnoj inspekcii ot 3 ijunja 1886 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. — 1886. — Т. VI, № 3769.
10. Polozhenie o najme na sel'skie raboty ot 12 ijunja 1886 goda // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. 1888. — Т. VI, № 294.
11. O rabote maloletnih, podrostkov i lic zhenskogo pola na fabrikah, zavodah i manufakturah i o rasprostranenii pravil o rabote i obuchenii na remeslennye zavedenija : zakon ot 24 aprelya 1890 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. 1— 890. — Т. X, № 6742.

А.А. Петрунина,
аспирант,
кафедра теории государства и права,
Саратовская государственная
юридическая академия

A.A. Petrunina,
Graduate student
Department of Theory of State and Law
Saratov State Law Academy
majesta@mail.ru

Единство судебной практики как принцип законодательства

Аннотация: статья посвящена исследованию единства судебной практики сквозь призму принципов российского законодательства. Автор определяет правовую природу единства судебной практики, ее место и роль в российском законодательстве.

Актуальность статьи обусловлена важной ролью, которая отводится в российской правовой системе судебной практике. На сегодняшний день судебная практика является средством обеспечения единообразного применения закона в типовых ситуациях разрешения правовых споров, но и в более широком смысле она является индикатором фактического состояния правовой системы, указателем на ее развитие в соответствии с высокими стандартами, провозглашенными в Конституции Российской Федерации. Особое внимание уделяется единству судебной практики, что обусловлено необходимостью достижения единообразия в понимании и применении норм законодательства при разрешении споров и принятии решений в условиях современного развития законодательства.

Ключевые слова: единство, суд, судебная практика, принцип, законодательство.

Unity of jurisprudence as a principle of law

Abstract: this article is devoted to the study of Unity jurisprudence through the prism of the principles of Russian law. The author defines the legal nature of the unity of jurisprudence, its place and role in the Russian legislation.

Actuality of articles due to the important role to be played in the Russian legal system of jurisprudence. To date, the judicial practice is a means of ensuring the uniform application of the law in the typical situation of resolving legal disputes, but also in a broader sense, it is an indicator of the actual state of the legal system, a pointer to its development in accordance with the high standards set forth in the Constitution of the Russian Federation. Particular attention is paid to the unity of jurisprudence, which is caused by the necessity of forming the unity of understanding and application of the legislation in dispute resolution and decision-making in the modern development of the legislation.

Keywords: unity, court, judicial practice, the principle of legislation.

Коренное реформирование всех сфер государственной и общественной жизни значительным образом сказывается на развитии российского законодательства.

В современных условиях активизации правотворческого процесса важнейшее значение в формировании законодательства отводится его принципам. Это обусловлено тем, что качество законов и эффективность правового регулирования напрямую зависят от того, как в них сформулированы и раскрыты такие принципы. Как справедливо отметил В.И. Зажицкий, «какие принципы, такие и законы» [3, с. 92].

Сегодня, в условиях несовершенства законодательных актов, наличия пробелов в правовом регулировании определенных отношений, коллизий между нормами права, неоднозначности смысла законодательных норм и имеющих спорных вопросов применения права, одно из центральных мест среди принципов законодательства принадлежит принципу единства судебной практики.

Исходя из анализа действующих норм законодательства, этот принцип является одним из руководящих для российской системы правосудия.

В соответствии со ст. 391.9 Гражданского процессуального кодекса РФ и ст. 304 Арбитражного процессуального кодекса РФ нарушение единообразия в толковании и применении судами норм права является основанием для изменения или отмены судебных актов в порядке надзора.

Согласно Федеральному конституционному закону от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» Верховный Суд РФ изучает, обобщает судебную практику и в целях обеспечения ее единства дает судам общей юрисдикции разъяснения по вопросам применения законодательства Российской Федерации.

Такая обязанность суда соблюдать единообразие практики обусловлена необходимостью устранения разногласий в системе судов, а также практикой применения тех или иных норм права между судами.

На сегодняшний день действующие нормы законодательства закрепляют в качестве одного из оснований для отмены или изменения в порядке надзора судебных актов нарушение судами единства судебной практики (ч. 3 ст. 377, ст. 391.1 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 304 Арбитражного процессуального кодекса РФ).

Следует отметить, что, несмотря на законодательное закрепление обязательного соответствия судебных актов единству судебной практики и ее огромное значение для правоприменения, это явление практически не изучено в современном правоведении.

Так, по мнению Л.А. Грось, единообразие (единство) судебной практики — не что иное, как законность судебных актов, основу которой составляет правильное применение норм материального и процессуального права. Причем требование законности — это и обоснованность судебных актов, так как деятельность суда в связи с «фактической стороной» любого гражданского дела — это применение норм материального и процессуального права [2, с. 50–70].

Ю.А. Попова предлагает под единством судебной практики понимать акт высшего органа судебной власти в лице его Пленума, постановленный по результатам научно-практического анализа правоприменительной практики, содержащий рекомендации судам данной судебной системы по единообразному толкованию и применению норм права, обязательный к исполнению всеми судами [5, с. 469].

М. Фокина считает, что в перспективе обеспечение единства правоприменительной практики должно стать единственной целью надзорного производства. Она полагает, что источником гражданского процессуального права может быть только судебная практика высших судебных инстанций [7, с. 3].

В соответствии с мнением Высшего Арбитражного Суда РФ под единством судебной практики понимается единообразное применение и толкование закона, являющееся следствием единообразной правовой квалификации аналогичных юридических дел [6].

По признанию Конституционного Суда РФ, нарушением единства судебной практики является вынесение любого ошибочного с точки зрения материального и процессуального права акта [4].

Безусловно, формирование разноплановых понятий не способствует утверждению единой концепции понимания единства судебной практики, его места и роли в российской правовой системе.

Говоря о единстве следует понимать, что это в первую очередь свойство единого, составляющего одно целое; единодушие, единомыслие, что несколько отличает его от понятия «единообразие» которое употребляется в значении одинаковости в виде, в образе [1, с. 310–311].

Это свидетельствует о том, что основное направление единства судебной практики состоит не в выработке одинаковых решений по аналогичным спорам подобно судебному прецеденту, а в единстве понимания и применения норм законодательства при принятии решения. Этому способствует праворазъяснительная деятельность и деятельность по толкованию норм высшими судебными инстанциями. Особым значением для судов обладает также выработанная правовая позиция Конституционного Суда РФ.

Позиция Конституционного Суда РФ оказывает решающее значение, особенно в процессе обобщения материалов судебно-конституционной практики и выработки единых подходов к конституционной оценке действующего законодательства и единообразной организации деятельности судов субъектов Российской Федерации с учетом их национально-региональных особенностей.

В силу прямого указания ст. 106 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» толкование Конституции РФ, данное Конституционным Судом РФ, является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

Следует отметить, что ввиду необходимости соблюдения судами выработанного единства судебной практики законодатель закрепил обязательность актов высших судебных инстанций для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон (п. 3 ч. 4 ст. 170 Арбитражного процессуального кодекса, ст. 6 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

С учетом вышеизложенного сформировавшаяся судебная практика нацелена на установление не только формального, но и реального господства закона во всех сферах жизни общества и способствует его единообразному пониманию.

Следование принципу единства судебной практики помогает судьям принимать решение исходя из смысла законодательства, исключая неопределенность в толковании законодательных норм при принятии решений по аналогичным спорам.

Таким образом, можно выделить следующие признаки единства судебной практики как принципа законодательства:

— во-первых, обеспечение единства судебной практики оказывает положительное действие на регулирование общественных отношений, что является объективной необходимостью проводимой государственной политики;

— во-вторых, единство судебной практики вносит ясность в понимание законодательных норм и способствует единообразному применению норм материального и процессуального права;

— в-третьих, единство судебной практики оказывает влияние на правовые действия, совершаемые различными субъектами права, что говорит о широком круге применителей единой судебной практики;

— в-четвертых, единство судебной практики восполняет пробелы в правовом регулировании общественных отношений.

По нашему мнению, ввиду того что единство судебной практики является ярким отражением характера и содержания современного судопроизводства по рассмотрению и разрешению судами правовых конфликтов и иных дел, принцип единства судебной практики можно рассматривать в качестве принципа процессуального законодательства.

Так, принцип единства судебной практики может быть применен при отсутствии возможного решения юридической проблемы, вызванной казусами законодательства и отсутствием нормы, позволяющей решить такую проблему.

Применительно к процессуальному праву, возможность использовать собственные принципы санкционирована законодательством (п. 4 ст. 1 Гражданско-процессуального кодекса РФ).

По нашему мнению, единство судебной практики — это важнейший систематизирующий принцип процессуального законодательства, способствующий выработке однозначного понимания и единообразного

применения законодательных норм, обеспечивающий наиболее полное и точное отражение требований правовых принципов.

Список литературы:

1. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка / В.И. Даль. — М.: Эксмо, 2011. — 344 с.
2. Грось, Л.А. Единство судебной системы Российской Федерации как важная предпосылка единства и единообразия судебной практики // Концепция развития судебной системы и системы добровольно-принудительного исполнения решений Конституционного суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека : материалы Междунар. науч.-практ. конференции, 20–23 апреля 2007 г., г. Краснодар. — Краснодар ; СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. — С. 50–57.
3. Зажицкий, В.И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации // Государство и право. — 1996. — № 11. — С. 92–97.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 260-О. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2014).
5. Попова, Ю.А. Функции высших судебных инстанций по формированию единства судебной практики // Актуальные проблемы гражданского права и процесса : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конференции, г. Казань. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. — 449 с.
6. Постановление ФАС ДВО от 3 декабря 2007 г. № Ф03-А51/07-1/5113. URL: <http://www.alppp.ru/court/fas-dalnevostochnogo-okruga/12-2007/postanovlenie-fas-dalnevostochnogo-okruga-ot-25-12-2007--f03-a7307-14787-po-delu--a73-30.html>.
7. Постановление ФАС ДВО Московского округа от 7 февраля 2008 г. № КА-А40/13286-07. URL: <http://www.lawmix.ru/bux/29273/>
8. Фокина, М. Пути совершенствования надзорного производства // Эж-Юрист. — 2007. — № 12. — С. 14–17.

References:

1. Dal', V.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / V.I. Dal'. — M.: Jeksmo, 2011. — 344 s.
2. Gros', L.A. Edinstvo sudebnoj sistemy Rossijskoj Federacii kak vazhnaja predposylka edinstva i edinoobrazija sudebnoj praktiki // Konceptija razvitija sudebnoj sistemy i sistemy dobrovol'no-prinuditel'nogo ispolnenija reshenij Konstitucionnogo suda RF, sudov obshhej jurisdikcii, arbitrazhnyh, tretejskih sudov i Evropejskogo suda po pravam cheloveka : materialy Mezhdunar. nauch.-prakti. Konferencii, 20–23 aprelja 2007 g., g. Krasnodar. — Krasnodar; SPb : Juridicheskij centr Press, 2007. — S. 50–57.
3. Zazhickij, V.I. Pravovye principy v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. — 1996. — №11. — S. 92–97.
4. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 18 ijunja 2004 g. № 260-O. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashhenija: 11.09.2014).
5. Popova, Ju.A. Funkcii vysshih sudebnyh instancij po formirovaniju edinstva sudebnoj praktiki // Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava i processa : sbornik materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii, g. Kazan'. — Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 2006. — 449 s.
6. Postanovlenie FAS DVO ot 3 dekabrja 2007 g. № F03-A51/07-1/5113. URL: <http://www.alppp.ru/court/fas-dalnevostochnogo-okruga/12-2007/postanovlenie-fas-dalnevostochnogo-okruga-ot-25-12-2007--f03-a7307-14787-po-delu--a73-30.html>.
7. Postanovlenie FAS DVO Moskovskogo okruga ot 7 fevralja 2008 g. № KA-A40/13286-07. URL: <http://www.lawmix.ru/bux/29273>.
8. Fokina, M. Puti sovershenstvovanija nadzornogo proizvodstva// Jekh-Jurist. — 2007. — № 12. — S. 14–17.